

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Two Worlds
True and False
Democracy

After-Peace

important step, far-reaching
taken when man first
ings themselves and
er than in powers and
that persists amid
y of man's work

This desire of knowledge and the wonder which it
are the driving power behind all the changes that
with careless, question-begging inference, call pro

When was first asked, What
was about to dawn in the

Science is a subordinate category.
When science offers itself as the final stage of
it is guilty of a false quantity, in that it puts th
which belongs elsewhere, upon the penultima

"An expert is one who knows more
and more about less and less."

Why Should we Change
our Form of Government

"Optimism is essential to achievement and it is also the foundation of courage and the prog

"Necessity does the work of courage"

Nicholas Henry Butler

Those people who think only of themselves, are hopelessly uneducated. They are no
no matter how instructed they may be."

"One of the embarrassments of being a gentleman is that you are
not permitted to be violent in asserting your rights"

7
2015
Часть X

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 7 (87) / 2015

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Николас Мюррэй Батлер (1862–1947) — американский теоретик и практик педагогики, политик, публицист; лауреат Нобелевской премии мира 1931 года.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Хеммат-заде Ш., Захраи С.Х.

Теоретические и практические аспекты изучения категории вида русских деепричастий в персоязычной аудитории..... 913

Айматова Г. Б.

Временные придаточные предложения с союзом wenn в немецком языке и их соответствия в узбекском..... 915

Алламуратова А. Ж., Алламуратова Г. Ж.

Эволюция образа Востока в русской поэзии XX века..... 916

Бахмет О. В.

The nutritional rationale behind some of the food-related nonliteral terms in the English language 918

Варламова В. А.

Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранного языка 920

Виноградова Л. Н.

French influence on English vocabulary: the Norman Conquest (lexicographic aspect) 923

Вьюшкина Д. А.

Этимология немецкого артикля 924

Гагина О. А., Сенцов А. Э.

К вопросу исторического развития глагола «иметь» на материале русского языка..... 927

Гагина О. А., Сенцов А. Э.

Из истории ядерной группы лексем выражения концепта «обладание» во французской лингвокультуре..... 929

Ганах Л. Г.

Функциональные параметры антропонимов в английском политическом дискурсе 932

Головина Е. В.

Понятийный тезаурус лингвистического анализа текста 934

Гудина О. А.

Коммуникативные стратегии реализации целей экзамена как жанра педагогического дискурса 937

Доспанова Д. У.

Концепт «семья» в картине мира узбекского и каракалпакского языков..... 940

Захарова Е. М.

Функции сравнения в романе Г. Гессе «Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером» (на материале лексико-семантических полей «Влияние» и «Фантазия»)..... 942

Илиджева Н. В.

La Comparaison des Connecteurs en Russe et en Français..... 945

Инамова Д. Э.

Взаимодействие и взаимоявление языка и культуры в процессе перевода 949

Казарян А. А., Сенцов А. Э., Хоречко У. В.

Репрезентация концепта «кризис» в медийном дискурсе (на примере ежедневных изданий на русском и китайском языках)..... 951

Казарян А. А., Сенцов А. Э., Хоречко У. В.

Звукоподражание в китайском языке. К постановке вопроса 955

Каргина Е. М.

Лингвострановедческие особенности профильного научно-технического текста 958

Лебедева И. О., Сенцов А. Э., Хоречко У. В.

Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции..... 960

Лебедева И. О., Сенцов А. Э., Хоречко У. В.

Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции..... 962

Левина Э. А. Лингвостилистический анализ перевода рассказа Т. Г. Капоте «Выгодная покупка» на русский язык и его роль в развитии современной новеллистики США 965	Рахимова Ю. Г., Ашурова Ш. Ш., Ёвкочдиев Я. Н. Абсолютное употребление временных форм конъюнктива 996
Лиходкина И. А. Анализ перевода названий современных французских художественных произведений на русский, английский и итальянский языки..... 967	Рыбушкина С. В. Ассимиляция новейших заимствований денотативной сферы «образование» в русском языке 998
Ломаев Б. Ф. Модальные значения will в английском языке 970	Сергеева А. А. Метафорические концепты как источники фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе 1001
Малах Е. С., Поздеева Г. П. О категории числа имени существительного в диалектах хантыйского языка..... 972	Тарелкина Т. И. Потенциальные слова, образованные на базе междометий 1004
Мамажанов А., Умурзакова Д. И. Romanticism and romantic style 975	Теплицкая А. А. Детский научно-познавательный журнал как социально значимый государственный проект 1007
Насыров Л. Х. К вопросу об особенностях рекламных текстов (на материале интернет-ресурсов Узбекистана torg.uz и gr.uz)..... 977	Тухтахуджаева М. У. Философская категория отрицания и его особенности в английском языке 1010
Ниязова Д. Х. Морфология парных слов 979	У Лижу Анализ перевода многозначных слов с китайского на русский язык с точки зрения контекста 1012
Нурсаитова Д. С. Особенности публицистического стиля современных СМИ 981	Халилова Г. А. Национально-культурные особенности юридического текста в английском языке.... 1015
Парафиньска Э. З. Слово «душа» в польских и русских пословицах и поговорках. Что обозначает понятие «русская душа»? 983	Храмушина Л. М. Особенности профессионально-ориентированного текста по экономической проблематике в системе СМИ (на примере английского печатного издания International Gerald Tribune за 2012–2013 годы) 1016
Питмирова Н. Е., Демидова О. М. Особенности текста научного стиля 987	Шагаева З. А. Специфика восприятия И. А. Буниным арабского Востока 1020
Пономаренко Е. А. Влияние социокультурных факторов на речевые стратегии (в аспекте медицинского дискурса) 989	Яковлева М. П. Периодические обряды, посвященные духам-божествам в сказаниях эвенков рода Бута... 1022
Пярых К. Н., Сенцов А. Э. Особенности фонетических процессов ассимиляции на материале французского и русского языков 991	
Ракитина Е. В., Шевелёва Е. О. Топонимы Ишимского района, возникшие в результате трансонимизации..... 994	

ФИЛОЛОГИЯ

Теоретические и практические аспекты изучения категории вида русских деепричастий в персоязычной аудитории

Хеммат-заде Шахрам, аспирант;
Захраи Сейед Хасан, профессор
Тегеранский университет (Иран)

Статья посвящена важности грамматической категории вида деепричастий при изучении деепричастий русского языка в персоговорящих аудиториях. В статье анализируются трудности, с которыми сталкиваются при этом персоговорящие.

Ключевые слова: деепричастие, вид, грамматическая категория.

Изучение русского языка в Иране имеет длительную, почти столетнюю историю, но в то же время практика его преподавания свидетельствует о необходимости системного изучения грамматических особенностей деепричастия в сравнении с единицами персидского языка. Деепричастие как один из сложнейших лингвистических феноменов русского языка является обязательным объектом изучения в курсе морфологии.

В процессе теоретического изучения деепричастия его характеристике в персоязычной аудитории отводится две академические пары, за это время студенты должны изучить 1) определение деепричастия; 2) способы его образования; 3) значения и употребления деепричастия.

По вопросу практического использования деепричастий в речи иранские преподаватели имеют разные мнения: одни считают, что деепричастия не следует использовать в речи — для выражения сопутствующего значения можно применять другие, например, синтаксические средства. Деепричастие — это грамматический феномен, свойственный русскому языку и отсутствующий в персидском, и при его использовании часто появляются ошибки. Другие считают, что правильное использование деепричастий — это признак высокой степени владения языком. По нашему мнению, при правильном обучении уместно и необходимо использовать определенное количество деепричастий в письменной речи.

В настоящее время возрастает потребность изучения функциональной области категории вида в деепричастии. Связано это прежде всего с преподаванием русского языка в качестве неродного. Как свидетельствует практика преподавания русского языка в иранской аудитории основные категории неличных форм русского глагола, в том числе категория вида деепричастий, представляют

большую сложность при изучении русского языка персоговорящими. Причин подобного положения несколько. Во-первых, в персидском языке не существует категории вида и во-вторых, преподавание данных форм русского языка проводится в отрыве даже от тех теоретических положений, которые уже определенным образом сформировались в современном лингвистике.

В качестве исходного принимаем определение вида, данное А.В. Бондарко: «Глагольный вид — это грамматическая категория, обозначающая различия в представлении протекания действия и находящая выражение в системе противопоставленных друг другу грамматических форм совершенного и несовершенного видов» [2, с.11].

Одно из основных положений концепции исследования касается признания значения категории вида в позиции нейтрализации. Нейтрализацию видовой противопоставления мы понимаем как ситуацию, когда несовершенный вид может воспринимать ряд функций совершенного, не утрачивая вместе с тем своих признаков [2, с.72]. Следует остановиться еще на одном термине современной аспектологии — синонимии видов. В данном случае мы опираемся на следующее определение М.А. Шелякина: «Видовые формы глаголов в своих значениях всегда инвариантны, и один вид сам по себе не способен выражать значение другого вида. Представляя собой два соотносительных значения, члены видовой оппозиции взаимозависимы. Поэтому если внеглагольный аспектуальный контекст несет информацию об определенной видовой ситуации, то в обозначении последней может участвовать тот противоположный вид, который в силу своей видовой соотносительности является исходным для другого вида. Таким исходным характером в оппозиции видов обладает несовершенный вид» [11, с.56].

В работе в качестве исходного принимается предположение об общем сходстве видového функционирования глагольных и деепричастных форм. Считаем, что категория вида занимает центральное место в системе категорий деепричастия и является объяснительной базой изменений, происходящих в сфере категорий времени и залога. Предполагается, что существует инвентарь общих видových функций для деепричастия и личного глагола, зависимость между типом контекста, отдельными его элементами и определенной функцией деепричастной формы.

Деепричастие в современном русском языке означает такое действие или состояние названного в подлежащем субъекта, которое сопутствует действию или состоянию, названному в сказуемом, либо в том или ином отношении характеризует это действие [7, с.181].

Формообразующие суффиксы деепричастия следующие: *-а (-я)* для деепричастия несовершенного вида, *-а (-я), -в, -вши* и *-ши* для деепричастия совершенного вида. Хотя эти суффиксы являются временными суффиксами, они все же не указывают сами по себе на временное значение деепричастия [6, с.521].

И. А. Каншин утверждает, что собственной морфологической категорией деепричастия является вид, категория времени ему не свойственна [9, с.33]. Ф. К. Гужва констатирует, что развитие категории вида отразилось и на деепричастиях — они стали различаться не по времени, а по виду [8, с.223]. Подавляющее большинство исследователей рассуждает аналогичным образом, то есть обращается к категории вида в деепричастии с целью уточнения характера взаимосвязи категорий вида и времени в данных формах.

Выделяются следующие временные значения деепричастий: деепричастия, образованные от глаголов совершенного вида, могут называть действие, происходящее одновременно с другим действием, предшествующее ему или следующее за ним; деепричастия, образованные от глаголов несовершенного вида — одновременное и предшествующее [4, с.310].

Положение о том, что деепричастия СВ могут обозначать последующее действие («следование») не вызывает сомнений. Однако не все деепричастия образованные от глагола СВ могут выражать такое значение, так как значение последующего действия деепричастия СВ связано с глаголами определенных семантических классов [3, с.26]. А. Н. Гвоздев отмечает, что деепричастия СВ могут иметь и оттенок последующего действия. Например:

Чичиков согласился с этим совершенно... Он бросил папироску на землю, растоптал ее двумя ударами ноги [5, с.390].

چیچیکوف کاملاً با این موضوع موافقت کرد... سیگارش را به

زمین انداخت و با هر دو پایش آن را لگد کوب کرد.

Чичиков камелан ба ин мозу мовафегат кард... сигараш ра бе замин андаخت ва ба хар до паеш ан ра лагад куб кард.

«Следование» обозначает непосредственную смену одного действия другим [4, с.312].

Однако временные значения деепричастия нередко обусловлены лексическим значением глаголов и зависят от содержания всего высказывания [1, с.68]. Так, при деепричастии СВ может быть «дополнительное слово», препятствующее выражению значения следования. Например:

Он бросил папиросу в окно, растоптал ее ногой.

او سیگارش را بعد از اینکه با پایش لگدکوب کرد، از پنجره بیرون

انداخت.

У сигараш ра бад из инке ба пааш лагад куб курд, аз панждаре бирун андаخت.

Здесь деепричастие СВ «растоптать» выражает не действие, следующее за действием глагола-сказуемого, а предшествование одного действия другому [10, с.19].

Выделяются следующие временные значения деепричастий: деепричастие СВ может выражать значение: одновременности, предшествования и следования; а деепричастие НСВ может выражать значение: одновременности и предшествования. Деепричастия сохраняют вид и видовое значение формообразующего глагола.

Вообще, от СВ и НСВ одного и того глагола образуются деепричастия, отличающиеся формой, выражаемой разными суффиксами, и грамматическим значением, выражаемым разными видами. Деепричастие СВ и НСВ выражают отношение сопутствующего действия к его завершенности/незавершенности и к единичности/повторяемости. Например:

Ласточки, кружась над крышей щебетали.
(А. К. Толстой)

پرستوها در حالیکه برفراز بام می چرخیدند، سرو صدا راه انداخته

بودند.

Парастуха дар халике бар фаразе бам мичархиданд, сар ва седа рах андакте буданд.

Простонала старушка, всмотревшись в Александру Павловну. (Тургенев. Рудин)

پیرزن بعد از اینکه با دقت خانم الکساندرا پاولوونا را برانداز کرد،

آهی کشید.

Пирезан бад аз инке ба дегат ханум Александра Павловна ра бар андаз кард, ахи кешид.

В первом примере деепричастие НСВ (*кружась*) имеет значение незавершенного действия, происходящего одновременно с действием называемым сказуемым, а во втором деепричастие СВ (*всмотревшись*) имеет значение завершенного действия, следующего за завершенным действием, называемым сказуемым. Морфологическая категория вида в деепричастных формах реализуется в том же содержательном диапазоне, что и в спрягаемых формах глаголов. Так, деепричастия СВ выражают морфологические значение завершенности единичного второстепенного действия, совпадающее со значением временных словоформ глаголов СВ. Например: **Окончив чтение, он**

продолжал сидеть с полузакрытыми глазами, и губы его продолжали беззвучно шевелиться (В.С. Гроссман, Жизнь и судьба). Ср.: Он **окончил** чтение и продолжал сидеть с полузакрытыми глазами, и губы его продолжали беззвучно шевелиться. Деепричастия НСВ выражают морфологическое значение незавершенности единичного второстепенного действия или же его повторяемости. См.: а) Он лежал, **слушая**, как

колотится его сердце не только в груди, но и в голове и в ушах (М.А. Булгаков, Мастер и Маргарита) и б) Разведчики, **слушая** Мамочкина, часто ловили его на несуразностях и противоречиях (Э.Г. Казакевич, Звезда). Ср.: в) Он лежал и **слушал**, как колотится его сердце не только в груди, но и в голове и в ушах и г) Разведчики часто **слушали** Мамочкина и ловили его на несуразностях и противоречиях.

Литература:

1. Белоусов, В.Н. Деепричастие. М., 1979, с. 68.
2. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст. М., Наука, 1971, 115 с.
3. Браве, Л.Я. К вопросу о значении деепричастий совершенного вида// Русский язык в школе. 1940. № 6, с. 25–26.
4. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972. с. 308–318.
5. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1967, с. 390.
6. Грамматика-60, с. 521.
7. Грамматика-80, Т. II, с. 181.
8. Гужва, Ф.К. Современный русский литературный язык. Словообразование. Морфология. Киев, 1967, 223 с.
9. Каншин, И.А. Причастные и деепричастные конструкции в роли членов предложения. Русский язык в школе, 1956, № 2, с. 31–35.
10. Салама, М.А. Реализация временной семантики деепричастий в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... филол. наук. М., 1977. с. 25.
11. Шелякин, М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии (I). В кн.: «Вопросы русской аспектологии», вып. I, Воронеж, 1975.

Временные придаточные предложения с союзом wenn в немецком языке и их соответствия в узбекском

Айматова Гулчехра Бозоровна, преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Необходимость сопоставления при изучении иностранных языков была отмечена еще давно. Во второй половине века появился целый ряд работ, посвященных сопоставлению тех или иных явлений грамматики, лексики и Фразеологии немецкого и узбекского языков.

Данная статья является попыткой сопоставления одного из видов временного придаточного предложения в немецком и узбекском языках, а именно придаточного предложения с союзом wenn в немецком и их соответствия в узбекском языке.

Подчинительный союз wenn относится к числу много употребляемых союзов, связывающих придаточное с главным предложением. Он, как союз с временной семантикой, употребляется:

а) для обозначения действия, совершающегося в настоящем или будущем в придаточном предложении.

Wenn dann die Sterne kommen, denke ich mir (A.S.)

Selbst zu meinem Vater kannst du ... hingehen, wenn man im Radio die wichtigsten Reden ... überträgt (A.S.)

б) для обозначения многократного действия
Klemm horchte den Schlutebock aus, wenn er ihn un Rat fragte (A.S.)

Союз wenn не может выразить временное отношение между главным и придаточным предложениями, поскольку, по словам К.Г. Крушельницкой, союзы с общим временным значением — als, wenn, wie-, нейтральны в одновременности и разновременности действия. Для выражения планов одновременности и разновременности действий решающим является согласование временных форм сказуемого обеих частей сложного целого.

В узбекском языке для выражения действия, совершающегося в настоящем времени служит форма причастия с аффиксом — (а) р в сочетании с глаголом эмок (экан — кан).

Мактабда домла ўргатган сабоқларни ёддан ўқиб бораркан, ... ўглининг каттакон мулла булишини орзу қиларди. (О).

В немецком языке форма настоящего времени глагола с союзом wenn является наиболее частотной, а в узбекском же языке оно встречается редко. Языковой материал

свидетельствует о том, что наличие союза wenn и формы прошедшего времени глаголов — сказуемых обеих частей сложного целого является способом выражения многократности действия в немецком языке, хотя ни союз wenn, ни формы сказуемого не содержат в себе никаких указаний в семантике на многократность действия.

Sie wurde auch oben in ihrer Kommer starr, wenn sie Schritte im Treppenhaus hörte (A.S.).

У зинапожда оёқ товушларини эшитгач, қотиб қоларди.

Из перевода соответствующего примера на узбекский язык ясно вытекает отличительная особенность узбекского языка, так как в нем многократность, повторность действия выражена уже в самом сказуемом « қотиб қол + ар + ди ».

Предложения с союзом wenn для выражения многократного действия могут переводиться по-разному. Наличествуют следующие формы передачи wenn. Satze на узбекском языке: а) при помощи деепричастия с суффиксом — гач; б) причастия с суффиксом — ган и слова с временной семантикой; в) причастия с суффиксом — (а) р в сочетании с неполным глаголом эмок (экан, — кан); г)

причастия с суффиксом -ган+ аффикс притяжательности 3- лица -и + местного падежа с суффиксом — да.

Немецкий язык характеризуется отсутствием грамматических средств для выражения многократности действия, но обладает одной формой деепричастия, которая образована при помощи суффикса — (а) р + экан (кан).

Из наблюдений вытекает, что многократность действия выражается содержанием контекста или ситуацией, а также дополнительными лексическими элементами. В немецком языке можно выделить такие дополнительные лексические элементы: а) наречия tags, abends, sonntags, oft, nachts, hauftig, töglich, immer и др. б) местоимения jedesmal, viel, alle и др. в) сочетания типа alle Zeit, jeden Tag и др.

В узбекском языке соответствующее содержание выражается словами и словосочетаниями типа хар гал, хар қачон, хар куни, хамма вақт, хамиша, тез-тез, қайта, тақрор-тақрор.

Oft habe ich es auch von anderen gehört, wenn sie über Robert sprachen (J. P.). — Мен бунди, бошқалар Роберт хақида гапирганлариди, тез-тез эшитардим.

Литература:

1. Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе В кн: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, 319—338.
2. К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков, М., 1961. с.118.
3. E. W. Yulyga, M. D. Nathanson. Syntax der deutschen Gegenwartssprache.
4. Seghas Anna. Die Toten buiben jung. Aufbau-Verlag, Berlin, 1956.
5. Зегере Анна. Меринвые остаются молодыми (пер. Н. Касаткиной, В. Станевич). Изд. иностр литературы М., 1951.

Эволюция образа Востока в русской поэзии XX века

Алламуратова Айсанем Жалгасбаевна, кандидат филологических наук, доцент
Каракалпакский государственный университет (г. Нукус, Узбекистан)

Алламуратова Гульсанем Жалгасбаевна, кандидат филологических наук, доцент
Нукусский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Тема Востока всегда интересовала русских поэтов не только в XX веке. Жуковский, Пушкин, Фет, Тютчев — список имен может быть очень длинным. Поэты XX века продолжили традицию своих великих предшественников. Но если в поэзии XIX века Восток представлялся чем-то далеким, экзотичным и непонятным, а в стихах то и дело мелькали такие имена, как Хафиз, Хайам. Саади, то в XX веке он стал ближе и уже не воспринимался как что-то далекое и сказочное.

И может быть впервые именно в XX веке Восток начинает приобретать конкретные очертания, с его городами, природой, людьми. Не последнее место в этом ряду занимает и Ташкент. Многие русские поэты были влюблены в этот город, кого-то нелегкая судьба привела

в этот город, а кто-то и сам по зову сердца приехал полюбоваться его площадями и величественными зданиями, побродить по ташкентским улицам, посетить знаменитые ташкентские базары.

Ташкент в их стихах у каждого свой, разный, непохожий, в начале века, его описывали не так, как в 30-е или в 60-е годы.

Вот, например, стихотворение Максимилиана Волошина «Песок», написанное в Париже в 1901 году. Ташкент в нем — всего лишь символ далекой страны, противопоставленной Парижу, городу западной цивилизации:

Монмартр... Внизу ревет Париж —
Коричневато-серый, синий...
Уступы каменных крыш

Слились в равнины темных линий.

То купол зданья, то собор

Встает из синего тумана.

И в ветре чувствуется простор

Волны соленой океана...

Но мне мерещится порой,

Как дальних дней воспоминанье,

... И в них мерещатся зубцы

Старинных башен. Из тумана

Горят цветные изразцы

Дворцов и храмов Тамерлана.

Такой взгляд связан с традиционными принципами символизма, который «занимается поисками высшей реальности, находящейся за пределами чувственного восприятия. Здесь наиболее действенным орудием творчества оказывается поэтический символ, позволяющий прорваться сквозь пелену повседневности к трансцендентной Красоте» [3. с. 254].

В лирике поэтов 20-х годов Восток изображается в историко-культурном контексте (Вел.Хлебников) или как способ сказать о своей тоске по России (С. Есенин, А. Ширяевец)

«Для поэта-футуриста Хлебникова Восток — это не только материал для стилизаций, а серьезная и важная тема для русской литературы. В статье «О расширении пределов русской словесности» (1913) Хлебников упрекает русскую литературу за «искусственную узость» и перечисляет «области, которых она мало или совсем не касалась». «В пределах России она забыла, — пишет поэт, — про государство на Волге — старый Булгар, Казань, древние пути в Индию, сношение с арабами, Биармское царство». В статье «Курган Святогора» (1908) он размышляет об исторических судьбах России, необходимости преодоления чуждого западного влияния в русской культуре и литературе: [2]

Ах, мусульмане те же русские,

И русским может быть ислам.

Милы глаза, немного узкие,

Как чуть открытый ставень рам...

В лирике А. Ширяевца отчетливо слышны «Персидские мотивы». Прямая переключка двух поэтов свидетельствует не только об общности их мироощущения, но и о том, что «русской культуре и литературе присуще стремление осознать свою самобытность («тоску по родине») через знакомство с другой культурной традицией, которая часто воспринимается по отношению к родине как «экзотическая» («тоска по чужбине»)» [1, с. 71].

Не любил этот край я, уснувший царевной

От заклятий неведомых, губящих сил;

Уносился я к Волге, певучей и гневной,

С Жигулями родными во сне говорил...

А теперь стало жаль мне сожженных, пустынных,

Ожидающих чуда бескрайних полей,

Бледных рук в потускневших браслетах старинных,

Шелестящих о чем-то в полусне тополей...

Но прошли годы, и изменился взгляд на Ташкент. Это уже не таинственный символ Востока, только контурно обозначенный в стихотворении через башни, минареты, ветер пустыни и т.п., то есть те образы, которые применимы к любому восточному городу. В стихотворениях 30-х годов перед нами появляется образ города. Это уже не символ, хотя и здесь описание применимо к любому городу Центральной Азии. Но в поэзии 30-х годов у него появляются конкретные черты, как, например, в стихотворении М. Алигер «Песок»:

И верблюд пошел

Верблюд пошел, вздыхая и пыля.

Цвели узбекистанские поля.

Навстречу из Ташкента шли сады,

Текли арыки, полные воды,

Стояли голубые тополя,

верхушкой доставая до звезды,

и сладко пахла теплая земля.

Как писал Ц. Тодоров, «в литературе проблема реальности или истинности определений вторична по отношению к основной цели, которую преследует литература» [3. с. 34].

Говоря о Ташкенте, о 40-х годов, нельзя не упомянуть и лирику Анны Ахматовой. «Ташкент зацветает» — это описание ташкентской весны навеяно романтикой надежды, веры в лучшее. В нем соединились ожидание чуда и не только красота города, но и человеческих душ:

Словно по чьему-то повелению,

Сразу стало в городе светло —

Это в каждый двор по привиденью

Белому и легкому вошло.

И дыханье их понятней слова,

А подобье их обречено

Среди неба жгуче-голубого

На арычное ложиться дно.

В стихотворении Н. Глазкова «Ташкент 1947 года» появляется тема нового и старого города, оно построено на антитезах, в которых идет конкретное перечисление примет прошлого и современности:

Как жара и холод, свет и тьма,

Город Камня надвое расколот.

Если посмотреть на все дома,

Старый город там и новый город.

Новый город, словно довод веский,

Супротив экзотики багдадской.

Может быть, он средневропейский

Больше, нежели среднеазиатский.

Вызывали у меня доверье

Новые арыки, стены, крыши

И великолепные деревья,

Те, что этажей седьмых повыше.

И совсем другим предстает перед нами город в поэзии 60-х. Тема ташкентского землетрясения становится центральной в стихотворениях многих поэтов. Публицисти-

чески заостренно звучат строки А. Вознесенского из стихотворения «Из ташкентского репортажа»:

Выживаем назло
сверхтолчкам хамоватым.
Как тебя натрясло,
белый домик Ахматовой!

Если кровь — помогите,
если кров — помогите,
где боль — помогите,
собой — помогите!

Возвращаю билеты.
Разве мыслимо бегство

от твоих заболевших,
карих, бедственных!

Разве важно, с кем жили?
Кого вызволишь — важно.
До спасенья — чужие,
лишь спасенные — ваши.

Стихотворения «Алайский рынок» В. Луговского, «Год спокойного солнца» Е. Долматовского продолжают тему ташкентского землетрясения. Проникновенные строки о мужестве ташкентцев органично сочетаются в них с описанием страшных разрушений и с надеждой на то, что город выстоит и станет еще краше.

Литература:

1. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — М.: Художественная литература, 1994. Вып. 1. — 427 с.
2. Россия и Восток в творчестве А. С. Пушкина и Велемира Хлебникова <http://www.literary.ru/literary.ru/print.php?>
3. Руднев, В. Словарь культуры XX века. — М., 1997.
4. Тодоров, Ц. Понятие литературы. — М., 1995.
5. Хализев, В. Е. Теория литературы. — М., 1999.

The nutritional rationale behind some of the food-related nonliteral terms in the English language

Бахмет Олеся Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Bakhmet O. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the English Language Department,
Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences

The study performed reveals that a number of food-connected nonliteral terms in the English language establish and verify a link between the person's food preference and individual attributes: character, mood, behavior, cognitive function.

Key words: food-related nonliteral terms, origin, nutrition, food, personality.

The origins of a number of English food nonliteral terms characterizing a person are unclear and debatable. Etymologists have come up with various theories of possible origins, some of which are hardly plausible, because they are based exclusively on metaphorical interpretation, similarities and symbolic logic. Meanwhile, the idea that food can influence our behavior is voiced not only in the popular saying «you are what you eat» (which is defined as follows: «your character and your physical health are decided by the kind of food you eat» [7, p.436]), but it also comes through in food nonliteral expressions, e.g., the ones that contain comparison: to be as cool as a cucumber, to be keen as mustard. The definitions of various food idioms present evidence in support of the idea that food can affect mind

through the body, suggesting, for example, that people who are full of beans are more extraverted and enthusiastic, because they are «full of life and eagerness» [7, p.101]. Up to the present day, clinging to the conventional wisdom of the long-established idiomatic language, English speakers believe that people, who cook their goose, «get into serious trouble» [7, p.303], and those who chew the fat, typically gossip over beer [7, p.230] and can't bear fruit [7, p.102], and if the goose is cooked and humble pie is eaten, there is no possibility of success [7, p.685].

Nutritional theories about a person's compatibility with a certain type of food according to the physical or mental condition he/she is in deepen conventional understandings of the food-related nonliteral expressions. Nutritional scientists

that focus on physiological, biological and (lately more often than before) on psychological aspects of foods can help affirm the validity of such expressions.

To go bananas and to go nuts mean to become crazy and out of control with anger or silliness. The origin of the expression is elusive. A popularly suggested origin is that the phrase comes from the similarity with the monkeys' wild behavior when they are shown their favorite food [10, p.153]. But one should not forget that what feeds the body, also feeds the brain. Bananas and nuts are considered to be the ultimate brain food. A human body uses healthy fatty acids, vitamins, and amino acids in bananas and nuts to regulate mood, to help us stay calm and focused [6]. Therefore, it's good advice to engage in eating brain foods, that is to say one should go (enjoy) bananas, walnuts, almonds, and pistachios in case of psychological unstableness. The expression to go bananas / nuts can be rationalized as euphemistic, as it camouflages the fact that someone has gone mad by providing reference to what is advisable in order to alleviate this mental state.

To have a bun in the oven — this popular euphemism for pregnancy bears analogy to the unborn baby in the mother's womb [10, p.172]. But it is not just a bun metaphor. Researchers say that around the fifth month of pregnancy expectant women experience the urge to nest — to organize their home and prepare it for the birth of the child. It is a primal instinct that forces some women to become homebodies obsessed with house chores [2]. Cooking is part of the nesting instinct. Baking something yummy is the right way to create a cozy atmosphere in your home. Home-baked food is comfort food. It brings warmth to the soul and creates a comfortable sense of «home». Preparing and eating such food can relieve emotional stress and it also triggers positive emotions in mothers-to-be. To sum up, if a pregnant woman exhibits nesting behaviors, she is likely to have buns in the oven that will heat up her home and fill it with delicious cooking scents.

To take with a pinch (grain) of salt today denotes the ability to think critically and be immune to lies. It is believed that this expression emerged because a pinch of salt can help swallow tasteless food [10, p.359]. What should be taken into account here is the fact that salt is critical to the brain development. It provides sodium chloride that is essential for the growth of the brain and the ability to question, analyze and examine issues, problems and people [1]. When babies are born, they don't react to salty taste like they do to other tastes, such as sweet or bitter. Through the first several months of life, either the infant is indifferent to or rejects salt. But by the age of six months, babies become capable of registering salty taste [12]. In other words, as they start to mature, toddlers develop a clear preference for salt that seems to them even tastier than sugar, because their brain has to learn to perceive reality with a pinch of salt.

Cake-eater is defined as «an effeminate lover of ease and pleasure» [4]. Cakes are full of refined sugar. Eating it results in a serotonin surge. Serotonin is necessary to main-

tain a happy mood, to reduce anxiety, and it also helps us sleep. But the effect is only temporary, as serotonin levels crash after a short while, causing new cravings for something sugary, leaving the cake-eater even more depressed, sluggish, unfocused, and unable to perform well mentally [8]. Apparently, Marie Antoinette wasn't thinking straight when she was told that her subjects were starving and she allegedly replied, «Let them eat cake!» [7, p.186, 857]. The body drags the mind down. Thus, the popular expression «shut your cake-hole» [11, p.605] can serve as a linguistic reminder that someone talks nonsense because of their indulgence in sugary stuff, which causes their brains to crash.

Egghead — this derogatory term for male intellectuals may well have originated in reference to the popular image of an academician with a high forehead and receding hairline [10, p.118], but there have been studies to confirm that many essential nutrients (e.g., protein, glutamine, cysteine and choline) found in eggs boost intellectual activity by improving attention and long-term memory [3,9]. Eating eggs in moderation keeps the brain healthy and helps prevent mental disorders, which adds new meaning to the term egghead.

Salad days — the term is traditionally clarified to represent a time of youth, happiness and prosperity. The character of Cleopatra from the Shakespearean play *Antony and Cleopatra* used this word combination for the first time when she uttered: «My salad days, when I was green in judgment: cold in blood...» Etymology experts believe that by «salad days» Cleopatra refers to a time not when she ate salad, but when she was like a young plant [10, p.308]. But it isn't just a salad metaphor. What might William Shakespeare think when in the 17th century he coined the term «salad days»? Apparently, he was familiar with the writings of the ancient philosophers who believed that food not only influenced personality, but could even change it. Nutritional theories of the ancient Greeks suggested eating cool salads with oil and vinegar to balance conflicting moods and to become mentally sharper [5]. By referring to salad, Cleopatra uses the word «cold» to hint that her youthful affair with Julius Caesar was pure calculation, and she uses «green» to indicate that it wasn't until she met Mark Antony that she learned how human rationality and calculation yield to passion. To Shakespeare's mind, younger Cleopatra wasn't naïve, innocent or silly, but she could indeed have preferred salad over other foods, which maximized her sharpness and alertness, hence the expression «my salad days».

In conclusion, the analysis of some firmly established interpretations from nutritional perspective breaks new ground in understanding how food nonliteral terms reflect the objective reality. The English food expressions discussed above, are judgments about people based on their eating habits. They decode people's food preferences. Regardless of their origin, these food-related nonliteral expressions present knowledge proven by science about the interconnection between individual eating pattern and personality.

References:

1. Al-Dahhan J., Jannoun L., Haycock G.B. Effect of salt supplementation of newborn premature infants on neurodevelopmental outcome at 10–13 years of age. *Arch Dis Child Fetal Neonatal Ed*, 86 (2), 2002. — P.120–123.
2. Anderson M.V., Rutherford M.D. Evidence of a nesting psychology during human pregnancy. *Evolution & Human Behaviour*, 34 (6), 2013. — P. 390–397.
3. Arwert L.I., Deijen J.B., Drent M.L. Effects of an oral mixture containing glycine, glutamine and niacin on memory, GH and IGF-I secretion in middle-aged and elderly subjects. *Nutritional Neuroscience*, 6 (5), 2003. — P. 269–75.
4. Dictionary.com. Unabridged. Random House, Inc. <http://dictionary.reference.com/browse/cake eater> (accessed: March 23, 2015).
5. Eating was no idle game in ancient Greece. USA TODAY.com, 08.12.2004. http://www.usatoday.com/travel/destinations/2004-08-12-greek-food-main_x.htm (accessed: March 26, 2015).
6. Hulsken S., Märtin A., Mohajeri M.H., Homberg J.R. Food-derived serotonergic modulators: effects on mood and cognition. *Nutrition Research Reviews*, 26 (02), 2013. — P. 223–234.
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, 2008. — 1620 p.
8. Moller S.E., Serotonin, carbohydrates, and atypical depression. *Pharmacol Toxicol*. 1992. P.61–71.
9. Nurk E., Refsum H., Bjelland I., Drevon Ch.A., Tell G.S., Ueland P.M., Vollset S.E., Engedal K., Nygaard H.A., Smith D.A. Plasma free choline, betaine and cognitive performance: the Hordaland Health Study. *British Journal of Nutrition*, 109 (03), 2013. — P. 511–519.
10. Palmatier R.A. Food: A dictionary of literal and nonliteral terms. London, Greenwood Press, 2000. — 488 p.
11. Spears R.A. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. The McGraw-Hill Companies, Inc., 2005. — 1080 p.
12. Stein L.J., Cowart B.J., Beauchamp G.K. The development of salty taste acceptance is related to dietary experience in human infants: a prospective study. *The American Journal of Clinical Nutrition*, 95, no. 1, 2012. — P. 123–129.

Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранного языка

Варламова Валентина Александровна, учитель немецкого языка
МБОУ «Икрянинская средняя общеобразовательная школа» (Астраханская область)

В настоящее время иностранному языку отводится существенная роль в обеспечении условий для формирования у обучающихся адекватной современному уровню знаний картины мира и интеграции личности обучаемого в систему мировой и национальной культур. Прогрессирующее развитие международных контактов и связей в экономике, политике, культуре и других областях обуславливает ориентацию современной методики обучения иностранным языкам на реальные условия коммуникации. Стремление к коммуникативной компетенции, как к конечному результату обучения, предполагает не только владение соответствующей иноязычной техникой, но и усвоение колоссальной неязыковой информации, необходимой для адекватного обучения и взаимопонимания. Иностранный язык является элементом культуры того или иного народа — носителя данного языка и средством передачи этой культуры другим народам. Он открывает обучаемому непосредственный доступ к духовному богатству народа, служит дополнительным окном в мир, важным средством взаимодействия людей. Основной целью обучения иностранному языку в школе является развитие личности школьника в неразрывной связи с преподава-

нием культуры страны изучаемого языка, способствуя желанию участвовать в межкультурной коммуникации и самостоятельно совершенствоваться в овладеваемой деятельности.

В обществе культура выполняет несколько функций: гуманистическую, коммуникативную, познавательную, информативную и информационную. С функциями культуры тесно взаимодействуют функции речевой деятельности. Главной функцией речевой деятельности является коммуникативная: человек говорит для того, чтобы воздействовать на поведение мысли, чувства сознание других людей. В этом и заключается гуманистическая функция. На основе коммуникативной функции речевая деятельность приобретает функцию регулирования собственного поведения, организации и связывания психических процессов. Для речевой деятельности характерна также эмоционально — выразительная функция, которая проявляется в использовании жестов, мимики, интонации, раскрывающих смысл высказывания. Наконец, без речевой деятельности невозможно никакое познание. Сопоставив функции речевой деятельности и культуры, можно увидеть, что они тесно взаимосвязаны. Методологический

смысл этого единства в том, что функциями речевой деятельности невозможно овладеть в отрыве от функций культуры и наоборот.

Знакомство с культурой страны изучаемого языка было одной из главных задач ещё со времён античности. В преподавании языков с конца XIX века на первое место, наряду с устной речью, выдвигается ознакомление с реалиями страны изучаемого языка и культуры одновременно неслучайно, так как это позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новой для них действительностью. Современные языковеды определяют главную роль лингвострановедения, как обучение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации, прежде всего через адекватное восприятие речи собеседника и оригинальных текстов, рассчитанных на носителей языка. Изучение языка на фоне истории и культуры страны представляет большой интерес в общеобразовательном плане, в плане знакомства с культурой носителей языка, так как во многих языковых единицах находит отражение национальное своеобразие образа жизни того или иного народа, факты истории страны, природно-географические особенности, культура, экономика. Объяснение образности и значения многих языковых единиц немецкого языка отыскиваются в истории, в быту, обычаях и нравах немцев.

Лингвострановедческий подход к рассмотрению языковых единиц обладает ещё одной важной функцией в изучении языка: он повышает, а иногда и прямо обеспечивает мотивацию овладения языком, так как в действие вступает «закон интереса». Учащиеся всегда с интересом относятся к истории, культуре, искусству, традициям, укладу повседневной жизни народа, ко всему тому, что связано со страной изучаемого языка.

Лингвострановедение занимается изучением языка с точки зрения его культураносной функции, исходя из этого, языковеды выделяют пять методологических принципов, образующих основу лингвострановедения. Первый принцип состоит в принятии факта, согласно которому общественная природа языка представляет собой объективную возможность приобщения учащегося к новой для него действительности. Мир познаётся через язык, благодаря языку, сущность которого заключается не только в передаче мысли от человека к человеку, но функции быть хранителем и носителем мысли, всего знания в индивидуальном и коллективном сознании человека. Второй принцип заключается в понимании процесса изучения и преподавания языка как процесса аккультурации учащегося. Аккультурация — это усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры. Третий принцип связан со вторым. Одной из задач лингвострановедческого преподавания является формирование позитивной установки у учащихся к народу — носителю языка. Четвёртый принцип воплощает в себе требование

цельности языкового учебного процесса: страноведческая информация подлежит извлечению из естественных форм языка и из учебных текстов и не должна привноситься извне искусственным путём. Пятый принцип также связан с уточнением специфики лингвострановедения: лингвострановедческий аспект преподавания реализует в учебном процессе филологический способ познания действительности. Так Инесса Львовна Бим подчёркивает, что лингвострановедческий подход с одной стороны создаёт прочную систему навыков и умений по практическому применению языка как средства межличностного и межкультурного общения, с другой стороны — школьники приобретают обширные культуроведческие знания.

Знание национальной культуры, известный всем представитель языковой общности Г.Д. Томахин называет фоновыми знаниями и делит их на знание о предметах и явлениях национальной культуры — реалиях и знания об общепринятых в стране нормах поведения — этикете. Такие знания, относящиеся, прежде всего к географии, истории, общественной жизни, искусству и культуре, обычаям и традициям страны изучаемого языка, могут предлагаться в виде комментария на русском или немецком языках. Например: Нехе — ведьма на юге Германии, в Австрии, в Венгрии считается символом уюта и встречается в большинстве случаев в деревенских домах; Muttertag — День матери, второе воскресенье мая, пришёл из США в 1914 году, в Германии празднуется с 1933 года.

Овладение иностранным языком неразрывно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает не только усвоение культурологических знаний, но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны. К общим особенностям немецкого коммуникативного поведения относятся: высокий уровень внешней привлекательности, высокий уровень бытовой вежливости, этикетность общения, чинопочитание в общении, малолюбпытность, тенденция к анонимности социального общения, подробное планирование, приоритетность тем еды и денег, шумность в компании, предпочтение официального стиля общения и другие. Любое общение сопровождается паралингвистическими элементами, то есть мимикой, позами, жестами. Тогда говорят руки, лицо, символы, сигналы и движения тела. Совокупность норм и традиций общения, отражающих рекомендуемые правила общения, сложившиеся в обществе в силу исторических традиций, ритуалов, социальных ситуаций, включающих мимику. Жесты, позы общающихся, называются невербальным коммуникативным поведением или невербальным языком. На уроке немецкого языка, особенно на начальном или среднем этапе можно использовать жест, обозначающий счёт на пальцах, при этом важно правильно выполнять этот жест и добиться точного выполнения его учениками. При счёте на немецком языке согнутые пальцы левой руки, начиная с большого пальца, разгибаются пальцами правой руки, в русском

жесте пальцы, начиная с мизинца сгибают. Представляет интерес небольшая группа кинем, не совпадающих по смыслу при совпадающем исполнении. Например, в немецкой традиции жест «ударить по рукам» связан с ситуациями приветствия и прощания, а русской культуре данный жест имеет значение «заключить сделку». Жест «щёлкать пальцами» в немецкой традиции связан с привлечением внимания, который иногда употребляется в школе учениками с целью привлечения внимания учителя. В русской традиции значение данного жеста — выражение ошибки и досады. Выше перечисленные коммуникативные действия в той или иной степени могут быть использованы на уроках немецкого языка.

Речевой этикет, как один из составляющих компонента национальной культуры, мало включён в УМК по иностранному языку. Учителю необходимо самому уделять внимание преподаванию речевого этикета, так как он имеет свои национальные особенности и обладает рядом универсальных черт, общих для различных народов. При прощании в русском речевом этикете принято поблагодарить хозяина за проведённое время, в немецком же речевом этикете прямое выражение благодарности неприято, и немцы нередко удивляются, когда русские, уходя из гостей, говорят «спасибо». Важной частью речевого этикета действующие в национальном общении коммуникативные табу — запреты на употребление определённых выражений или затрагивание определённых тем в тех или иных коммуникативных ситуациях. Во всех европейских странах существуют табу, касающиеся доходов, зарплаты, источников существования собеседника. Таким образом, знание ритуалов, речевого этикета той страны, где находится носитель — это настоятельная необходимость, важное условие эффективной деятельности и залог успеха в общении и деловом взаимодействии с местными жителями. Незнание или невыполнение правил местного речевого этикета, неправильное понимание речевых действий той страны, где находимся, может привести к серьёзным недоразумениям или даже конфликтам.

К коммуникативному поведению относится такое явление, которое может быть обозначено, как социальный символизм — символика предметов одежды, цветовых оттенков, цветов, цифр и чисел, выбора и преподнесения подарков, покупок, предметов повседневного быта, символика примет и суеверий, символика внешности и другие. Социальный символизм может быть не понят представителями другого народа, неправильно истолкован, может иметь другой символический смысл в родной культуре коммуниканта. Он описывается в рамках в рамках коммуникативного поведения как компонент национальной культуры. Отражением менталитета народа страны изучаемого языка являются национальные пословицы и поговорки, позволяющие учащимся возможность судить о правилах и принципах общения народа, о ценностях, приоритетах, о верности слову и ответственности за слова. Менталитет немецкого народа характеризует следующая пословица: «Morgenstunde hat Gold im Munde»

Страноведческое насыщение содержания обучения немецкому языку важно начинать с начального этапа изучения. Это обуславливает новый подход к отбору всего содержания обучения, при котором каждый компонент нужно обогатить информацией о культуре страны изучаемого языка (знания, речевой материал, ситуации, темы, навыки и умения), чтобы всё работало на межкультурную коммуникацию и обеспечивало бы связь национальной культурой страны изучаемого языка. Особую трудность при изучении языка представляют фразеологические единицы с национально-культурной спецификой, которые играют существенную роль в акте коммуникации. Это, прежде всего, связано с идиоматичностью фразеологических единиц, значение которых не выводимо из их компонентов. Например: «Vor der Hand in der Mund leben», что означает «перебиваться с хлеба на квас». Кроме того, в каждом языке есть набор самобытных фразеологизмов, возникших в своеобразных культурно-исторических условиях. Значительная часть фразеологического состава, в том числе и немецкого языка обусловлена экстралингвистическими факторами, знание которых необходимо для их правильного восприятия, а некоторые из этих фразеологизмов выступают в качестве единственных способов обозначения тех или иных явлений и фактов. Если о значении существительного или глагола можно догадаться по контексту, то значение фразеологизма с национально-культурной семантикой и образ, лежащий в его основе, остаются для читателя зашифрованными, если он предварительно не познакомился с определёнными страноведческими аспектами возникновения и использования этих единиц. Поэтому характеристика внутренней формы фразеологических единиц особенно важна для представителей другой лингвокультурной общности.

Немаловажную роль для развития интереса к языку как носителю культуры могут представлять собой образцы музыкального, в частности песенного творчества на изучаемом языке как его содержательного компонента. Использование песен на изучаемом языке весьма актуально на начальном этапе изучения иностранного языка. Учащиеся с самого начала приобщаются к культуре страны изучаемого языка, так как дети этого возраста особенно восприимчивы к чужой культуре. При работе с этим лингвострановедческим материалом создаётся хорошая предпосылка для всестороннего развития личности. Исполняя песенки «Ich bin Ausländer», «Kann ich mit Herrn Vogel sprechen» учащиеся без труда запоминают этикетные формы обращения. С помощью песен учащимися также легче запоминается и усваивается грамматический материал. Лингвострановедческий подход направлен на создание условий возникновения у учащихся речевой заинтересованности, позволяющий приблизить их речевую деятельность к реальным условиям. Он позволяет воспитать человека культуры, приверженного общечеловеческим ценностям, впитавшего в себя богатство культурного наследия своего народа и народов

других стран, стремящегося к взаимопониманию способного и готового осуществлять межличностное общение. В свете современных требований к целям обучения иностранному языку меняется роль и статус страноведческой

информации, представленной таким образом, чтобы соответствовать опыту, потребностям и интересам учащихся и быть сопоставленной с аналогичным опытом их ровесников за рубежом.

Литература:

1. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. — М. Просвещение, 2005
2. Климентенко, А. Д., Миролюбова Л. А. Теоретические основы обучения иностранному языку в средней школе — М.: Педагогика, 1999
3. Кузовлев, В. П., Коростелев В. С. Цель обучения иностранному языку на современном этапе развития общества//ИЯШ — 2003 — № 6
4. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1991.

French influence on English vocabulary: the Norman Conquest (lexicographic aspect)

Виноградова Любовь Николаевна, студент
Московский городской педагогический университет

This article focuses on the period XII — XIV centuries which is characterized by the French influence on the English lexical fund due to the Norman Conquest. The detailed analysis of the Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases provided us the percentages of French loanwords in English.

Keywords: loanword, lexical borrowing, national language, language contact.

The rapid growth of Anglicisms and Americanisms is resulted from the amplifying introduction of American culture. Nevertheless, the English language has not always been in a privileged position. Until the XIX century French was in the lead, it considerably enriched the lexicon of numerous languages.

Collins Dictionary & Thesaurus provides the following definition of "loanword": A word adopted from a foreign language with little or no modification [1, p.162].

A loanword (or lexical borrowing) is the linguistic phenomenon caused by extra-linguistic factors. In fact, the transformations' reasons in a language are often related to

its history. The quantity of loanwords is connected with the historical events and with language contacts. The economic, political and cultural prestige of a country plays a paramount role for the presence of lexical borrowings from the language.

The period XI — XIV centuries is crucial for the English vocabulary. This phenomenon is historically associated with the Norman Conquest when William I the Conqueror gained the victory over the English troops in 1066 and invaded the country.

The culture of the Normans was French. The new regime was headed by the French-speaking elite, the focus of whose world was the European mainland, where they continued to hold land.

Fig. 1: The Norman Conquest

The spreading of French words did not begin hereupon the Norman Conquest but only in the XII century. The items penetrated mainly into the spheres related to the state administration, judicial system, military institution, liturgy, culture and the elite's mode of life.

French loanwords of the XII–XIII centuries appeared from the Norman dialect, one of the northern dialects in Old French. In England this dialect is granted the status of the state language.

French used to be the official language of the court and clerical work. The national language had not formed yet, that led to the reinforcement of French. Moreover, language contact is characterized as significantly long. Hence English was “saturated” with French words.

The overwhelming majority of French words included in the list of lexical borrowings of Middle English, fixed in the national language.

Frequently, a French word forced completely out an English term (for example, fr. *beauté* (beauty) ousted OE. *wlite*) or made synonyms (fr. *large* supplemented eng. *big*).

Loanwords of French origin were subjected to the phonetic assimilation, therefore English terms lost typical stress on the last syllable.

Furthermore, English spelling was under the French influence. The composition and the copying of documents turned out to be under the authority of Normans chroniclers who inserted a correction in the text, introducing familiar symbols. Consequently, such denotations like *th, gh, sh, ch, tch, dg, j* appeared in the graphic system of English.

Besides, French had an impact on the word-formation. The percentage of French suffixes (35%) exceeds the native ones (30%) [2, p.17]. For instance, such suffixes like *ance/ence, ment, age, al, ard, ess, able/ible, let, ee, ish* appeared.

References:

1. Collins Dictionary & Thesaurus / ed. Gilmour L. — Glasgow: HarperCollins Publishers, 2013. — 313 p.
2. Володарская Э.Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление / Э.Ф. Володарская // Вопросы филологии. — 2001. — № 1 (7). — с. 11–27.
3. The Oxford Dictionary of foreign words and phrases / ed. by Delahunty A. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — 408 p.
4. Thody P. Le Franais: Forbidden English, forbidden American: law, politics and language in contemporary France: a study in loanwords and National Identity. — London: Athlone, 1995. — 300 p.

Этимология немецкого артикля

Вьюшкина Дарья Андреевна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Язык является янтарем, в котором тысячи драгоценных и тонких мыслей были благополучно выражены и сохранены.

Ричард Тренч

Ключевые слова: *определенный артикль, неопределенный артикль, нулевой артикль, отрицательный артикль.*

К артиклевому языку, то есть языку, где артикли исторически представлены и используются чаще других средств, относятся западноевропейские — романские (например, французский) и германские языки (например, английский и немецкий). В некоторых языках (например, суахили) — артикли используются редко. Другие языки: русский, большинство других славянских языков (за исключением болгарского и македонского), санскрит, латинский, китайский, японский, тамильский, тайский — формально не имеют артиклей вовсе. Также есть языки, например, валлийский, арабский, исландский, иврит, армянский (а также искусственные языки эсперанто или идо), которые имеют только определённый артикль, но не имеют неопределённого. В некоторых языках, например в турецком, есть только неопределённый артикль, а его отсутствие указывает на определённую объект.

Х. Вайнрих развивает теорию артикля в рамках текстовой грамматики. Он справедливо относит артикль к морфеме, как к грамматическому знаку. Но в то же время автор называет его «ориентировочным сигналом» или «инструкцией» для слушающих в понимании знаков текста. Рассматривая текст, как упорядоченную последовательность морфем, создающих контекст друг для друга, артикли, по мнению Х. Вайнриха, относятся к словам класса артиклей, который состоит из двух подклассов: простые артикли (определённый и неопределённый) и специфические (все местоимения, числительные, кванторные слова), особым признаком которых является то, что они имеют лексическое значение. По мнению Е. В. Падучевой, в артиклевых языках артикль является основным выразителем категории определённости/неопределённости, актуализатором существительного, указывающим к чему из рода подобных относится в речи обозначенное именем. [З. с. 573]

По сравнению с другими артиклевыми языками немецкий артикль отличается известным своеобразием. Как и в других германских языках во мн. числе немецкому еіп-артиклю соответствует его отсутствие, обозначаемое обычно как нулевая форма или нуль-артикль (∅-артикль). Нет в германских языках и аналога партитивному артиклю романских языков.

В немецком языке определённый и неопределённый артикли сформировались из знаменательных слов. Так, определённый артикль развился из указательного местоимения *der*, неопределённый — из числительного *ein*. Постепенное формирование указательного местоимения *der*, *die*, *das* в артикль отмечается уже в первых письменных памятниках древневерхнемецкого периода. Например, древневерхнемецкие артикли *ther*, *thiu*, *thaz* систематически играют роль указателей определённости существительного в случаях, когда в тексте говорится о предметах или лицах, ранее упоминавшихся. Подтверждением тому

служит следующий пример: «*Sum man habêta zuuêne suni. Quad thô der iungôro fon then themo fater*» (Один человек имел двух сынов. Сказал младший из них отцу).

Если же речь шла о неизвестном лице, предмете или явлении, то существительное употребляется без артикля, например: *Furfarenti gisah man blintan* (Проходя мимо, увидел слепого).

Но все же в этот период определённый артикль находился ещё в самой начальной стадии развития. Он употреблялся не со всеми именами существительными, а лишь с существительными конкретного значения. В то время артикль не употреблялся, например, существительными абстрактного значения (*forhta* — страх, *maht* — власть.).

В древневерхнемецком периоде отсутствует система соотносительных форм для выражения определённости и неопределённости существительного: *der Mann* — *ein Mann*.

С конца данного периода происходит постепенное расширение сферы употребления определённого артикля. Он начинает употребляться с названиями веществ, абстрактными существительными, названиями предметов, единственных в своём роде, а также при генерализированном употреблении существительных: «*Uuir uuizzen, daz tia erda daz uuazzar um begât...*» (Мы знаем, что землю окружает вода).

Средневерхнемецком периоде характеризуется формированием неопределённого артикля. Отметим, что единичные случаи использования его изредка встречаются уже в древневерхнемецком, например: «*Einan kuning uueiz ih*» (Знаю я одного короля). Однако регулярное употребление определённого артикля наблюдается в средневерхнемецком периоде: «*Ez wuohs in Burgonden ein vil edel magedin, si wart ein schoene wîp*» (Росла в Бургундии очень благородная девушка, она стала красивой женщиной).

В результате образования двух соотносительных форм артикля, противопоставляемых по значению определённости и неопределённости существительного, постепенно происходит отрыв артикля от указательного местоимения и числительного и превращение в особый вид служебных слов с чисто грамматическим значением. Постепенное расширение употребления артикля связано, во-первых, с развитием его основного грамматического значения как показателя определённости и неопределённости существительного и, во-вторых, с тем, что артикль как служебное слово все больше входит в структурную ткань языка, приобретая в структуре языка новые функции.

От английского немецкий артикль отличается наличием особой формы отрицательного еіп-артикля *kein*, выступающей также и во мн. числе. Сравним: *kein zuverlässiger Mensch* — *keine zuverlässigen Menschen*, но: *zuverlässige Menschen*. Помимо немецкого, данная

особенность присуща и германским языкам (нижненемецкому, фризскому, нидерландскому и африкаанс). [2. с. 77–78]

Как важную черту немецкого артикля надо отметить его изменяемость по падежам.

На рубеже 50–60-х годов XX в. было показано, что противопоставление значений, передаваемых соотносительными формами артикля, близки значениям темы и ремы, хотя им и не тождественны. В основе и тех, и других лежит субъективное отношение, характеризующее обычно как известность versus неизвестность сообщаемого факта адресату сообщения. При этом различие значений, связанных с соотносительными формами артикля, и значений темы / ремы заключается в том, что первые актуализируют для адресата только имена (существительные), тогда как вторые — любой элемент высказывания, обычно — предикат.

Тем самым в артиклевых языках, к которым относится и немецкий, существует особая грамматическая категория актуализации адресантом выступающих в его высказывании имен с целью представления их адресату как впервые появляющихся в сообщении или же с целью специального их выделения как особо значимых элементов сообщения. Например: Am darauffolgenden Montag fand Hardekopf einen seltsam veränderten Fritz Mengers.

Существительное с *ein*-артиклем называет новый, вводимый в коммуникативный акт предмет, представляемый адресату как отсутствующий в его пресуппозиции и поэтому для него актуализированный. Так, из сравнения высказываний: *Es kommt der Zug* и *Es kommt ein Zug* следует, что

— в первом случае *Es kommt der Zug* поезд, место его назначения и иные характеристики известны не только адресанту, но и адресату и что, скорее всего, речь об этом поезде между участниками коммуникации уже имела место раньше.

— Напротив, второе высказывание *Es kommt ein Zug* сообщает, что характеристики поезда неизвестны обоим коммуникантам.

Несколько иная коммуникативная ситуация стоит за частично разобранным О.И. Москальской примером: *In der Versammlung hat auch der Direktor gesprochen*, — где выбор определенного артикля *der* предполагает известность директора обоим коммуникантам, являющимся, по всей видимости, коллегами и работающим в подчинении этого директора. Пример следует дополнить высказыванием с *ein*-артиклем: *In der Versammlung hat auch ein Direktor gesprochen*, — где специально подчеркивается, что уже известный адресанту директор является для адресата новым лицом.

Кроме *ein*-артикля актуализации имени служат также нулевой и отрицательный артикли. Сравним: *Er hatte ø Angst* — *Er hatte keine Angst*. Обобщенно все эти средства обозначаются в дальнейшем как *ein*-артикль. Немаркированный оппозит связан с формой, обозначаемой далее как определенный артикль. Он не имеет отрицательной формы и сопровождается при отрицании имени частицей *nicht*. Например: *In der Versammlung hat nicht der Direktor, sondern sein Stellvertreter gesprochen*. Идентифицированность (известность) предмета передается прежде всего указательными местоимениями, к которым генетически восходит определенный артикль, а также двусложными местоимениями типа *dieser* и *jener* и притяжательными к ним составными единицами типа *derjenige* и *derselbe*, притяжательными местоимениями и неопределенным местоимением *alle*. [1. с. 118–119]

В современном мире среди людей, изучающих немецкий язык, существуют актуальные проблемы, связанные с употреблением артикля. Так как артикль напрямую привязан к существительному, следует заучивать лексику совместно с ним.

В частности, особый интерес представляет проблема употребления артикля с именами существительными —

Таблица 1. Склонение определённых артиклей в немецком языке

Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род	Множественное число
Nominativ	der	die	das	die
Genitiv	des	der	des	der
Dativ	dem	der	dem	den
Akkusativ	den	die	das	die

Таблица 2. Склонение неопределённых артиклей в немецком языке

Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
Nominativ	ein	eine	ein
Genitiv	eines	einer	eines
Dativ	einem	einer	einem
Akkusativ	einen	eine	ein

нарицательными и собственными. Особенностью нарицательных существительных является постоянное употребление определенного и неопределенного артикля при таких существительных в случае их обычных прямых значений.

Дело в том, что имена собственные не имеют артикля в качестве постоянного сопровождения. Они лишены обобщающего характера, что связано с тем, что они соотносятся с лицами, не объединяемыми общими

для них свойствами. Статья в таких случаях может употребляться лишь факультативно, подчеркивая при этом определенную стилистическую, а также структурную значимость.

Анализ современных исследований по проблеме позволяет заключить, что в настоящее время в лингвистике представлена широкая палитра теорий изучения немецкого артикля.

Литература:

1. Божно, Л. И. Артикль в современном немецком языке. М.: Учпедгиз, 1956. 120 с.
2. Ермолаева, Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Высшая школа, 1987. 128 с.
3. Жирмунский, В. В. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. 695 с.
4. Study German.ru. Интернет — ресурс. URL: <http://www.studygerman.ru/online/manual/artikel2.html> (дата обращения: 28.02.015).

К вопросу исторического развития глагола «иметь» на материале русского языка

Гагина Ольга Александровна, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: *иметь, категория обладания, историческое развитие языка, этимология, диахронический аспект.*

В современной лингвистике вопросы история развития отдельных лексических единиц становится довольно актуальным полем для исследований. В данной работе представлено исследование исторического развития глагола *иметь* в русском языке.

Проведя компонентный анализ, можно представить лексическое значение глагола *иметь* как набор сем, которые являются концептуальными признаками, структурирующими ядерную часть концепта «обладание» следующим образом:

- ‘владеть, иметь, обладать’;
- ‘иметь, существовать, быть (чаще 3-е лицо, ед. число), располагать’;
- ‘захватить, овладеть, завладеть, занять’;
- ‘овладеть, охватить’ (о чувстве).

Глагол *иметь* «играл роль основного глагола обладания на всем протяжении развития русского языка» [3, с. 35]. Первые письменные его фиксации относятся к концу XI в. в форме др.— рус. имѣти в значении «иметь», например, льно есть члвку имѣти паче вьсего жития... (1076) [4, с. 229], также отмечается значение «быть в состоянии» (XI в.) [6, с. 226]. В XVI в. фиксируется значение «соблюдать, блюсти, иметь обыкновение, привычку» (1548 г.), позже «содержать, поддерживать в каком-либо состоянии» (1682 г.) и «содержать в себе» (XVII в.). С существительными глагол имѣти образует сочетания, обозначающие действие или состояние по зна-

чению существительного; например, имѣти воздержание, лѣсть, любовь, дерзновение и т.д. (с XII в. вплоть до XVI в.). Эти выражения отмерли в процессе развития русского языка и были заменены простыми глаголами (типа воздержаться, льстить, любить, дерзнуть), составившими им видовое соответствие [1, с. 112].

Древнерусский глагол имѣти восходит к праславянскому *jъmĕti «иметь», который характеризуется как глагол состояния на -ĕti < и. — е. — ě-. К этому же типу основ принадлежат и др. — англ. habban, др. — в. — нем. habĕn «иметь, обладать». В других славянских языках данный глагол развивается в формы: слов. imĕti, чеш. mítí, полаб. met, польск. mieć, словин. mjeti, укр. imiti, блр. мець «иметь», сербохорв. jамити «убирать», сербохорв. диал. jимити «хватать» (чак.), ст. — укр. имити «поймать, схватить», диал. укр. імѣти «поймать, схватить» (закарп.) [6, с. 226–227]. Производная форма от *jъmĕti с суф. — (ĕ) ѓje — *jъmĕѓje, выражающая объект обладания: сербс. — цслав. имъние, слов. imĕnje, ст.-чеш. jmĕnie, чеш. jmĕní, др. — рус. ИМЪНИ Є «имущество», польск. imienie «имение, состояние, скот», рус. диал. имѣние «имущество», «средства, деньги» (твер., олон.), имѣние «имущество, вещи, пожитки» (подм.), укр. диал. імн’а «крупный рогатый скот» (закарп.) [6, с. 226].

В современном русском языке слово имение в значении «имущество» встречается лишь в диалектах, однако оно является одним из древнейших слов русского

языка, обозначающих имущество. Начиная с XI в., его семантика связана, прежде всего, с общим наименованием «имущества, собственности», с обозначением «богатства». Кроме значений «имущество» и «богатство» отмечаются значения: «добыча», «мзда», «имение, земельное владение», «захват» [4, с. 228]. Слово имение в русском языке в период с XI — XVII вв., сохраняя стабильность в основных своих семантических контурах, претерпевает некоторую эволюцию. Однако в дальнейшей истории этого слова основным и единственным его значением станет «земельное владение» (впервые встречается в письменных памятниках Юго-Западной Руси) [5, с. 58–59].

Глагол *имѣти* «иметь» восходит через праславянское **jъmĕti* к индоевропейскому корню **em-* со значением «братъ» — изначально атематической форме настоящего времени [7, с. 310], т.е. не имеющей основообразовательного элемента, что позволяет отнести данную форму к самому древнему пласту лексики индоевропейского языка.

Глагол **jъmati* (сѣ) «ловить, собирать» (глагол многократного действия с суффиксом *-a-*), выражающий процесс приобщения объекта, развивается в следующие славянские формы: болг. *ѹмам* «иметь», диал. *имам се* «важничать», *имам съ* «мириться», макед. *има*, сербохорв. *ѹмати* «иметь», чеш. *jĭmati* «братъ, хватать», словц. *mat'* «иметь, обладать», в. — луж. *jĭmac* «хватать», польск. *imac* «братъ, иметь», др. — рус., рус. — цслав. *имати* «братъ», «захватывать», *емати* «братъ», рус. диал. *ѹмать* «иметь, обладать» (арх., олон., влад., смол., зап. — брян.), ст. — укр. *имати* «иметь», «ловить», укр. *мати* «иметь, намереваться», блр. *имачъ* «братъ, принимать», «иметь». Как отмечалось выше, глагол **jъmati* (глагол на *-ati*, итератив-дуратив) образован от **jĕti*, **jъto* на базе презентных форм последнего. Форма **jъmati* представляет собой обычную для славянского тематизацию (*-a-ti*) и имперфективацию [6, с. 224–225].

От глагола **jъmati* образованы производные слова:

обозначение орудия, посредством которого осуществляется приобщение объекта, с суф. — (а) *dlo* — **jъmadlo*: чеш. *madlo* «перила, ручки», словц. *madlá* «ручки», польск. *imadło* «зажим, щипцы», словин. *jĭmadlo* «ручка, рукоятка», рус. диал. *ѹмало* «приманка» (волог., твер.), *ѹмало* «аркан», «узда, обротъ» (волог.);

обозначение действия по приобщению объекта и самого объекта обладания (в данном случае конкурирует в славянских языках с производным **jъmĕnje* от **jъmĕti*) с суф. — (а) *nje* — **jъmanje*: ст. — слав. *ИМАНИ* *Є* «собирание, сбор», чеш. *jĭmanĭ* «взятие под арест», в. — луж. *jĭmanĭe* «хватание», ст. — польск. *imanie*, рус. диал. *иманье*, *имание*, *иманьё* «ловля, поимка» (арх., енис.), «отвоз невесты в церковь к венцу» (арх.), укр. *їманка* «поимка»;

болг. *иман є* «имение, имущество», болг. диал. *ѹмани є* «богатство», макед. *иманье* «имущество», «скотина», сербохорв. *imānje* «имение, имущество», сербохорв. диал.

jĭmānje «домашний скот» (чак.), словен. *imānje* «имущество» [6, с. 223].

Таким образом, можно заметить, что в современных славянских языках лексические единицы, произошедшие от праславянских форм **jъmĕti* и **jъmati* (как и производные от них **jъmĕnje* и **jъmanje*), конкурируют в выражении концепта «обладание». В одних языках данный концепт выражают формы, восходящие лишь к одной из двух праформ (например, макед. *има*, полаб. *met* < **jъmĕti*), в других обе формы присутствуют в ЛГ, выражающей концепт «обладание» (например, польск. *imac* < **jъmati* и *mięc* < **jъmĕti*; укр. *мати* < **jъmati* и *їмати* < **jъmĕti*). В русском языке представлено только форма *иметь* < **jъmĕti*, хотя в ряде диалектов фиксируются глаголы типа *ѹмать* в значении «обладать, иметь» (арх., олон., влад., смол., зап. — брян.).

Еще один праславянский глагол, восходящий к и. — е. **em-* и продолжающий семантику «братъ» — **jĕti*, **jъto* «братъ, взять», выражающий действие приобщения объекта. В славянских языках он дает формы: сербохорв. *jĕti*, *imĕm* «братъ», чеш. *jĭmouti* «взять», словц. *jat'*, *jĭe* «взять, схватить», в. — луж. *jeć* «взять, схватить, захватить», польск. *jać*, *imie* «схватить, взять», др. — рус., рус. — цслав. *имо* «взять, братъ, схватить», рус. диал. *ять* «стать» (яросл.), «братъ», *ялся* «хотел», *нять* «взять» (новг., смол.), *яться* «браться, обещаться», укр. *яти*, *їму* «начинать, браться», *няти*, *їму* «братъ», *няти віри* «верить», блр. *няць* «взять, охватить» [6, с. 71].

От формы **jĕti*, **jъto* в славянских языках образуется ряд лексических единиц:

производное прилагательное с суф. — *ъкъ*, характеризующее как объект обладания, так и субъект с положительной стороны — **jътъкъjъ* (подобная схема в латинском языке *habĕo* «иметь, обладать» *habilis*, е «легко управляемый, способный, годный»): рус. *ёмкий* «вместительный», диал. *ёмкий*, *ёмкой* «крепкий, сильный, ловкий» (арх., волог., перм., яросл.), «поместительный» (арх., влад., костр.), *ѹмкий*, *имкой* «прирученный, смиренный, которого легко поймать (о домашних животных)» (арх., перм., урал.), укр. *емкій*, — *á*, — *é* «хваткий, ловкий», блр. диал. *ёмкі* «ловкий, здоровый»;

имя деятеля с суф. — *ьсь* — **jътьсь*: цслав. *ЄМЬЦЬ* «поручитель», сербохорв. *јатас* «поручитель», словен. *jetes*, *jetse*, ст. — польск. *jenies* «узник, пленник», польск. *jenies* «пленник, военнопленный», рус. диал. *емец* «расторопный, взяточник» (курс., калуж.), *емцы* «щипцы» [6, с. 229];

производное прилагательное с суф. — *ьпъ*, характеризующее какой-либо объект как легкий и приятный, привлекательный для приобщения — **jътьпъjъ*: цслав. *ЄМЬНЪ*, макед. *емен*, *емна* «кроткий, безобидный», чеш. *jetpŭ* «приятный, мягкий», польск. диал. *jetpny* «хороший, добродушный, приятный» [6, с. 230].

Сходная с праслав. **jĕti*, **jъto* семантика обнаруживается и в других индоевропейских языках. В балтийских языках отмечаются лексические единицы: лит. *imù*, *imti*

«братъ», латыш. jēti, jēti, jēti вместе с ģēti, ģēti, ģēti «братъ», возможно как следствие германского лингвокультурного влияния (гот. brōþar «братъ» > нем. bruder «братъ», восходит также к и. — е. *em- [Pokorny: 310—311]) или как общая германо-балтийская изоглосса (ср. с рус. — нять при от-нять, где н также неэтимологический). В латинском языке фиксируется глагол emō, ēge, ēti «братъ», «покупать», (стар.) «принимать» и в греческом νέμω «братъ» [ЭССЯ, выпуск 9: 71]. Производные от *em- отмечаются в кельтских языках, например, др. — ирл. ag-fo-em «братъ, получать» и еще в древнейших индоевропейских языках, например, хетт. ú-e-mi-ja-mi (u-emijami??) «я хватаю, нахожу» [7, с. 311].

Появление в некоторых языках протетического п объясняется вторичным, возможно, случайным уподоблением индоевропейских корней *em-, *jem- и *nem-,

которые изначально являлись различными [7, с. 311]. Сложность и неясность реальной истории глагольных рефлексов и. — е. *em- в современных языках обусловлена, по мнению этимологов (М. А. Иллич-Свитыч, О. Н. Трубачев, В. Н. Топоров), многочисленными аналогиями и перестройками типов основ и флексий, оставившими следы в тех нерегулярностях, которыми изобилует парадигма этих глаголов [2, с. 9].

Таким образом, индоевропейский корень *em- является очень древним и продуктивным в следующих ветвях индоевропейской языковой семьи: хетто-лувийской, италийской, кельтской, германской, балтийской, славянской и в греческом языке. И лишь в славянских языках к нему восходят лексические единицы, являющиеся центрами ядра лексических групп, выражающих концепт «обладание».

Литература:

1. Никифоров, С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVII века. — М., 1952.
2. Пятаева, Н. В. История синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- «братъ, взять» в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 1995.
3. Сенцов, А. Э., Коваленко А. М. Сравнительное изучение концепта «обладание» во французском, английском и русском языках через рассмотрение соответствующих этимологических гнезд (к постановке проблемы) // Молодой ученый. — 2011. — № 3. Т. 2. — с. 34—36.
4. Словарь русского языка XI — XVII вв. Вып. 1—15. М., 1975—1989.
5. Смолина, К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI — XVII вв. М.: Наука, 1990.
6. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Выпуски 6, 8, 9. Под ред. О. Н. Трубачева — М.: Наука, 1981.
7. Pokorny, J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. — Leipzig, 1984.

Из истории ядерной группы лексем выражения концепта «обладание» во французской лингвокультуре

Гагина Ольга Александровна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: концепт «обладание», лексическая группа, выражение концепта, диахронический аспект, лексическая единица.

Изучение концептов становится все более актуальным в современной лингвистической науке. В данной работе речь идет об анализе концепта «обладание» на материале французского языка. В нашем исследовании будет рассмотрена лексическая группа, выражающая указанный концепт во французской лингвокультуре, причем в диахроническом аспекте.

Для исследования процесса происхождения и развития исследуемого концепта обладания во французском языке, прежде всего, обратимся к истории ядерной группы лексем и рассмотрим их в историко-диахроническом аспекте.

В старофранцузский период (IX — XIII вв.) в состав лексической группы, выражающей концепт «обладание», уже вошли 9 из 11 лексических единиц (кроме глаголов *bénéficier* и *jouir*). Таким образом, к XIII в. ЛГ группа была практически сформирована. Центром ядра концепта «обладание» уже в рассматриваемый период являлся глагол *avoir*. В старофранцузский период наблюдается процесс перехода некоторых понятий, относящихся к религиозному церемониалу (например, в случае с глаголом *tenir* — к обряду крещения), в сферу межличностных, социальных отношений: *tenir quelqu'un sur les fonts (baptismaux)* —

«держат во время крещения в купели» → «быть крестным отцом (матерью)». Подобный факт говорит о важной роли религиозного культа в повседневной жизни французов того времени и о том, что французский язык начинает все активнее использоваться в церкви. Еще в 813 г. поместный церковный собор в городе Туре вынес решение о том, чтобы все проповеди произносились на французском языке, для большей интенсивности усвоения народом церковной идеологии [1, с. 11].

Далее следует упомянуть о том, что период с IX по XIII вв. являлся временем расцвета феодализма во Франции. Феодальная Франция IX — XI вв. дробилась на множество княжеств, ведших постоянные междоусобные войны. С XI же века намечается тенденция к образованию более крупных феодальных объединений (герцогства Нормандское, Бургундское, Бретань; графства Фландрское, Анжуйское, Шампанское и др.). Тем не менее конфликты не утихают, а становятся еще более ожесточенными и затяжными [4, с. 24]. Этим объясняется такое широкое употребление членов лексической группы, выражающей концепт «обладание», для описания военных действий и событий, связанных с ними, например: *prendre d'assaut* — «взять, захватить штурмом», *prendre un traître* — «арестовать предателя»; *obtenit les nouveaux territoires* — «заполучить, овладеть новыми территориями»; *attraper quelqu'un* — «захватить, поймать кого-либо». Насилие подчеркивается и в отношениях между людьми, например с женщиной: *avoir une femme, tenir une femme* — «овладеть (насильно) женщиной». Вышеупомянутые глаголы используются и в такой характерной для средневековой Франции сфере как охота, которая являлась развлечением феодальной знати: *avoir / prendre un animal* — «поймать, изловить животное», *attraper un animal* — «ловить в капкан, ловушку».

Рассматривая лексические единицы, составляющие семантическое поле концепта «обладание» в старофранцузском языке, особое внимание следует обратить на наличие заимствований из латинского языка (глаголы *posséder, disposer, acquérir*). Заметим, что глаголы *posséder, disposer, acquérir* относятся к пласту административно-политической лексики, к языку права, торговли, а характер данной сферы «подразумевает четкость и однозначность используемых терминов. Большинство терминов — моносемичны, именно во избежание полисемии, которая характерна для собственно французских слов, из латыни во французский язык заимствуются соответствующие глаголы» [2, с. 231]. Например, у собственно французских глаголов *avoir, tenir* фиксируются значения «владеть, занимать, обладать»: *tenir un fief* — «владеть вотчиной», *avoir un territoire* — «владеть территорией», но эти глаголы, как уже отмечалось, слишком полисемичны для употребления их в юридической терминологии. Отсутствие в старофранцузском глаголов, четко выражающих подобные понятия и, одновременно, их наличие в латыни, о широчайшем распространении которой будет сказано дальше, подталкивает к заимствованию:

posséder «иметь, обладать правом собственности на что-либо», *disposer* «распоряжаться, располагать» и *acquérir* «приобретать, получать».

Говоря о причинах заимствования из латинского языка, надо учитывать авторитет «латинского языка среди образованных людей в старофранцузский период. На протяжении веков французский был нелитературным языком повседневного общения, в то время как латинский был языком религии, науки и государства» [3, с. 234].

В среднефранцузский период никаких изменений в составе лексической группы, обслуживающей семантическое поле концепта «обладание», в рассмотренных источниках обнаружено не было. В литературе фиксируются лишь изменения, новое развитие семантики некоторых членов рассматриваемой лексической группы. Так, в XIV в. у глагола *attraper* фиксируются значения «обмануть кого-либо, ввести в заблуждение», «приманивать», т.е. «овладеть, заполучить что-либо» (основное значение глагола в старофранцузский период), но путем обмана, хитрости. Здесь стоит обратить внимание на то, что это значение приходит в общепользовательский письменно-литературный язык из диалекта Пикардии, тогда как диалектной основой формирующегося языка французского народа был, как известно, франсийский диалект, диалект Парижа — столицы королевского домена, — ставшего политическим, экономическим и культурным центром Франции [1, с. 161]. Дело в том, что франсийский диалект, являясь «промежуточным», т.е. будучи окружен самыми различными диалектами, способствовал проникновению в письменно-литературный язык соседних диалектов, в частности, северо-восточной группы, шампанского и пикардского, влияние которого является заметным еще с XIII в.

Что касается изменений в семантике рассматриваемого глагола, то они, возможно, отражают ситуацию во французском обществе XIV — XV вв. Столетняя война (1337—1453 гг.) принесла почти полное разорение стране; обнищание населения как в городах, так и в сельской местности, повлекло за собой небывалый всплеск преступности, рост количества организованных разбойничьих банд, разгул воровства и обмана при торговых сделках [4, с. 148]. Поэтому в умах носителей языка укрепляется осознание того, что приобретение, овладение чем-либо сопряжено с обманом, какими-либо нечестными действиями.

Во второй половине XV в. сразу у двух глаголов исследуемой ЛГ появляются значения, связанные с отношениями в обществе, с определенным положением в нем, например: *acquérir un titre* — «обеспечивать себе титул», *tenir son rang* — «занимать свое место (в обществе)». Таким образом, к концу XV в. французское общество становится более упорядоченным, люди заинтересованы в том, чтобы занять определенное место в его структуре. Это, главным образом, связано с территориальным и политическим объединением страны, усилением королевской власти, особенно при Людовике XI (1461—1483),

что, естественно, влекло за собой повышение стабильности во французском обществе.

В XVI — XVII вв. в состав ЛГ понятия обладания входят глаголы *jouir* и *bénéficier*. Глагол *jouir*, известный еще с XII в. со значениями «встретить с радостью», затем «наслаждаться, радостно пользоваться», приобретает в XVI в. новое значение — «обладать, пользоваться преимуществом». Таким образом, налицо прагматизм, прагматизм носителей языка. Их радует то, что приносит пользу. Подобный прагматизм связана с формированием новой для французского общества буржуазной системы ценностей. Растущая буржуазия, благодаря развитию как внутренней, так и внешней торговли в XVI — XVII вв., начинает играть все большую и большую роль в административном и финансовом аппарате. Королевская власть поддерживает французскую буржуазию, т.к. развитие капиталистических отношений способствовало укреплению экономики и окончательному уничтожению феодальной раздробленности и сепаратизма [1, с. 202].

Подобную семантическую линию продолжает и глагол *bénéficier*. В начале XVI в. он употреблялся в значении «наделять привилегией, жаловать», а к XVIII в. у него развивается значение «пользоваться, извлекать выгоду». Напомним, что XVI в. является временем появления новой формы власти — абсолютной монархии. Королевская власть, завершив объединение страны и уничтожив непокорную феодальную знать, начинает раздавать земли и различные блага за преданную службу. Таким образом, появляется новое дворянство, представители которого наделены королевскими привилегиями, жалованы материальными благами. С течением времени они начинают осознавать свое право полной собственности и пользуются дарованным когда-то имуществом по своему усмотрению.

В XVI в. глагол *avoir* начинает фиксироваться в безличном обороте *il y a* «имеется», который указывает на факт наличия какого-либо объекта в окружающем мире: *il y a trois pommes sur la table* — «на столе три яблока». Кроме того, в новофранцузский период у лексических единиц-членов рассматриваемой лексической группы появляется очень много переносных значений, выражающих 1) восприятие человеком окружающего мира: *prendre les choses au tragique* — «трагически воспринимать происходящее»; *attraper une idée* — «уловить идею»; 2) характеристику: *posséder un cœur d'or* — «иметь золотое сердце»; 3) манеру действовать: *prendre les affaires en ses mains* — «брать дело в свои руки»; *prendre le taureau par*

les cornes — «брать быка за рога» и т.д. Отметим, что «в основном полисемия исследуемых глаголов увеличивается путем метафорического переноса характеристик и процессов материального мира в область чувств, мыслей, взаимоотношений между людьми. Это свидетельствует о значительном прогрессе французского литературного языка в период ренессансно-гуманистического движения и Просвещения. Развитие философии и других гуманитарных наук, различных жанров литературы, как и повышение общей образованности, культуры вызвало расширение рамок понятия обладания» [2, с. 230].

Помимо этого, период XVI — XVII вв. был временем появления реформационных течений во Франции, как и в целом в Европе. Резко возрастает количество религиозной литературы, ведутся постоянные споры на теологические темы. К теологической терминологии принадлежат лексические единицы (*être*) *doué*, — *e* и *posséder*. Основным значением (*être*) *doué*, — *e* в XVII в. становится «быть наделенным каким-либо особым качеством (от Бога)», т.е. обладание каким-либо качеством по «велению» Бога осознается как неотторжимое, изначально присущее кому-либо. Глагол же *posséder* в конце XVI — начале XVII в. фиксируется в значении «овладеть кем-либо» в выражениях типа: *un démon m'a possédé* — «им овладел демон», когда речь идет о бесах, ведьмах и т.д. В этой связи следует заметить, что движение Реформации вызвало ответную реакцию католической церкви — Контрреформацию. Тридентский собор (1545–1547, 1551–1552 и 1562–1563 гг.) принял решение о необходимости возвращения протестантов в лоно католицизма. Была восстановлена инквизиция, многих протестантов обвинили в ереси, колдовстве и сожгли на кострах, была развязана новая «охота на ведьм» [4, с. 245].

Вместе с развитием филологии и гуманитарных наук во Франции развились математические и естественные науки. В эти науки, традиционно использовавшие латинский язык, к XVIII в. проникает французский язык. Так, глагол *obtenir*, имевший значение «достичь желаемого», входит в научную лексику со значением *obtenir un résultat* — «получить результат, осуществить проект» (в химии, математике). Таким образом, семантическое поле понятия обладания в новофранцузский период (XVI — XVIII вв.) заметно расширяется.

Таким образом, данное исследование демонстрирует формирование и эволюцию концепта «обладание» во французской лингвокультуре.

Литература:

1. Катагощина, Н. А. и др. История французского языка. Изд-е 2-е. — М.: Высш. школа, 1976.
2. Сенцов, А. Э. Категория обладания в языковой картине мира французов (диахронический аспект) // Молодой ученый. — 2011. — № 2. Т. 1. — с. 230–233.
3. Сенцов, А. Э. Сопоставительный анализ выражения концепта «обладание» во французской, английской и русской лингвокультурах // Молодой ученый. — 2011. — № 2. Т. 1. — с. 233–235.
4. Шигаревская, Н. А. История французского языка. — Л.: Просвещение, 1973.

Функциональные параметры антропонимов в английском политическом дискурсе

Ганах Лидия Геннадиевна, студент

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Рассматривается функциональный аспект имен собственных на базе публичных речей английского политического дискурса. Выявляются параметры функционирования антропонимов в данной области, указывается степень доминирования той или иной их функции, а также выстраивается иерархия данных параметров.

Ключевые слова: антропонимы, функции, политический дискурс, речь, прагматическая задача.

This article analyzes functioning of personal names in the English political discourse in the genre of political speech. Functions of anthroponyms of the presented field are determined; the prevalence of the functions is considered; the hierarchy of these functions is proposed.

Key words: anthroponym, functions, political discourse, public speech, pragmatics.

На современном этапе одним из наиболее актуальных направлений исследований в области ономастики является изучение функционального аспекта имен собственных, в том числе антропонимов. Кроме того в настоящее время в лингвистической науке проблема дискурса, в частности политического, представляет также особый интерес. В связи этим рассмотрение в рамках данной статьи функционирования антропонимов на основе текстов политического дискурса является весьма актуальным.

Прежде всего, следует отметить, что политический дискурс представляет собой публичный дискурс, основанный на политической картине мира адресантов и адресатов и направленный на ее формирование, поддержание или изменение. [1] В связи с этим можно предположить, что данный тип дискурса обладает определенными специфическими особенностями, которые продиктованы функциями данного лингвистического явления. Функции политического дискурса, как и других типов дискурса, аналогичны функциям языка в целом, поэтому вслед за Романом Осиповичем Якобсоном принято выделять шесть функций языка: *эмотивная (экспрессивная), конативная (апеллятивная), коммуникативная (референтная, денотативная), поэтическая, фатическая и метаязыковая.* [2, стр. 46] Кроме перечисленных политический дискурс обладает рядом специфических функций, которые служат для более успешного выполнения прагматического задания текста. К числу таких функций можно отнести *информационную, инструментальную* (обеспечение средств и путей подачи информации), *функцию нормирования* (распределение статусных отношений в обществе), *функцию легитимации и прогноза* (поддержание статусных отношений в обществе), а также *функцию убеждения и политической пропаганды.* [3]

Таким образом, данные функции политического дискурса могут легко найти отражение во всех его составляющих, например, в лексике. В то же время можно сделать вывод о том, что антропонимы, составляя определенный пласт лексики политического дискурса, также, помимо

очевидных функций, выполняют функции, характерные для данного типа дискурса в целом. Кроме того, следует уточнить, что в связи с вышеупомянутыми особенностями политического дискурса значимость функций антропонимов данного типа дискурса будет отличаться от языковой ценности функций такого вида имен собственных в рамках других разновидностей дискурса.

Итак, исходя из всего вышесказанного, можно выделить две группы функций антропонимов: *облигаторные* (общие для антропонимов всех типов дискурсов) и *дополнительные* (характерные для данного конкретного дискурса). [4] Среди облигаторных функций антропонимов можно выделить *номинативную, идентификационную и дифференцирующую.* Все эти функции связаны с фактической информацией текста, т.е. несут содержательный характер. Например, *To my campaign manager David Plouffe, my chief strategist David Axelrod, and the best campaign team ever assembled in the history of politics — you made this happen, and I am forever grateful for what you've sacrificed to get it done.* (Barack Obama, Election Night Victory Speech, Grant Park, Illinois, November 4, 2008) В данном отрывке оба антропонима David Plouffe и David Axelrod выполняют функции донесения фактической информации, т.е. конкретное указание на людей, работа которых помогла добиться желаемого. Еще одним примером подобного употребления антропонимов может служить следующая выдержка из той же речи новоизбранного президента Барака Обамы: *I would not be standing here tonight without the unyielding support of my best friend for the last sixteen years, the rock of our family and the love of my life, our nation's next First Lady, Michelle Obama. Sasha and Malia, I love you both so much, and you have earned the new puppy that's coming with us to the White House.* В данном примере использованы имена членов семьи Барака Обамы — его жены и дочерей, что также относится к фактической информации. Тем не менее, следует также отметить, что помимо чисто номинативной функции, использованные антропонимы выполняют одновременно и другую, крайне важную именно для политического дискурса функцию «сближения с народом», т.е. называя по

имени конкретных людей, вероятно малоизвестных широкой публике, оратор проявляет свою близость к народу, показывает, что он очень похож на них самих, тем самым сокращая дистанцию между собой и аудиторией, характерную для политических выступлений. Вместе с тем данная функция может выражаться не только в употреблении антропонима в конкретном речевом акте, но и в общепринятом назывании индивида. Так, например, некоторые политики используют сокращенные формы своих имен, что помогает создать более фамильярный образ. Ярким представителем использования такого приема является британский политический деятель, известный всем как Tony Blair. Действительно, имя Tony воспринимается менее формально и более открыто, чем Anthony Blair. Таким образом, можно сделать вывод о том, что облигаторные функции антропонимов в политическом дискурсе часто могут быть сопряжены с так называемой прагматической функцией (т.к. одной из основных целей политического дискурса является воздействие на аудиторию), которая представляет собой одну из дополнительных функций антропонимов в рамках политического дискурса.

Кроме прагматической среди дополнительных функций антропонимов ученые, занимающиеся лингвистикой и стилистикой, в частности в рамках ономастики, выделяют также такие функции, как *аллюзийная* (намек посредством антропонимов на те или иные реалии или литературные факты) [4], *номинативно-адресная* (имя собственное привязано к отдельному индивиду, чаще всего известному аудитории) [5] и *оценочно-экспрессивная*.

Что касается аллюзийной функции, следует сказать, что антропонимы в качестве аллюзии встречаются в английском политическом дискурсе довольно часто в роли дополнительного средства выразительности для придания речи большей эмоциональности и экспрессивности. Например, "*But you know, when it comes to public spending you can't just wave a magic wand to conjure up the money — not even with help from Harry Potter*" (речь Гордона Брауна в 2008 году в Манчестере). В данном случае выдуманный персонаж Harry Potter является собой волшебника, который взмахом волшебной палочки решает почти все проблемы, прикладывая минимум усилий. В данном случае можно отметить, что использование такой аллюзии (сравнение с выдуманным, сказочным персонажем) свидетельствует о некоем недовольстве или даже призрании оратора к описываемому.

Примером менее явной аллюзии, выраженной антропонимом, может служить отрывок из речи Эда Милибэнда в Ливерпуле в 2011 году. "*I knew when I said what I did that I was breaking rule number one of British politics. Don't mess with Rupert Murdoch.*" Руперт Мердок (Rupert Murdoch) владеет большинством СМИ Великобритании, и считается олицетворением английской прессы. Таким образом, используя в данном высказывании антропоним в качестве аллюзии, можно отметить намек оратора на предвзятость прессы.

Говоря о номинативно-адресной функции антропонимов в английском политическом дискурсе, следует подчеркнуть, что данная функция характерна также для передачи фактической информации, однако в отличие от чисто облигаторных, эта функция носит более эмоциональный характер. В случае, когда антропоним выполняет номинативно-адресную функцию в тексте, можно выявить некоторые имплицитные взаимоотношения между оратором и носителями фактических антропонимов. В данном случае также важную роль играет полная и сокращенная формы имен собственных. Таким образом, когда оратор использует полное имя индивида, чаще всего речь идет о его оппоненте или малознакомом человеке. В случае же, когда использована сокращенная форма имени, что само по себе приносит более фамильярный характер, то скорее всего, можно сделать вывод, что выступающий хорошо знаком с тем, о ком он говорит.

Учитывая все вышесказанное, можно заметить, что и аллюзийная и номинативно-адресная функции антропонимов в политическом дискурсе носят эмоциональный характер. Таким образом, еще одна функция, выделенная как дополнительная — оценочно-экспрессивная — по своему выражению как бы растворяется в предыдущих двух, в то же время приводя их к общему знаменателю. Основным результатом оценочно-экспрессивной функции антропонимов является выражение отношения оратора к тому, о ком ведется речь. Для этого часто используются такие слова, как *little* для выражения трогательных чувств (*my little Ivan* [погибший от эпилепсии сын Дэвида Кэмерона]) или *so* для выражения некоего пренебрежения (*He was so Boris that night* [Boris Johnson]).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что антропонимы в рамках английского политического дискурса обладают не только общими для всех имен собственных функциями, но и рядом специфических особенностей, которые служат для успешной реализации прагматических задач текстов данного типа дискурса. Кроме того, следует отметить, что на основе значимости данной конкретной функции в процессе достижения прагматической цели можно выстроить некую иерархию функциональных параметров антропонимов в политическом дискурсе. Так, доминирующей функцией из всех названных является номинативная, которая тесно связана с фактической или информативной. Обе эти функции объединены общей дополнительной так называемой прагматической функцией, которая также преобладает в политическом дискурсе. Далее следуют аллюзийная и номинативно-адресная функции антропонимов, которые объединены тем, что несут дополнительную эмоциональную нагрузку и оценку оратора, тем самым выполняя также оценочно-экспрессивную функцию. Тем не менее, несмотря на то, что данные функции рассматриваются более или менее отдельно друг от друга, все они направлены на выполнение одной общей (как для дискурса в целом, так и для антропонимов в нем в частности) задачи: воздействие на аудиторию.

Литература:

1. Павлова, Е. К. Политический дискурс в глобальном коммуникативном пространстве (на материале английских и русских текстов) / Павлова Е. К. [Электронный ресурс; 14.05.13] — Режим доступа: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a166.php>.
2. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 433 с.
3. Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе» (Язык. Культура. Общество. Выпуск 3. 2011 г.). — Саранск, 26.09.—31.10.2011 г. [Электронный ресурс; 07.11.14] — Режим доступа: <http://yazik.info/2011-06.php>.
4. Яковенко, Н. С. К вопросу о функциональной нагрузке антропонимов в романах В. В. Набокова «Истинная жизнь Себастьяна Найта» и «Лолита» [Электронный ресурс; 08.11.14] — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionalnoy-nagruzke-antropimov-v-romanah-v-v-nabokova-istinnaya-zhizn-sevastyana-nayta-i-lolita>.
5. Смольников, С. Н. Антропонимы в детской драматике [Электронный ресурс; 07.11.14] — Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/9_07.htm.

Понятийный тезаурус лингвистического анализа текста

Головина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Оренбургский государственный университет

В филологической науке накоплен большой опыт толкования различных типов текстов, и понятие «лингвистический анализ текста» (далее ЛАТ) может пониматься и как исследовательская деятельность, учебная деятельность, и как органическое соединение литературоведческого, стилистического, лингвистического анализа и т.д. Но вопрос формулирования того терминологического аппарата, без которого исследователь не может обойтись в ходе анализа текста, является одним из ключевых.

В качестве *материала* нашего изучения выступал терминологический аппарат текстов анализа художественных произведений отечественных писателей и поэтов. Тесты анализа выбирались методом случайной выборки. На первом этапе был составлен список из 87 текстов ЛАТ. Затем из данного списка были выбраны тексты повторяющихся произведений (например, анализ стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...», выполненный Л. А. Новиковым и И. В. Петровой) [3,4]. В итоге рассматривались 22 *текста ЛАТ*. Следует отметить, что исследователи выбирают для анализа небольшие по объему произведения (стихотворения, отрывки из произведений), либо в центре внимания находятся лишь некоторые аспекты анализа. Так, например, в основе анализа романа «Обломов», выполненного Н. А. Николиной, находится изучение системы имен собственных данного произведения [2].

В каждом тексте ЛАТ выделен тот терминологический тезаурус, который использует исследователь в рамках своего изучения того или иного произведения.

Аналогичная работа проведена со всеми 22 текстами. В ходе анализа во всех текстах выделен 171 термин и составлена таблица частотности терминологического аппарата текстов анализа, т.е. подсчитано сколько раз термин упоминается авторами в процессе анализа — см. таблица 1.

На основе данных таблицы сделан вывод о том, что из 171 термина повторяются 29, что составляет 16,9% от общего количества. Данный процентный коэффициент является *коэффициентом нормативности* терминологического тезауруса рассмотренных текстов. Тот терминологический аппарат, к которому обращаются исследователи в ходе анализа, разнообразен и *вариативен*. Это можно объяснить тем, что на данный момент нет (и не может быть) единого подхода, единой концепции анализа текста.

Далее терминологический тезаурус текстов анализа объединен в 17 тематических групп: «анализ», «композиция», «стилистика языка», «стилистика текста», «структурность в языке и речи», «образность», «текст», «части речи и их функции», «уровни языка», «форма и содержание», «языковые средства», «автор», «персонажи произведения», «типы текста», «пространство и время», «содержательно-смысловой план», «ритмическая организация текста». На основе подсчета удельного веса каждой тематической группы выделены наиболее значимые из них. Результаты отображены в таблице 2.

Каждая тематическая группа имеет разный объем. Наиболее значимыми тематическими группами являются: «ритмическая организация текста», «стилистика языка», «стилистика текста», «содержательно-смысловой план

Таблица 1. Частотность терминов в текстах анализа

Термин	Кол-во повторений
автор	3
антитеза образов	2
главный \ второстепенный персонаж	2
диалог	2
жанр	5
идейно-эстетическое содержание	2
идея	3
интонация	2
композиция	6
лексический повтор	2
лексический уровень	2
лирика	3
лирический герой	3
метафора	2
монолог	3
образ	5
описание	2
персонаж	2
подтекст произведения	2
размер	3
ритм	3
синтаксический повтор	2
сравнение	5
стилистические средства	2
строфа	2
структура текста	2
тема	5
четырёхстопный ямб	2
языковые средства	3

Таблица 2. Удельный вес тематических групп терминологического тезауруса ЛАТ

Тематическая группа	Удельный вес (%)	Объем поля
Автор	5,3	7
Анализ	2,3	4
Композиция	11,1	14
Образность	9,9	12
Персонажи произведения	4,7	4
Пространство и время	4,1	7
Ритмическая организация текста	13,5	18
Содержательно-смысловой план текста	16,4	20
Стилистика текста	12,9	18
Стилистика языка	15,8	21
Структурность в языке и речи	10,5	15
Текст	1,8	3
Типы текста	7	6
Уровни языка	5,8	9
Форма и содержание	1,2	2
Части речи и их функции	2,3	4
Языковые средства	4,1	5

текста», «композиция», «структурность в языке и речи». Наименее значимыми являются следующие группы: «текст», «форма и содержание», «анализ», «части речи и их функции».

На следующем этапе исследования определено общее количество взаимодействий, которое образует каждая тематическая группа с другими группами в рамках каждого текста анализа. Полагается, что, если два компонента выделяются при анализе одного и того же текста анализа, то они становятся связанными между собой через отнесение их к одному тексту, соответствующим образом мы делаем вывод о связи между полями (тематическими группами), в которые входят указанные компоненты. Так, например, фраза из анализа стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», выполненного Л. А. Новиковым: «Композиционная структура стихотворения представлена пятью строфами, в которых последовательно развивается его идейное содержание» (Новиков 2007:60) соотносит 3 группы «композиция» (компонент «композиционная структура», «ритмическая организация текста» (компонент «пять строф») и «содержательно-смысловой план текста» (компонент «идейное содержание»). Подобным образом был проанализирован весь материал и выявлено исчерпывающее количество взаимосвязей между группами в рамках каждого текста анализа.

На основе суммирования взаимодействий в рамках всех текстов анализа выявлено исчерпывающее количество взаимосвязей между группами. Так, например, связь между группами «композиция» и «автор» в рамках выборки (т.е. по результатам анализа всех текстов) встретилась 9 раз, таким образом, сила связи между этими полями равняется 9. Для построения графосемантической модели терминологического аппарата текста анализа мы использовали только те тематические группы, которые оказывались способными образовывать связи, сила которых превышает статистический порог значимости (средний показатель силы связи по выборке).

В итоге, из 17 образованных групп отражают актуальный понятийный потенциал понятия «терминологический тезаурус ЛАТ» 14: связи групп «анализ», «пространство и время», «форма и содержание» не преодолели статистического порога значимости. Стрелками мы указали направление взаимодействия между группами.

По результатам предварительных процедур была построена графосемантическая модель терминологического тезауруса ЛАТ — см. рис. 1. Тонкими стрелками отмечены связи, сила которых составляет 4–6; жирными стрелками — связи, сила которых 7–9. Мы видим, что ядро модели (группы, образующие наибольшее количество связей) составляют группы «композиция» (6),

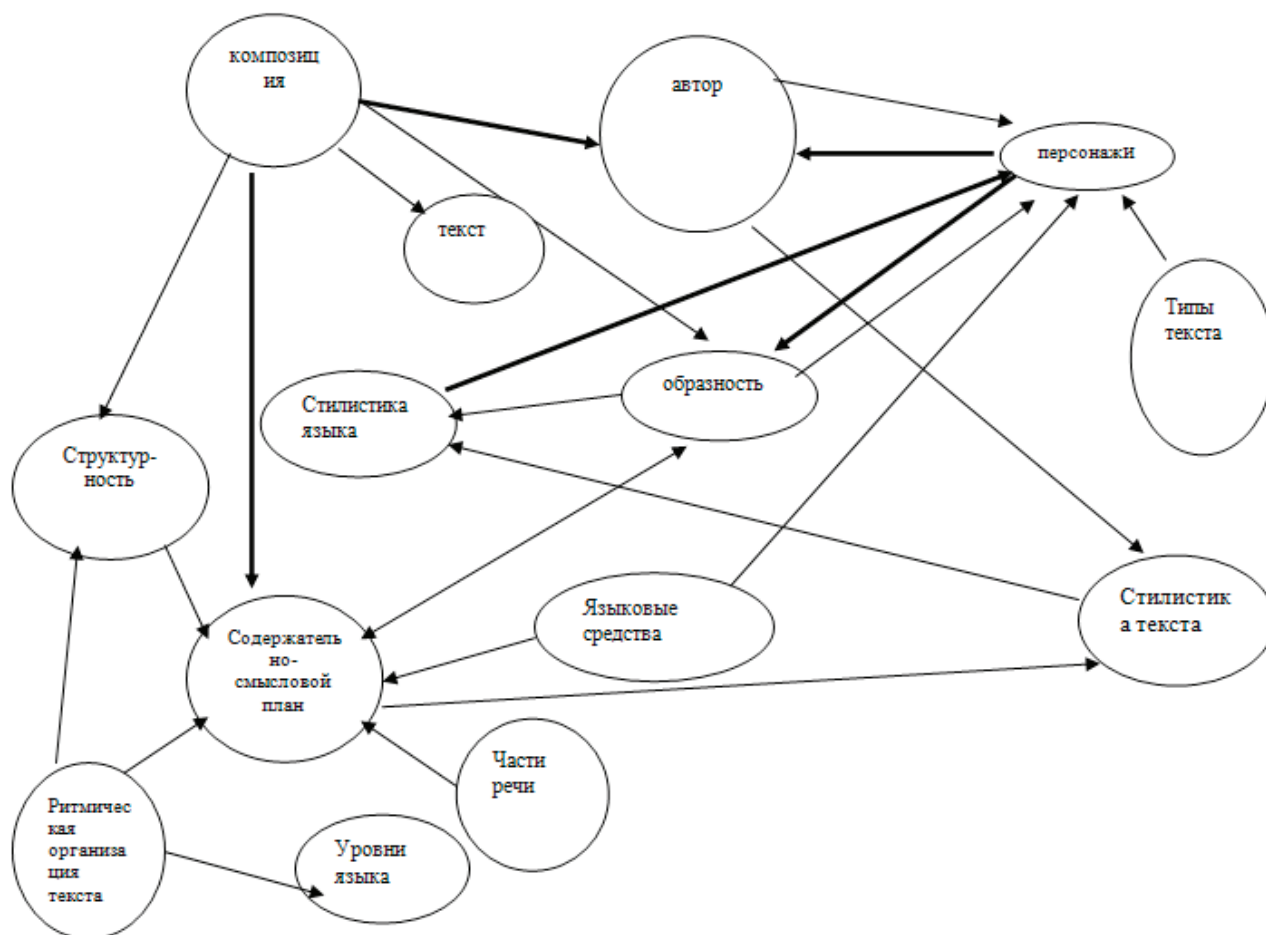

Рис.1. Графосемантическая модель терминологического тезауруса ЛАТ

«образность» (3), «ритмическая организация текста» (3). Это свидетельствует о том, что исследователи стремятся изучить композиционную структуру произведения через рассмотрение образа автора (в этой связи наблюдается сильная ассоциативная связь между группами «композиция», «автор», «образность»). Также композиция текста рассматривается учеными через призму содержательно-смыслового плана текста.

Существенную роль в текстах анализа играют образы автора и персонажей произведения, что нашло свое отображение в графосемантической модели (наличие связей между данными группами). Таким образом, мы можем говорить о том, что главные герои произведения являются способом выражения авторской позиции, особенно это наблюдается в лирике.

Принадлежность группы «ритмическая организация текста» к ядру модели связана с достаточно большим количеством анализируемых стихотворений, интерпретируя которые невозможно обойтись без изучения его системы стихосложения, фонетического уровня стихотворения. В результате этого наблюдаем связь между группами «ритмическая организация текста» и «уровни языка».

Группы «уровни языка», «части речи», «текст», «типы текста» находятся на периферии исследовательского интереса, соответственно, они образуют тупиковую связь на графосемантической модели. Таким образом, можно говорить о том, что в текстах ЛАТ практически отсутствует структурная парадигма, как это было представлено в ра-

ботах Ю.М. Лотмана, изучавшего ЛАТ с точки зрения уровневого характера языка [1].

Примечательным является тот факт, что языковые средства в текстах анализа выступают лишь средством для изучения содержательно-смыслового плана текста, системы персонажей и т.д., а не отдельным предметом изучения, как это наблюдается в теоретических авторских работах по вопросам ЛАТ.

При подсчете общего количества взаимодействий, которое образует каждая тематическая группа с другими группами в рамках каждого текста анализа, обращает на себя внимание факт наличия ряда групп, взаимодействующих исключительно сами с собой. Ими выступают следующие группы: «автор» (2), «образность» (4), «персонажи» (2), «ритмическая организация текста», «содержательно-смысловой план текста» (8), «стилистика языка» (5), «структурность в языке и речи» (3), «текст» (2). Таким образом, исследователи ограничивают свою работу только изучением данных категорий.

В заключении стоит отметить, что терминологический тезаурус ЛАТ *вариативен* (коэффициент нормативности — 16,9%). На терминологическом уровне происходит уравнивание филологического, стилистического, лингвистического видов анализа. Данное положение также находит свое отображение и в авторских теоретических концепциях ЛАТ. В ходе исследования представилось возможным построить модель понятийного пространства «терминологический тезаурус ЛАТ».

Литература:

1. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — Л.: Просвещение, 1972. — 512 с.
2. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003—256 с.
3. Новиков, Л. А. Художественный текст и его анализ. Изд. 3-е. — М.: издательство ЛКИ, 2007. — 304 с.
4. Петрова, И.В. сост. Лингвистический анализ художественного текста: учеб.— метод. пособие.— Магнитогорск, 2000.— 145 с.

Коммуникативные стратегии реализации целей экзамена как жанра педагогического дискурса

Гудина Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, учитель английского языка
МКОУ Быковская СОШ № 1 имени Героя России С. А. Арёфьева (Волгоградская область)

В последнее время дискурс стал объектом исследования не только в лингвистике, но и в ряде смежных наук. Дискурс предполагает различные формы коммуникации: устная или письменная речь, связный текст или ряд связных высказываний, монолог или диалог. Под дискурсом следует понимать когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным резуль-

татом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную и зафиксированную форму. Дискурс представляет неотъемлемую часть взаимодействия людей.

В данной статье из множества типов дискурса, выделяемых по социологическим признакам, рассматривается педагогический дискурс как один из типов институционального общения, которое осуществляется в социально

фиксированной ситуации. Он имеет свою особую проблематику типовых участников и способы реализации.

В педагогическом дискурсе мы имеем дело с одной целью — социализацией подрастающего члена общества, передачей ему социальных ценностей и норм поведения, знаний, умений и навыков, как в вербальных, так и невербальных формах [1]. Следовательно, педагогический дискурс содержит различные аксиологические (ценностные) высказывания, связанные с формированием положительных ценностей у учащихся. Хронотоп педагогического дискурса четко очерчен: это время, закрепленное за учебным процессом (школьный урок, университетская лекция, экзамен) и место, где соответствующий процесс происходит (школа, класс, учебная аудитория).

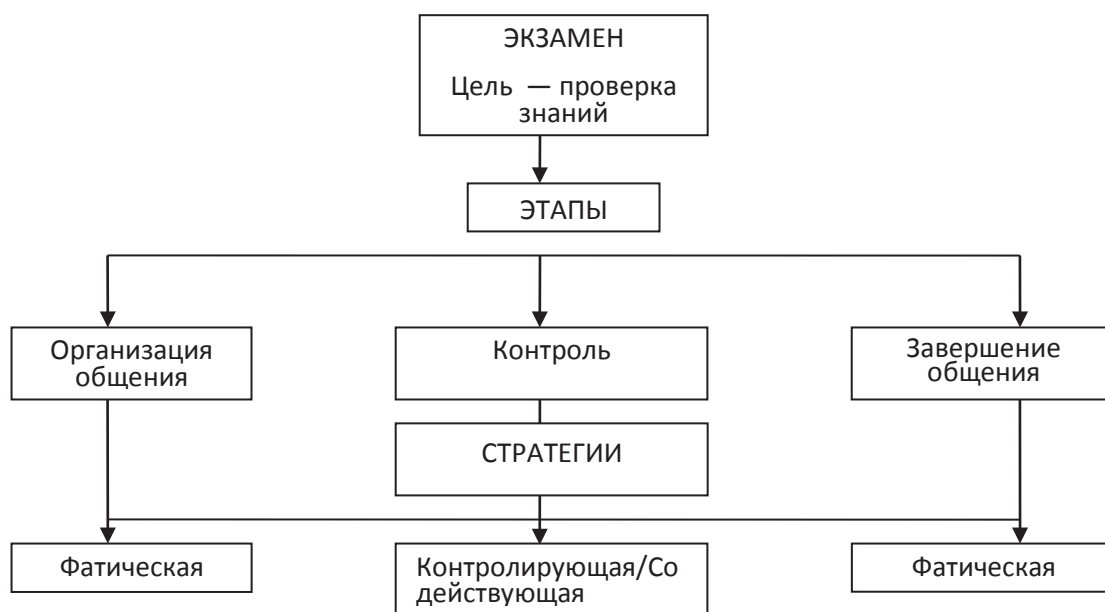
Педагогический дискурс диалогичен по своей природе. Специфика его заключается в том, что учитель, задавая вопрос, должен заранее знать ответ. Основными участниками коммуникации в педагогическом дискурсе являются, с одной стороны учитель, а с другой — ученик. Учитель наделен правом передавать ученику знания и нормы поведения общества и оценивать успехи ученика. Следует отметить, что в обществе выработаны требования к личности учителя, в том числе и к языковым характеристикам этой личности: подразумевается, что учитель является об-

разцом высокой (элитарной) речевой культуры [4, с. 246]. Процесс обучения проходит нормально, если педагог следует нормам педагогического общения, которые представляют собой совокупность релевантных для данной разновидности институционального дискурса речевых действий, направленных на управление деятельностью учащихся и их знаниями. Замена речевых действий, обусловленных социальными и прагматическими факторами, приводит к нарушению норм идеальной речевой ситуации [2, с. 4].

Более того, будучи видом институционального дискурса, педагогический дискурс имеет прототипную модель и представляет собой специализированную клишированную разновидность общения, обусловленного социальными функциями и ролями партнеров.

Экзамен как жанр педагогического дискурса имеет следующую нормативную схему. Данная модель включает доминантную цель (проверка знаний) и состоит из этапов: организация общения, контроль, завершение общения, которые имеют локальные цели, реализующиеся посредством определенных стратегий педагогического дискурса (фатическая, контролирующая/содействующая, фатическая).

Нормативная схема экзамена как коммуникативного события может быть представлена следующим образом:

Из предложенной схемы видно, что на каждом этапе экзамена педагог ставит перед собой локальные цели и использует соответствующие стратегии педагогического дискурса. Совокупность правильно реализованных стратегий в каждом эпизоде приводит к достижению доминантной цели и, следовательно, к успешному взаимодействию участников коммуникации.

Разработанная схема является образцом реализации коммуникативных намерений в контексте коммуникативной ситуации (экзамен) по отношению к определен-

ному партнеру, что выражается уместными в данной ситуации языковыми и неязыковыми средствами. При этом адекватность речевого поведения коммуникантов оценивается успехом речевого взаимодействия, т.е. достижением коммуникативной цели, а также соответствием правилам речевого и неречевого поведения в данном социальном институте.

Таким образом, экзамен как систему характеризуют пять составляющих: цель деятельности, типовые участники, содержание и стратегии деятельности, стиль вза-

имодействия учителя и учащихся. Экзамен включает в себя не только оценку состояния процесса в соответствии с его нормативными характеристиками, но и разработку рекомендаций на будущее, коррекцию процесса. Именно в таком широком понимании и будет трактоваться экзамен как жанр педагогического дискурса.

Необходимо подчеркнуть, что экзамен всегда имеет в виду что-то определенное: воспроизведение знаний, применение их по образцу или творческое использование в новой ситуации; при составлении заданий учитель должен в их формулировке четко и однозначно отражать то, что он желает получить [3, с. 118]. Благодаря экзамену, учащийся имеет возможность соотнести свои учебные действия и их результаты с заданными образцами, связать качество этих результатов с уровнем и полнотой выполнения учебных действий.

Считается общепринятым, что экзамен — это нечто иное, чем проверка знаний студента, проводимая образованием и которая является наиболее удобным способом для обеих сторон. Но существует и другая точка зрения: для некоторых студентов экзамен является не таким простым испытанием. Это прямое общение, между экзаменатором и студентом, подкрепленное определенными установленными правилами, и студенту необходимо действовать в соответствии с этими правилами подобно «профессиональному боксеру на ринге».

На каждом этапе экзамена как коммуникативного события учитель ставит *локальные цели*, которые он реализует посредством соответствующих *стратегий*.

Локальной целью *первого этапа* экзамена является создание рабочей атмосферы, привлечение внимания учащихся к содержанию экзамена. Данная цель реализуется при помощи организующей (или фатической) стратегии.

К фатической стратегии относятся реплики, коммуникативным намерением которых является установление и поддержание контакта. Эта стратегия может быть выражена фразами приветствия («*Good morning, everybody! Glad to see you*»), направленные на управление деятельностью учащихся («*It's time to start now*», «*We can get down to work*», «*I'm waiting to start*»). Реализацией фатической стратегии является ситуация, когда учитель входит в класс или аудиторию, быстро и оперативно организывает взаимодействие с учащимися (студентами), начинает действовать автономно: раздает тестовые задания или раскладывает билеты.

На *втором этапе* экзамена используется контролирующая стратегия, которая направлена на реализацию цели контроля, не только усвоенных учащимися знаний (прием информации), но и дисциплины в аудитории («*Be attentive!*», «*Silence, please!*», «*Could I have your attention, please?*», «*Be quiet! Everyone listen*», «*Don't all shout*», «*Don't talk at once*», «*Get on with your work quietly*», «*Don't you talk!*», «*Work on your own*», «*Work by yourself*»).

Иногда используется содействующая стратегия, важным моментом которой может быть непроизвольная увлеченность учителя самой идеей содействия, когда он задает вопросы в помощь отвечающему («*Why do you think so?*», «*Don't you think, though, that...*», «*I'm not sure what you mean*», «*Have you got anything to add?*», «*Have you got any idea...*», «*What do you think about...*», «*Am I right to believe...?*»). Первые вопросы помогают учащемуся, следующие уже такого эффекта не дают.

Анализ практического материала показал, что в англоязычной культуре проверка знаний происходит в два этапа: сначала ученики сдают письменный тест; через несколько дней устное собеседование принимает преподаватель совершенно незнакомый им. В процессе всего общения цель учителя — выяснить, как студент владеет материалом, здесь экзамен носит ответно — вопросный характер. Рассмотрим следующий пример:

Teacher: *Well, sit down, please. My name is John. What's your name?*

Pupil: *My name is Ann.*

Teacher: *Let's start our discussing. How long have you been learning English, Ann?*

Pupil: *I've been learning English for five years. I think this language is important in our life, as every day.....*

Teacher: *Now, I show you a picture. What do you see? Describe it.*

Pupil: *I know this country. I lived in Sweden.*

Teacher: *How long have you lived in Sweden?*

Pupil: *For four years. When I say I lived in Sweden, everyone always wants to know about the seasons.....*

Таким образом, преподаватель может выявить общую тенденцию по овладению учащимися новым материалом, знаниями, навыками и умениями.

Диалогическая форма существования экзамена определяет его разговорность. Разговорно-литературная стилевая среда становится основной для отдельных жанровых типов, в том числе и для экзамена.

Как показывает практика и построенная схема экзамена, оценивающая стратегия встречается на втором этапе экзамена и выражается в проявлении сомнения или уверенности педагога в знаниях и возможностях студента (учащегося) и сопровождается положительными («*Good!*», «*Perfect!*», «*Very nice!*», «*Fine!*», «*Excellent*», «*Exactly*», «*Quite right*», «*Right you are*», «*That's correct*», «*That's exactly the point!*», «*Yes, you've got the idea*», «*That's the way*», «*Very good*», «*Well done*», «*You made a very good job of that*», «*That's much (lot) better. You've improved a little*») или отрицательными оценками («*No, that's wrong*», «*Not really*», «*Unfortunately not*», «*You use the wrong tense*», «*You'll have to spend more time practicing this*», «*Speak more clearly*», «*Not so quickly, I can't follow*», «*You still have some trouble with your spelling (sound, etc.)*», «*I wasn't very satisfied with that. You can do better than that*», «*Try harder. A bit more effort. I hope you do better than that*», «*It's unjust/unfair*»).

В англоязычной культуре, например, иногда конечный результат экзамена не сообщается («*Time's up. Pencils down. Pass your papers forward. I've e-mailed you quizzes over the weekend.....*») или сообщается, но позже и в устной форме («*Three days later we arrived in the examination building. We knew exactly what would happen. The Secretary of the Committee would descend the stairs and take his place, accompanied by two uniformed porters, on the lowest step. Under his arm would be a thick leather —covered book containing the results. One of the porters would carry a list of candidates' numbers and call them out, one after the other. The candidates would step up to the Secretary, who would say simply 'Pass' or 'Failed'. Successful men would go upstairs to receive the congratulations and handshakes of the examiners, and failures would sink miserably out of the exit to seek the opiate of oblivion*») [5].

Литература:

1. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999.
2. Каратанова, О. А. Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 20с.
3. Милованова, Ж. В. Жанрово-речевые особенности педагогического дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1998.
4. Сиротинина, О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. Вып. 4. — М., 1995.
5. R. Gordon. Doctor in the House, 2001.

Концепт «семья» в картине мира узбекского и каракалпакского языков

Доспанова Дилара Уракбаевна, кандидат педагогических наук, доцент
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

В организации системы и в функционировании антропонимов узбекского и каракалпакского языков важнейшую роль играет концепт «семья». Этот концепт «является одним из наиболее значимых в концептосфере любой лингвокультуры. Он имеет сложную семантико-фреймовую структуру: ядро концепта отражает его общечеловеческую универсальность как одну из форм социальной общности людей; объемная интерпретационная часть соотносится с индивидуальными особенностями восприятия и национальной картиной мира» [Бондаренко:5]. По наблюдениям Е. В. Бондаренко, семья трактуется как лингвокультурный концепт высшего уровня, который имеет особую значимость как конституирующий элемент большинства социумов. «В известных нам работах, посвященных анализу данного концепта в разных лингвокультурах, отмечаются его сегментированность и многоуровневость, многочисленные варианты языковой репрезентации фреймов, высокая плотность соответствующего семантического поля, активность вербализующей его лексики <...> Согласно этим исследованиям, ключе-

Третий этап — завершающий (фатический), он подводит некую точку в общении адресата и адресанта и может сопровождаться следующими фразами: «*Have a good day!*», «*See you tomorrow!*», «*Thank you for today's exam. You've been perfect today!*», «*Free up your mind*». Исследование фактического материала показывает некоторые отклонения в процедуре контроля и оценки, что приводит к потере в экзамене ритуальной направленности.

Итак, экзамен как жанр педагогического дискурса имеет прототипную модель, которая является образцом реализации определенных коммуникативных интенций в контексте экзамена как коммуникативного события и включает доминантную и локальные цели, реализуемые посредством соответствующих стратегий (фатическая, контролирующая/ содействующая, фатическая).

выми составляющими концепта «семья» являются а) ролевая ценность семьи как таковой, которая раскрывает содержание и определяет виды отношений родства; б) отношения между супругами; в) отношения между родителями и детьми» [Бондаренко:8].

Особую социальную значимость институт семьи и, соответственно, данный концепт имеют среди тюркоязычных народов в связи с большей, чем у европейских народов, ролью семьи для всех поколений, сохранением в той или иной мере тенденции к многодетности, ролью религии (для большинства тюркоязычных народов — ислама) во всей организации семейной (и частично общественной) жизни. Семья обычно рассматривается как крупное объединение всех родственников, а не только круг родителей с детьми (иногда с бабушками и дедушками и другими близкими кровными или некровными родственниками).

Реализация концепта «семья» осуществляется в рамках социальных полей как неотъемлемого компонента языковой картины мира. Социальное поле (далее

СП) семьи включает не только членов семьи, ближайших родственников, но также и близких друзей, если общение происходит на уровне семьи. «Даже немногочисленная городская семья представляет собой сложную социальную структуру с точки зрения именованности индивидов по линиям «именование младшего поколения старшим», «старшего поколения младшим», «именование внутри одного поколения»; могут сильно варьироваться приемы именованности внутри старшего и младшего поколения.

В пределах разных СП антропонимы часто используются в сочетании с другими средствами номинации лиц, уточняющими возраст, социальный статус, какие-либо отличительные признаки лица, что повышает уровень номинативной ценности имени лица» [Жураева:12].

Специфика СП семьи в узбекском и каракалпакском языках отчетливо выявляется на фоне СП английского и русского полей: «В английском, узбекском и русском языках сложились разные структуры СП семьи и СП администрации: в английском языке СП администрации «вдвигается» в СП семьи, чем предопределяется наличие ряда официальных формул общения; в узбекском языке, напротив, СП семьи «вдвигается» в административное СП, в результате чего преобладает «семейный» тип общения в учреждениях, организациях и т.д. В русском языке СП семьи и административное СП максимально разграничены по сравнению с узбекским и английским языками» [Жураева:66].

Особую роль в реализации специфики концепта «семья» в менталитете носителей узбекского и каракалпакского языков играют сигналы антропонимов. В узбекском и каракалпакском языках это прежде всего термины родства (*ака, ука, ота, хола, синглим, кенаи* и др.; в каракалпакском языке: *ага, ажага, кише, женге, апа, жезде*); именно их употребление во многом обеспечивает «семейный» тип отношений в административном СП.

В функциональном плане, особенно по отношению к СП семьи, с именами собственными сближаются обозначения родственных отношений, или термины родства, а также обозначения лиц по возрасту. В пределах семьи функционально уравниваются номинации по уменьшительным именам и апелляциям — терминам родства.

В.А. Никонов фактически подчеркивает приоритет личного имени у узбеков в рамках социального поля семьи: «В сфере официально-делового общения фамилия теперь получила бесспорное преобладание над индивидуальным именем, но в семейно-бытовом общении этот процесс еще далек от завершения даже в городах» [Никонов:315]. Очевидно, «завершения» этого процесса у узбеков и каракалпаков не наступит, т.е. в рамках социального поля семьи фамилия не будет играть роль такого активного функционального элемента общения, как, например, у англичан и американцев.

Как и в других языках, можно выделить следующие линии общения между родственниками: 1) родители — дети, 2) дети — родители, 3) члены одного поколения,

4) супруги, 5) представители более отдаленных степеней родства. Каждая из выделенных линий представляет собой особую систему номинаций, ядром которой являются собственные имена и термины родства. Термины родства узбекского и каракалпакского языков более активно, чем в английском и русском языках, участвуют в установлении разветвленной системы отношений в СП семьи (отношения между членами одного поколения, отношения старших к младшим, отношения младших к старшим, отношения между мужем и женой и т.д.).

М.И. Расулова приводит многочисленные факты, свидетельствующие о несимметричности и неэквивалентности именованности мужчин и женщин в современном обществе: «... к женщинам гораздо чаще, чем к мужчинам, обращаются просто по имени. Разница, как правило, заключается в том, что в таких случаях подчеркивается не равноправие, а нечто прямо противоположное: подчеркнутая иерархия и снисходительность» [Расулова: 82].

Таким образом, концепт «семья» в сознании носителей этих языков выходит за рамки собственно семейных отношений и распространяется на административное социальное поле.

Личное имя у узбеков и каракалпаков в функциональном аспекте более значимо, чем другие составляющие **антропонимической модели (фамилия, отчество)**, в то же время обращение к старшим только по имени, без тех или иных сигналов антропонимов, практически невозможно как в СП семьи, так и в СП администрации.

Изучение терминов родства в Узбекистане представляет большой интерес в плане выявления как общих закономерностей, характерных для узбекского и каракалпакского языков, так и черт своеобразия, присущих каждому языку. Так, в каракалпакском языке бытует обращение женщины по отношению к мужчинам, старше и младше мужа: *кайнага* и *кайным*.

Этот же принцип исследования можно распространить на изучение сословных титулов, оставивших заметный след в лексике обоих языков, и других семантических рядов личных существительных.

Итак, основное средство индивидуализации в узбекском и каракалпакском языках — личное имя, которое, как правило, бывает единственным, если только в семье не употребляется второе имя как прозвище.

В узбекском языке по сути преобладает «семейный» тип отношений, обращение по имени и отчеству характерно в основном для подчеркнуто официального стиля общения, например: *Азиз Қосимович, Олимжон Комилович, Ирода Ахмедовна, Гульбахор Адыловна и др.*

Обращение только по отчеству является чрезвычайно редким (в русском языке, как известно, довольно распространены фамильно-иронические именованности *Петрович, Гавриловна* и под., а по отношению к пожилым людям в просторечии они могут стать практически единственной формой антропонимов).

В то же время не следует недооценивать роли отчества узбеков и каракалпаков в официальном общении. Вполне

возможна ситуация, когда именно они, а не русские, чаще употребляют формулу «имя+отчество», так как узбекский и каракалпакский языки являются чрезвычайно «этикетными» и более чутко, чем русский язык, реагируют на изменение стилистических регистров.

Таким образом, одним из актуальных направлений антропонимики было и остается исследование доли исконной и заимствованной лексики в наименованиях лиц.

Литература:

1. Бондаренко, Е. В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип общения.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. — Волгоград, 2010. — 22 с.
2. Жураева, И. А. Антропонимические формулы в английском, узбекском и русском языках и специфика их функционирования. — Ташкент: НУУз, 2012. — 80 с.
3. Никонов, В. А. Узбеки // Системы личных имен у народов мира. — М.: Наука, 1989. — С.312–315.
4. Расулова, М. И. О гендерном аспекте актов наименования // Хорижий филология. — № 3. — Тошкент, 2011. — с. 81–86.

Функции сравнения в романе Г. Гессе «Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером» (на материале лексико-семантических полей «Влияние» и «Фантазия»)

Захарова Евгения Михайловна, аспирант
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

На материале романа швейцарско-немецкого писателя XX века Германа Гессе «Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером» выявлены основные функции сравнения. Их реализация показана на примере лексико-семантических полей «Влияние» и «Фантазия».

Ключевые слова: сравнение, метафора, образ, прагматика, лексико-семантическое поле, читатель.

В лингвистических работах традиционно значительное место занимают исследования стилистических ресурсов языка, что обусловлено их высоким художественно-эстетическим и прагматическим потенциалом. Как показывает обзор научных работ, вышедших в свет в последнее время, выявлению и описанию стилистических средств, характеризующих идиостиль писателей, поэтов, уделяется пристальное внимание [2, с. 92–95; 5, с. 93–96; 6, с. 104–107; 7, с. 104–106; 8]. Среди стилистических ресурсов языка, создающих образность в художественных текстах, лидирующие позиции занимают метафоры и сравнения [9, с.68]. Используя их, писатель вольно или невольно отражает свое собственное мнение, видение мира, передает свое мироощущение читателю. Применение в художественном тексте таких фигур речи, как сравнение и метафора, вызывает определенные ассоциации у читателя, помогающие ему освоить идейно-художественное содержание произведения.

Использование стилистических средств повышает силу воздействия текстового полотна на читателя. При этом значительную роль в художественном тексте играет

Это составляет часть общей проблематики исследования роли заимствований как одного из важнейших последствий языковых контактов. Заимствование личных имен такой же объективный процесс, как и заимствование имен нарицательных.

Соотношение исконных и заимствованных имен явно отражает экстралингвистические факторы и является изменчивым во времени.

оценка, реализация которой часто происходит посредством сравнения. Н. М. Вахтель указывает на то, что прагматическую функцию выполняет объект сравнения [1, с.117]. Иначе говоря, сравнения способствуют экспрессивному выражению разнообразных гамм интенций коммуниканта [1, с.117].

В данной статье мы обратимся к произведению Г. Гессе «Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером» с целью изучения функций сравнения и его прагматического потенциала в составе лексико-семантических полей «Влияние» и «Фантазия». Рассматриваемый нами философский роман полон мистики и сюрреализма. Роман повествует читателю историю социализации юноши Эмиля Синклера, который в течение всей своей жизни старается уйти от лицемерных норм общественной жизни и морали, открывая в себе глубинное человеческое «Я», стремящееся обрести свободу и не желающее поддаваться фарисейству. На систему переоценки жизненных реалий его подталкивает таинственный друг — Макс Демьян, личность которого крайне загадочна.

Выбор рассматриваемых нами лексико-семантических полей обусловлен релевантностью понятий «влияние» и «фантазия» для романа «Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером».

В самом начале романа читатель может легко заметить интерес старшеклассника Эмиля Синклера к личности своего одноклассника Макса Демиана. Эмиль заворожено прислушивается к оригинальным и глубоким суждениям Демиана о жизни, начинает следовать его советам. Эмиль словно пленен, околдован и заворожен стилем речи и манерой поведения своего одноклассника: «*Wie im Traum unterlag ich seiner Stimme, seinem Einfluß*» [10, с. 25]. — «*Как во сне, покорился я его голосу, его влиянию*» [4, с. 48]. Данное сравнение подчеркивает состояние покорности Эмиля Синклера, состояние его спокойствия, пониженной реакции на внешние события.

Следует отметить высокую степень интерференции и авторитарности Макса Демиана. Он, подобно подлинному кумиру, продолжал удивлять своего друга Синклера: «*Während der Stunde dann, wenn ich oft kaum nicht daran dachte, drehte Max plötzlich mit auffällender Gebärde mir seinen Daumen zu, ich schaute schnell nach dem bezeichneten Schüler aus und sah ihn jedesmal, wie am Draht gezogen, die verlangte Gebärde machen*» [10, с.35]; — «*Затем, во время урока, когда я часто уже забывал об этом, Макс вдруг заметным движением поворачивал ко мне большой палец, я быстро бросал взгляд на указанного ученика и каждый раз видел, что тот, словно его потянули за проволочку, совершал задуманное движение*» [4, с. 65]. Сравнение «*wie am Draht gezogen*» вызывает в памяти читателя образ марионетки, управляемой другим человеком посредством внушения. Здесь имеет место манипуляция сознанием другого человека. Приведенный пример показывает суггестивные способности Макса Демиана. Через использованное сравнение реализуется убеждающая функция. Рассматриваемое сравнение, в основе которого лежит образ марионетки, применяется в романе и в другом пассаже: «*Ich folgte ihm eine Straße lang, er trieb wie an unsichtbarem Draht gezogen dahin, mit fanatischem und doch aufgelöstem Gang, wie ein Gespenst*» [10, с. 75]; — «*Я прошел вслед за ним одну улицу, он двигался так, будто его тянули за невидимую проволоку, испуганно и в то же время ослабленно, словно призрак*» [4, с. 135]. Позже, уехав учиться в другой город, Синклер уже в своем новом окружении постоянно искал человека, похожего на Демиана. Сравнение описывает поведение музыканта Писториуса (прототипом этого персонажа является ученик К. Г. Юнга, врач-психиатр И. Б. Ланг, у которого Г. Гессе лечился в 1916–1917 годах) [3, с. 356], его созвучность словам, советам и поведению Демиана. В приведенном примере имеет место двойное сравнение (ср.: *wie ein Gespenst*), сигнализирующее читателю о связи ирреального и реалистического. Двойное сравнение усиливает эстетический эффект на читателя, в том числе, и за счет особенно-

стей структуры этой фигуры речи. В данном случае имеет место реализация художественно-эстетической функции сравнения.

Отношение Эмиля Синклера к Демиану амбивалентное. Оно нередко дрейфует от чувства тоски по другу к ненависти к нему. Данное утверждение подкрепляет следующий пример: «*Nach Max Demian hatte ich oft große Sehnsucht; aber nicht selten haßte ich auch ihn und gab ihm schuld an der Verarmung meines Lebens, die ich wie eine häßliche Krankheit auf mich nahm*» [10, с. 45]; — «*О Максе Демиане я часто сильно тосковал; но нередко я и ненавидел его, вина его за оскудение моей жизни, которую воспринимал как свалившуюся на меня гнусную болезнь*» [4, с. 82]. Эмиль Синклер осознает влияние Макса Демиана. Он отождествляет Демиана с нарушителем нормальной человеческой жизнедеятельности. Синклер тщетно старается справиться с психологической зависимостью от Демиана, ищет при этом уединение в пансионате: «*Ich setzte den Hut auf, ging durch Haus und Gasse, wie unter einem Zwang, lief und lief durch Straßen und über Plätze wie von einem Sturm geweht, lauschte vor der finstern Kirche meines Freundes, suchte und suchte in dunklem Trieb, ohne zu wissen was*» [10, с.79]; — «*Я надел шляпу, прошел через дом и улицу, как по чьему-то велению, я бежал по улицам и площадям, словно меня нес вихрь, я прислушивался перед темной церковью моего друга, я искал и искал чего-то в темном порыве, чего — и сам не знал*» [4, с. 141]. Слова *Zwang, Sturm*, входящие в состав сравнений, показывают психологическое состояние протагониста. Образное сравнение «*wie von einem Sturm geweht*» реализует две функции — художественно-эстетическую и прагматическую. Приведенные выше примеры со всей очевидностью показывают релевантность концепта «влияние» для персонажей произведения.

Важно отметить, что протагонисты романа — натуры, склонные к яркому самовыражению, обладающие богатой фантазией и воображением. Не случайно в романе значительное место занимает лексико-семантическое поле «Фантазия». Одной из главных причин возникновения фантазии у человека являются, как известно, определенные идеи, представляющие для него максимальную психологическую ценность, идеи, занимающие важное место в системе ценностей индивида. Основной механизм фантазии — найти продолжение реального в иррациональном. При этом, как показывает материал романа, продукты человеческого воображения — фантазии — находят речевое воплощение посредством применения сравнения. Рассмотрим ряд соответствующих примеров.

«*In meinen Träumen lebte er wie mein Schatten mit, und was er mir nicht in der Wirklichkeit antat, das ließ meine Phantasie ihn in diesen Träumen tun, in denen ich ganz und gar sein Sklave wurde*» [10, с. 21]; — «*В моих снах он не покидал меня, как тень, и то, чего он не делал мне в действительности, мое воображение заставляло его проделывать в этих снах, в которых*

я становился полностью его рабом» [4, с. 40]. Тот стресс, который пришлось пережить Эмилю Синклеру в детстве при встрече с шантажистом Францем Кромером, оставил свой неизгладимый отпечаток в его подсознании. Напряжение от этого общения у Синклера продолжало оставаться и в состоянии полного отсутствия реальных угроз. Сравнение «*wie mein Schatten*» характеризует его панический страх, высокую степень мании преследования.

«*Wie ich das Blatt länger betrachtete, schien es mir mehr und mehr, als sei es das farbige Wappen, wie es in meinem Traum vorgekommen war*» [10, с. 58]; — «По мере того как я глядел на этот лист, мне все больше и больше казалось, что передо мной такой же цветной герб, как в моем сне» [4, с. 106]. «*Er stak mit halbem Leibe in einer dunkeln Weltkugel, aus der er sich wie aus einem riesigen Ei heraufarbeitete, auf einem blauen Himmelsgrunde*» [10, с. 58]; — «Туловище ее наполовину торчало в темном земном шаре, из которого она вылезала, как из гигантского яйца, на фоне синего неба» [4, с.106]. Эмиль Синклер старался отразить на холсте бумаги то видение, которое явилось ему во сне. Особенно высокой прагматической нагрузкой, как можно заметить, обладает здесь образное сравнение «*wie aus einem riesigen Ei*».

«*Eine Zeitlang hatte ich Träume, die wie Nachbildungen unsrer Tagesgespräche waren*» [10, с. 98]; — «Одно время я видел сны, как бы воспроизводившие наши дневные разговоры» [4, с. 174]. Эмиль Синклер видел в своем кумире мать Макса Демиана — госпожу Еву. С помощью сравнения автор олицетворяет форму ожидания общения и любви через череду образов. В данном

сравнении актуализируется его эстетико-художественная функция.

Посредством сравнения находит выражение проявление фантазии Эмиля в состоянии его активного взаимодействия с внешним миром: «*Und nun beging ich mit hohen Gefühlen das Fest meiner Wiederaufnahme, die Heimkehr des verlorenen Sohnes. <...> Alles war herrlich, alles war wie in den Erzählungen, alles löste sich in wunderbare Harmonie auf*» [10, с. 29]; — «И тогда я в душевном подъеме справил праздник своего возрождения, возвращения блудного сына. <...> Все было великолепно, все было как в сказках, все растворилось в чудесной гармонии» [4, с. 54]. Счастливым, освободившейся благодаря помощи Демиана от преследований шантажиста Кромера, Синклер рад исповедаться перед родителями. Сравнение в приведенном примере «*wie in den Erzählungen*» описывает обретение им мира, доверия и волшебное освобождение из плена.

Подведем итоги.

Во-первых, сравнение часто употребляется в романе Г. Гессе «Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером», что обусловлено высоким художественно-эстетическим и прагматическим потенциалом данной фигуры речи. Во-вторых, высокочастотное использование сравнения можно считать характерной чертой идиостиля немецко-швейцарского писателя. В-третьих, такие феномены, как «влияние» и «фантазия», занимают значительное место в коммуникативном пространстве романа Г. Гессе. В-четвертых, основными функциями, реализуемыми посредством применения сравнения, являются убеждающая, художественно-эстетическая и прагматическая.

Литература:

1. Вахтель, Н. М. Коммуникативная роль сравнений в русском общении // Коммуникативные исследования 2006. — Воронеж, «Истоки», 2006. — С.116–120.
2. Выстропова, О. С. Гипербола и сравнение как способы репрезентации индивидуально-авторского концепта «любовь» в творчестве Р. Бёрнса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». № 1 (76). 2013. — с. 92–95.
3. Гучинская, Н. О. Примечания // Гессе Г. Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером. — Санкт-Петербург, «Азбука-классика», 2002. — с. 355–356.
4. Гессе, Г. Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером. Перевод С. К. Апта. — Санкт-Петербург, «Азбука-классика», 2002. — с. 7–196.
5. Красавский, Н. А. Ассоциативно-образные признаки концепта «гнев» в повести Стефана Цвейга «Жгучая тайна» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (27), Часть 2., 2013. — с. 93–96.
6. Красавский, Н. А., Захарова, Е. М. Персонификация как средство описания и экспликации концептов «мудрость», «любовь», «радость», «душа» в романе Германа Гессе «Сиддхартха. Индийская поэма» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4 (34), Часть 3., 2014. — с. 104–108.
7. Макарова, О. С. Метафорическая реализация индивидуального базисного концепта «Wahrheit» в философии Ф. Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4 (22). 2013. — с. 104–106.
8. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: уч. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 256 с.
9. Яхина, Д. И. Индивидуально-авторские образные средства как реализация одной из составляющих коммуникативной компетенции в разговорной речи // Проблемы речевой коммуникации: сб. науч. тр. — Саратов, издательство Саратовского университета, 2011. — с. 67–74.
10. Hesse, H. Demian. Die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend. PDF-Version, 2015. — 110 S.

La Comparaison des Connecteurs en Russe et en Français

Илиджева Наталья Валбеговна, студент
Московский государственный лингвистический университет

Ce travail est dédié aux questions qui se rapportent au domaine de la sémantique de l'énoncé et de l'analyse du discours. Il est question de la description, fondamentalement dans les aspects sémantique et pragmatique, des particularités des unités linguistiques (connecteurs), qui expriment n'importe quel type du rapport entre les énoncés. Dans la recherche, il y a une analyse comparative des connecteurs de la langue russe et du français.

Mots clés: *Adverbe, coordination, coordonnant, conjonction, connecteur, discours, mot de liaison, subordination.*

L'étude de la coordination, qui est connue par tous les linguistes, à première vue, semble être d'une banalité excessive et déroutante, tant on est habitué à la célèbre formule «Mais où est donc Ornicar?». Les approches de la coordination sont multiples et constamment renouvelées: logique, morphologique, syntaxique, énonciative, typologique et les autres [17; p. 406].

Avant de parler des des coordonnants, ou des connecteurs, il faut répondre à la question «Que peut-on comprendre par la notion «Connecteur»?».

L'utilisation du terme «connecteur» dans la linguistique moderne remonte à une des versions de la théorie des types sémantiques, ou des catégories sémantiques qui a été élaborée aux années trente par les logiques de l'École de Varsovie. Dans leurs recherches, ils se basaient sur les principes de dégagement des catégories proposés par Aristote et développés par les scientifiques de Moyen Âge. Il est connu qu'Aristote a divisé les expressions selon leur capacité de composer des actes du discours indépendantes et a distingué deux catégories sémantiques. La première inclut les expressions qui ont les significations indépendantes. Elle a pris le nom des «catégorèmes», ou les «unités catégorématiques», qui selon Aristote comprennent le nom ayant pour fonction de détermination des objets, et la proposition (ou la phrase) ayant pour fonction de détermination de la position des objets qu'on peut juger du point de vue d'authenticité et de mensonge. La deuxième catégorie inclut les unités linguistiques, qui n'ont pas les significations indépendantes et ne s'emploient qu'avec les mots indépendantes. Elle s'appelle «syn-catégorèmes».

En se basant sur cette différence fondamentale dans les significations de catégories, les logiciens de l'école de Varsovie ont créé les classifications des types de signification qui est transmis par les unités de la langue: «les catégories de base» (nom et phrase) et «les opérateurs». Étant les unités au sens «pas complet», les derniers doivent combiner avec les autres unités qui complètent leurs lacunes sémantiques. Alors, ils jouent le rôle de fonctions qui transforment les catégories initiales de base dans les catégories dérivées de base, d'où vient leur nom «opérateur» («функтор» en russe). Dans ce système, les connecteurs composent un des sous-classes des opérateurs, justement les opérateurs polyvalents qui transforment deux phrases dans l'unité du même type et, par conséquent, sont les connecteurs, par exemple, la conjon-

tion «parce que» est le connecteur, comme elle influe les deux unités de type de phrase. Cet emploi du terme «connecteur», emprunté aux logiciens par les représentants de la linguistique structurale, justement américaine dans le «Dictionnaire linguistique» de J. Dubois: «En linguistique distributionnelle, le connecteur est un opérateur susceptible de faire de deux phrases de base une phrase transformée» [7].

S'appuyant sur le sens initial du terme, la linguistique contemporaine considère comme les connecteurs les unités linguistiques qui établissent les rapports entre les unités de «type de phrase». Cependant, cette détermination était enfin élargie. Premièrement, on a commencé à considérer les connecteurs les expressions qui (comme «somme toute», «après tout») exigent, en qualité de premier composant du rapport, l'état des choses, qui peut mais ne doit pas être exprimé par les moyens linguistiques. Deuxièmement, on a commencé à considérer comme les connecteurs les expressions dont la fonction dans l'énoncé est limitée seulement par l'expression de l'appréciation subjective de l'état des choses décrit par le sujet parlant.

Le terme «connecteur» est opposé au terme «opérateur»: «opérateur» (par exemple, «ne... que», «presque», «même») agit au niveau d'un seul énoncé ou d'une seule phrase simple, réalisée par l'énoncé donné. La fonction de l'opérateur est qu'il change les sens de l'énoncé donné et son rôle dans la structure du raisonnement.

À la différence de l'opérateur, le connecteur ne change pas le sens des énoncés liés par lui. Sa fonction est un établissement des rapports déterminés entre les deux ou plusieurs énoncés, en donnant au chacun son propre rôle dans la réalisation du but communicatif du sujet parlant (par exemple, «donc», «mais» et «puisque»). De la même façon que dans le cas avec les opérateurs, le rapport entre les énoncés liés peut être marqué, et c'est le connecteur qui porte unicité dans l'interprétation de ce rapport.

Dans la classe des connecteurs on distingue traditionnellement quelques types fondamentaux selon telle fonction sémantique qu'ils accomplissent dans l'énoncé.

Selon O. Ignkova-Manzotti, le connecteur est une unité linguistique dont la fonction est à exprimer les différents types des rapports qui existent entre les deux composants liés à son aide, ayant le caractère prédicatif et exprimés implicitement et explicitement. Elle explique son choix de cette détermination par séries de raisons:

— la notion généralisée «unité linguistique» laisse ne donner aucune limites préliminaires envers le statut lexi-co-grammatical des unités qui se rapportent à la classe de connecteurs;

— la remarque de «deux composants liés» permet exclusion de la quantité des connecteurs les expressions de la façon de «je dois dire que»..., c'est-à-dire, les unités linguistiques dont l'utilisation n'exige pas la présence du premier «terme de rapport» auquel on «joint» l'énoncé;

— «exprimés implicitement et explicitement», ça veut dire que, premièrement, tous les deux parties liées ne sont pas toujours exprimées explicitement, parfois il faut les restituer du contexte ou de la situation extralinguistique mais il y a toujours la possibilité de leur rétablissement, de l'explicitation; deuxièmement, cette condition ne laisse pas considérer comme les connecteurs tels unités qui ne font pas la liaison avec l'énoncé initial à titre de leur signification.

Selon Christine Meunier [11] le russe comme le français connaît la possibilité de créer des zeugmes sémantiques et syntaxiques; la coordination des prédicats pose le même problème qu'en français: s'il y a la coordination de deux termes d'un énoncé ou celle de deux propositions dont la deuxième serait elliptique.

Les listes de coordonnants proposés par la grammaire traditionnelle varient de ceux d'autres ouvrages:

— En russe, il y a beaucoup de doublets qui posent beaucoup de problème: и et да, тоже / также, или / либо, не то / то ли, а / но, зато / однако, значит / следовательно / стало быть / следственно.

— Dans certaines langues naturelles, il existe un lien entre les trois connecteurs forts comme «et», «où» et «si». En russe, pour le «si» de condition il y a «и», «либо», «если», et pour la particule interrogative indirecte il existe «ли».

— Malheureusement, en russe, la liste des coordonnants n'est guère fixée.

Peškovskij parle d'adverbes et de mots incisives qui ont acquis une nuance, nommée conjonctive. Ils jouent un rôle d'auxiliaire de conjonction dont une conjonction est accompagnée. Dans la langue russe contemporaine, le phénomène d'expansion des connecteurs est souligné sur le compte des autres parties du discours; La Grammaire russe de l'Académie appelle ces termes «analogues de conjonctions» («аналогии союзов»). Pour le français, ce phénomène est constaté par D. Creissels.

Dans la plupart des ouvrages russes ou consacrés au russe, on peut retrouver les distinctions proposées dans les trois grammaire évoquées par André Rousseau.

Il y a trois types de coordonnants selon Rozental:

— copulatifs (соединительные: да, и, ни... ни, etc.);
— disjonctifs (разделительные: или, либо, то... то, etc.);
— adversatifs (противительные: а, зато, но, однако, etc.);

— 6 classes selon Šanskij:

— copulatifs (соединительные: и, да, и... и, ни... ни, также, тоже);

— adversatifs (противительные: но, а, да, зато, же, всё же, однако);

— disjonctifs (разделительные: либо, или, либо... либо, или... или, то... то, не то... не то, то ли... то ли);

— comparatifs (сопоставительные: как... так и, не только... но и);

— adjonctifs (присоединительные: и, да и, да и то);

— explicatifs (пояснительные: то-есть, как-то, или, а именно).

Il manque toujours les consécutifs, si la classification s'est affinée. Comment on peut l'expliquer? Le fait est que les coordonnants consécutifs ne sont pas des conjonctions primaires, mais des formes verbales figées ou des adverbes qui ont passé de leurs parties du discours originelles vers celle des connecteurs.

La Grammaire de l'Académie de 1960 propose quatre classes de coordonnants:

— conjonctions copulatives;

— adversatives;

— disjonctives;

— explicatives.

Celle de 1980 distingue d'abord les séries ouvertes et les séries fermées et à l'intérieure de ces deux grandes catégories, elle multiplie les classes et les nuances, ce qui donne un ensemble très confus.

Alors, on peut faire une liste de coordonnants minimale, mais fondamentale, en croisant les listes relevées. On obtient aussi dans une classification sémantique:

— les conjonctions copulatives и et да;

— les conjonctions disjonctives или (réitéré ou non) et les conjonctions réitérées не то et то ли;

— les conjonctions adversatives а et но.

Les connecteurs susceptibles d'exprimer, d'un côté, l'implication, de l'autre côté, la non-implication, ne font pas l'unanimité dans les ouvrages retenus. Il en ressort que les quatre sous-systèmes proposés par A. Rousseau [17], fondés sur une base sémantico-logique, ne semblent pas tous également pertinents pour le russe.

Ces sous-systèmes:

— «Conjonction — disjonction» (fonctionne pour le russe comme pour le français: ex., ni... ni — ни-ни;

— Regroupe «donc» et «car», fonctionne en russe avec des connecteurs dont le statut reste à préciser: les donc sont parfois les différentes parties du discours (verbes ou adverbes); les linguistes hésitent sur le statut du «ибо» qui est traditionnellement donné comme traduction de «car», qui sert à introduire une justification dans tous les cas. De plus, en russe, on relève d'un niveau stylistique élevé et n'a guère utilisé dans la langue courante.

— En encluant «pourtant» et «or», il pose ainsi des problèmes, dans la mesure où «pourtant» est traduit dans les dictionnaires en premier lieu par «однако», mais il est plus usuel d'utiliser l'adversatif «но». Ožegov propose le connecteur «но однако». En ce qui concerne «or», on peut le traduire de manière approximative par le subordonnant тогда как (alors que) ou par l'adversatif «а».

— Il oppose «mais» à «mais au contraire» voit aussi deux connecteurs en russe: «а» et «но», qu'on peut aussi voir dans les autres sous-systèmes.

La liste des connecteurs en français est plus ou moins fixe. Il sont plus nombreux qu'en russe et expriment les valeurs différentes: valeur additive, consécutive, concessive, causale, etc. On distingue quatre types des connecteurs:

— conjonction de coordination (mais, ou, est, donc, or, ni, car);

— adverbes (d'abord, enfin, pourtant, au contraire, etc.);

— conjonction de subordination (parce que, bien que, à condition que, etc.);

— verbes, noms et adjectifs (il en découle que, cela revient à, à ceci s'oppose, cela a pour effet, la cause en est, etc.).

1) Les connecteurs de la progression ou de l'énumération, on emploie les termes suivantes: premièrement, deuxièmement, etc.; en premier lieu, en second lieu, en dernier lieu; premier (point), deuxième, troisième, etc.; d'abord, ensuite, puis, après, de plus, d'ailleurs, par ailleurs, en outre, d'une part, d'autre part, enfin; commencer, ajouter, terminer, finir.

D'adjonction: aussi, également, de même.

D'introduction d'un exemple ou d'une explication: par exemple, en effet, ainsi, notamment, en particulier, c'est-à-dire, à savoir, soit.

De mise en relief: surtout, avant tout, tout particulièrement, a fortiori.

D'exclusion: sans, sauf, hormis, excepté, à part.

2) Les connecteurs de cause:

parce que, puisque, comme, du moment que, dès lors que, étant donné que, du fait que;

à cause de, gr ce à, faute de, à force de, de, par, pour;

cause, raison, motif, facteur, etc.;

découler, provenir, dériver, procéder, etc.

3) La conséquence:

ainsi, donc, par conséquent, en conséquence, aussi, c, est pourquoi, par suite, dès lors, d'où, de ce fait, du coup;

de sorte que, de façon que, de manière que, si bien que, si (tant, tellement) ... que + indicative;

conséquence, effet, résultat, impact, incidence, etc.;

provoquer, causer, produire, susciter, entraîner, etc.

4) Les connecteurs de concession sont:

mais, or, pourtant, cependant, néanmoins, toutefois, tout de même, quand même, toujours est-il, cela n'empêche, il n'en reste pas moins;

certes, mais, i lest vrai que..., pourtant;

malgré, en dépit de, au mépris de;

bien que, quoique + subjonctif;

avoir beau.

5) Les connecteurs de but:

pour que, afin que, de peur (crainte) que + subjonctif;

de sorte que, de façon que, de manière que + subjonctif;

pour, afin de, histoire de + infinitive;

en vue de, de peur (crainte) de + infinitive ou nom;

à cet effet, à cet fin;

but, dessein, fin, objet, objectif, propos, intention, visée;

les de volonté, demander, exiger, chercher, tenter, etc.

Selon les recherches précédentes, on peut citer que dans les deux langues, existent les différents points de vue, beaucoup d'approches linguistiques sur leur classification. Dans les deux langues, on peut considérer comme les connecteurs les conjonctions de coordination et subordination, les adverbes et locutions adverbiales, les adjectifs, les groupes propositionnels, etc. Tous les deux langues ont les connecteurs d'opposition, de concession, d'explications et de justification, de conclusion, de reformulation, etc. et jouent un rôle de cohérence et de cohésion dans le texte. Les deux langues ont les connecteurs empruntés à latin: vice versa, a priori (априори), a posteriori (апостериори), de jure / de facto (де юре / де факто), qui appartiennent au discours scientifique ou officiel.

Evidemment, il y a aussi beaucoup de différences entre les connecteurs en russe et en français. Ce sont les différences dans leur quantité, dans leur classification, dans leur valeur et rôle dans les langues.

En ce qui concerne le nombre des connecteurs, il faut dire que le français est en plus riche que le russe et les français les emploient plus souvent soit dans le discours écrit, soit dans la vie quotidienne.

Par exemple, deux connecteurs russes «наоборот», «напротив» ont au minimum six équivalents: au contraire, par contre, à l'opposé, inversement, à l'inverse, contrairement à, vice versa.

Parmi les connecteurs russes, les conjonctions sont plus nombrables que les autres parties du discours. C'est pourquoi, on considère souvent comme les connecteurs seulement les conjonctions de coordination et subordination. Même en français, les autres parties de discours servent plus souvent de connecteurs.

L'autre raison est que le russe est une langue synthétique, donc pour lier les mots dans la phrase il existe les flexions. De plus, pour exprimer telle ou autre idée on peut changer l'ordre des mots, utiliser l'inversion. Quant au français, c'est la langue analytique et l'ordre des mots est plus strict, alors on emploie plus des mot-outils, plus des mots de liaison.

Du point de vue de classification, en russe la liste des connecteurs n'est guère fixée, tandis qu'en français, où il y a aussi beaucoup d'approches sur les connecteurs, cette liste est plus ou moins fixée. On peut expliquer ça par le fait qu'il y a plus de connecteurs en français qu'en russe, c'est pourquoi les connecteurs français sont étudiés par un grand nombre de linguistes.

Malheureusement, il n'y a pas de liens précis entre les connecteurs en russe et en français. Parfois un seul connecteur d'une langue correspond aux plusieurs coordonnants de l'autre, et inversement, ou les sphères de leur utilisation sont différentes. Ça pose beaucoup de problèmes aux traducteurs et même aux professeurs qui ont à expliquer ces différences à leurs étudiants. Par exemple, en russe, il y a beaucoup de doublets qui peuvent être traduits différemment: и et да, тоже / также, или / либо, не то / то ли, а / но, зато / однако, значит / следовательно / стало быть / следственно; pour le «si» de condition il y a «и», «либо»,

«если», et pour la particule interrogative indirecte il existe «ли», la conjonction «ибо» est traditionnellement donné comme traduction de «car», qui sert à introduire une justification dans tous les cas, mais en russe ce connecteur relève d'un niveau stylistique élevé et n'a guère utilisé dans la langue courante.

Il y a les phrases qui peuvent être traduites différemment: Son père était médecin, et mère était enseignante. — Его отец был врачом, а мать — преподавателем. / Его отец был врачом, мать же преподавателем.

Dans l'utilisation des connecteurs, la ponctuation joue le rôle différent dans les deux langues. En russe, elle est employée plus souvent: les connecteurs sont distingués par les virgules et tiret, tandis qu'en français on les trouve moins fréquents:

Je voudrais célébrer le Nouvel An avec ma famille, par exemple _ chez mes grands-parents. — Я хотела бы отметить Новый Год с моей семьёй, например, у моих дедушки и бабушки.

Dans les constructions elliptiques, en russe on utilise tiret, tandis qu'en français il y a les articles qui peuvent accomplir cette fonction:

С одной стороны, я хотела бы поехать дома, но с другой стороны, пойти в ресторан / но с другой — пойти в ресторан. — D'un côté je voudrais manger chez moi, d'un autre côté / de l'autre aller au restaurant.

Alors, les différences entre les connecteurs en russe et en français existent dans les sphères très variées, ce qui explique l'importance de les étudier des connecteurs.

Mais à quoi cela sert, cette analyse comparative? L'étude des connecteurs soit en russe, soit en français a l'importance pratique du point de vue de l'utilisation des résultats de l'étude en pratique de l'enseignement de la langue française et de la traduction du français en russe et vice versa.

L'analyse comparative des connecteurs français et russes peut avoir les résultats et l'utilisation pratique, comme:

- la description des connecteurs du point de vue didactique, théorétiques et pratiques;
- la création de l'appareil terminologique nécessaire pour la meilleure compréhension de l'organisation logique du texte;
- la découverte de la différence et des traits pareils dans l'utilisation des moyens linguistiques de toutes les deux langues comparées;
- la description de la syntaxe, la sémantique et la pragmatique des classes des connecteurs qui ne sont pas étudiées toutes entières;
- l'apprentissage des particularités spécifiques des connecteurs dans chaque langue;
- la découverte des régularités et des faits communs propre aux langues différentes et des possibilités de leur réalisation dans les langues concrètes.

En ce qui concerne l'enseignement, on peut se baser sur cette recherche pour former les habitudes grammaticales (l'utilisation des connecteurs dans les propositions, l'emploi des temps avec les connecteurs), lexicales (les sens et les signi-

fications des connecteurs) et même les phonétiques (la prononciation des connecteurs) et aussi les savoir-faire d'audition, de la lecture et de l'écriture.

Premièrement, on peut représenter le cours comme une conférence de grammaire théorique. C'est sûr qu'il est assez au moins que trois séances. Dans ce cas, il faut suivre le plan:

- la connaissance avec de diverses conceptions et les courants linguistiques de l'étude des connecteurs;
- la littérature, les ouvrages et les articles les plus connus sur l'objet d'étude;
- des opinions différentes des linguistes-représentants, des approches scientifiques;
- le choix de l'approche la plus populaire et répandue, les exemples comme les preuves de ce choix;
- les conclusions;
- les exercices qui aident à comprendre les résultats des séances: le niveau de la compréhension du matériel par les étudiants.

En ce qui concerne la grammaire pratique, il faut suivre l'autre plan parce qu'il est suffisant d'apprendre la classification de l'approche linguistique la plus répandue et populaire parmi les savants et professeurs. Alors:

- la connaissance avec la classification des connecteurs;
- l'étude détaillée d'un seul type des connecteurs pendant un cours;
- les exercices pratiques pendant un cours;
- les questions des étudiants;
- la révision du matériel pour une meilleure compréhension par les étudiants;
- passage à un autre type de connecteurs;
- enfin: la révision de tous les types des connecteurs, la préparation pour le travail de contrôle.

Pour une meilleure compréhension du matériel par les étudiants on peut utiliser différents moyens d'apprentissage:

- simple explication du matériel, écriture des exemples, des schémas, des règles sur le tableau;
- lecture des textes avec des connecteurs, le devoir à trouver les connecteurs dans le texte;
- audio-grammaire: le devoir à écouter attentivement les textes ou les exemples, à trouver et à inscrire les connecteurs, à transformer les propositions selon les exemples;
- à la maison: le devoir de lecture de la théorie dans le manuel, à faire les exercices oralement et par écrit (les exercices peuvent être de types différents);
- enfin: le travail de contrôle sur les connecteurs.

Cette analyse comparative répond à une réelle nécessité parce qu'elle a l'effet inhérent au travail de traduction qui pousse le traducteur à expliciter des connexions restées implicites dans le texte source. Dans ce cas, l'utilisation des connecteurs n'est pas seulement due au caprice du traducteur, mais répond dans bien des cas à une réelle nécessité. Plus généralement et dans une optique un peu différente, les textes source français peuvent sembler privilégier une structure discursive de type parataxique qu'il peut être difficile de maintenir dans la traduction russe. Cette tendance ne relève pas simplement d'un choix stylistique et rhéto-

rique, mais qu'elle est inscrite dans le système même de la langue. Si on traduit des textes en en produisant fidèlement la structuration discursive, la traduction globalement n'est pas bonne, parce qu'elle se lit mal. C'est-à-dire, le texte source y perd sa cohérence, même si, du point de vue syntaxique, grammatical, lexical, la traduction est parfaitement correcte.

Alors, pour maîtriser la langue il faut apprendre bien les mots de liaison (les connecteurs), parce qu'ils font le discours plus riche, expressif. Les savoir-faire de bien utilisation des connecteurs montrent le niveau haut des connaissances de la langue étrangère. C'est pourquoi le rôle des connecteurs, de leur apprentissage, de leur comparaison avec les autres langues est évident.

Bibliographie:

1. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. — Москва: Информэлектро, 2001. — 432 с.
2. Blakemore D. Semantic constraints on Relevance. — Oxford: Basil Blakemore, 1987.
3. Celle A., Gresset S., Huart R. Les connecteurs, jalons du discours. — Berne: Éditions scientifiques Internationales, 2007. — 205 p.
4. Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. — Seuil: Éditions du Seuil, février 2002. — 728 p.
5. Cornulier B. Effet de sens. — Paris: Minuit, 1985.
6. Culioli A. «Donc». In Pour une linguistique de l'énonciation. — Paris: Orphys, 1990. — 169–176 p.
7. Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Mancelli C., Marcellesi J. B., Mével P. Dictionnaire linguistique. — Paris: Librairie Larousse, 1973.
8. Ducrot O. Les mots du discours. — Paris: Les Éditions de Minuit, 1980.
9. Harris Z. S. Papers in Structural and Transformational Linguistics. — Dordrecht: Reidel. — 1970.
10. Meunier C., Liaison non conjonctive des propositions. — Lille: Université de Lille 3, 1983.
11. Meunier C., Propositions et compléments de cause en russe moderne, thèse du doctorat. — Paris: Université Paris-IV Sorbonne, inédite, 1993.
12. Mœschler J., Reboul A., Luscher J. — M., Jayez J. Langage et pertinence: référence temporelle, anaphore, connecteurs et métaphore. — Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 1994. — 301 p.
13. Reboul A., Mœschler J. Pragmatique du discours. — Paris: Armand Colin, 1998.
14. Rieber S. Conventional implicatures as tacit performatives. — Linguistics and Philosophy, 1997. — 51–72 p.
15. Rossari C., Beaulieu-Masson A., Cojocariu C., Razgouliaeva A. Autour des connecteurs: réflexions sur l'énonciation et la portée. — Berne: Éditions scientifiques européennes, 2004. — 261 p.
16. Rossari C. Connecteurs et relations de discours: des liens entre cognition et signification. — Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 2000. — 165 p.
17. Rousseau A., Begioni L., Quayl N., Roulland D. La coordination. — Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2007. — 406 p.
18. Sperber D., Wilson D. La pertinence. — Paris: Minuit, 1989.
19. Tourantier C., Merle J. — M. La connexion et les connecteurs. La phrase existentielle. — Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2006. — 223 p.

Взаимодействие и взаимоявление языка и культуры в процессе перевода

Инамова Дильфуза Эргашовна, старший преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Взаимодействие и взаимоявление языка и культуры являются сферой интенсивных исследований, в результате которых наряду с целым рядом новых дисциплин и понятий, возникло и понятие лингвоэтнического барьера, которое представляется как расхождение в языковом плане, так и в плане разности культур.

Интеркультурный подход позволяет и заставляет по новому взглянуть на перевод и переводческую деятель-

ность. Общеизвестно, что особенности культуры, социальной жизни народа и отражаются в его языке и в совокупности фоновых знаний носителя языка. Поэтому перевод не простое сопоставление двух различных языковых систем, но и соприкосновение двух разных культур.

А. Д. Швейцер подчеркивал, что «перевод это не только взаимодействие культур... Процесс перевода «пересекает» не только границы языков но и границы культур»

Переводчик же как посредник не только между языками, но и между культурами, является не только двух языков, но и двух культур. Поэтому знание реалий и культур стран иностранного языка и переводимого языка (так называемые фоновое знание) является необходимым и крайне важным для переводчика для успешного осуществления им процесса перевода.

Как известно, язык определенной нации развивается в рамках уникальной культуры и не может рассматриваться в отрыве от неё. Национально-культурные особенности каждого народа индивидуальны, они находят выражение в языке и бывают даже при близком переводе не всегда понятны носителям другого языка иной культуры.

Культура возникает и действует в конкретной нише и состоит из локальных и общих компонентов. Очевидно, что как раз за счет локальных компонентов и формируется национально специфические различия в языковой картине мира, ведущих к межкультурному непониманию. Большинство специалистов отмечают решающее значение фоновых знаний для решения проблемы культурной непереводимости. А. В. Федоров дает следующее определение фоновых знаний: «фоновые знания — социо-культурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности освоенные массой их представителей им отраженные в языке данной национальной общности»

Таким образом, эффективное межъязыковое и межкультурное посредничество не осуществимо без запаса новых знаний. Проблема культурной непереводимости в итоге сводится к проблеме восполнения переводчиков определенных знаний, общеизвестных в культуре иностранного языка, но отсутствующий у тех, кто читает текст на переводимом языке. Такие пробелы в знаниях реципиентов называются лакунами.

В данной статье рассматриваются реалии узбекского языка и представляются некоторые способы элиминирования вызванных ими лакун, представляющих определенные трудности в процессе перевода с узбекского на другие языки, например, языки европейской культуры.

Условно можно разделить реалии узбекского языка на следующие группы:

- I. Географические и этнографические реалии;
- II. Фольклорные и мифологические понятия;
- III. Бытовые реалии: жилье, утварь, посуда; одежда и детали одежды; ювелирные украшения; продукты пи-

тания, напитки, национальные блюда; музыкальные инструменты, песни, танцы, игры; меры длины, веса; флора и фауна; праздники, торжества, ритуальные обычаи; родственные узы; скотоводство.

IV. Общественные и исторические реалии: административные и исторические единицы, населенные пункты; лица, должностные наименования, профессии, звания, титулы, обращения, члены партий, группировок; учреждения, организации, органы управления.

А. В. Федоров описывает следующие способы передачи инокультурных реалий.

1. Транслитерация / транскрипция.
2. Создание нового слова, сложного слова или словосочетания.
3. Уподобляющий перевод.
4. Гипеномический перевод.

Из вышеназванных способов перевода, по нашему мнению, транслитерация является наиболее эффективным методом перевода инокультурных реалий, так как в этом случае сохраняется специфика и самобытность слова — понятие с одной стороны, а с другой стороны, пояснения переводчика (в комментариях, сносках, глоссариях) относительно полно скрывает то или иное понятие. Таким образом, собственно культурные потери при таком переводе минимальны, а ряд незнакомых слов редко затрудняет понимание не всегда. Поэтому очень важно в переводческой деятельности гармонично совмещать все возможные способы в зависимости от контекстуального окружения слова, характера текста, стилистических соображений, динамики текста и многих других факторов.

Перевод как деятельности предполагает, с одной стороны, языковой контакт с целью адекватной передачи содержания с исходного языка на язык перевода, с другой стороны, конфронтацию культур, выраженных в этих языках.

Говоря о переводе как о средстве освоения культурных достижений других народов, В. Гумбольдт подчеркивал «пока ощущается не чуждое а только налет чужого, перевод достигает своих величайших целей. Но когда чуждое заявляется во всей своей красе и может затушевать даже чужое, тогда ясно, что переводчик не дорос до своего оригинала»

Залог успеха перевода во многом зависит от компетентности переводчика в области фоновых знаний и степени освоения им переводческой техники.

Литература:

1. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1998.
2. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода. М., 1986.
3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Репрезентация концепта «кризис» в медийном дискурсе (на примере ежедневных изданий на русском и китайском языках)

Казарян Арегназ Арсенова, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный университет

В современном языкознании наблюдается тенденция к изучению языка как общего когнитивного механизма. Лингвистические явления рассматриваются в аспекте их использования как средств познания окружающего мира, хранения, обработки и передачи полученной информации. Когнитивная лингвистика ставит перед собой задачу описать концепты, представления об окружающей человека действительности, при помощи лингвистических методов. Изучение концептов — актуальное направление, интерес к которому находит свое воплощение в многочисленных работах, посвященных теоретическим основам исследования (З.Д. Попова, И.А. Стернин, С.Г. Воркачев, Е.С. Кубрякова и др.) и особенностям объективации того или иного концепта в сознании носителей того или иного языка.

Основной категорией когнитивной лингвистики является *концепт*, который находит широкое применение в современных лингвистических исследованиях. Будучи мыслительной и ненаблюдаемой категорией, термин *концепт* не имеет единого определения. С точки зрения Е.С. Кубряковой, концепт — это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» [2].

В центре внимания современных лингвистических исследований лежит антропоцентрический аспект, предполагающий совокупность собственно лингвистических методов и коммуникативно-прагматического анализа. [3].

Термин *дискурс* получил широкое распространение в 70–80 годах XX века и прочно вошел в научный обиход. Следует отметить, что трактовка термина *дискурс* варьируется у разных исследователей. Термин дискурс в данной работе вслед за В.Е. Чернявской понимается как коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах [4, с. 11–22].

Лингвисты, занимающиеся изучением дискурса, сходятся во мнении, что существуют принципиальные отличия дискурса от текста. Говоря о разнице текста и дискурса, следует привести трактовку термина *дискурс*, которую дал отечественный лингвист В.И. Карасик в статье «О типах дискурса» [5]: ученый описывает дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения». Таким образом, понятие дискурса шире понятия текст.

В современной лингвистике принято различать персональный и институциональный дискурс. В зависимости от принадлежности говорящего к социальному институту выделяют политический, медицинский, научный, медийный и другие разновидности институционального дискурса.

Медийный дискурс, обслуживающий институт массовой коммуникации, оказывает непосредственное влияние на сознание человека и социальную практику. Средства массовой информации, будучи посредниками между социальной реальностью обществом играют важную роль в формировании информационной картины мира. Дискретной единицей медийного дискурса является медиатекст — набор языковых, графических, звуковых и визуальных семиотических систем, когнитивный анализ которого позволяет сделать акцент на вопросах, связанных с использованием языка как средства передачи информации, ее переработки в контексте информационной картины мира [6].

Газеты, являясь одной из разновидностей средств массовой информации, оказывают влияние на общественное сознание. Российская газета «Известия», выпускаемая ежедневно, является одним из главных периодических изданий России, в котором публикуются новости о событиях в сфере политики, экономики, бизнеса, культуры и спорта. Ежедневная китайская газета «人民日报», самая крупная и наиболее влиятельная газета современного Китая, освещает вопросы, связанные с такими основными темами, как внутренняя и внешняя политика, экономика, наука, спорт и др. Высокие тиражи, ориентация на самый широкий круг читателей, внимание к проблемам общества — все эти факторы позволяют определить названные издания как благоприятный материал, изучение которого способно дать достаточно полный языковой портрет концепта кризис.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что концепт кризис является неотъемлемой частью концептосферы современного человека. Кризис, будучи глобальным явлением, оказывает влияние на разные сферы деятельности человека: экономику, политику, социальную сферу и др. Целью исследования является выявление особенностей языковой объективации концепта кризис в русском и китайском медийном дискурсе. Материалом исследования послужили данные толковых словарей и словарей лексической сочетаемости, а также выборка из 47 статей в газете «Известия» и 37 статей из газеты «人民日报».

Перспективными для когнитивных исследований являются такие ключевые слова, которые имеют много значений и отличаются частотностью употребления [7, с. 314]. Для анализа концепта «кризис» в русском языке была выбрана лексема кризис, в китайском языке — лексема 危机.

Современные лингвокогнитивные исследования берут за основу лингвистические методы описания семантики репрезентирующих концепт языковых единиц, с помощью которых представляется возможным получение представления о содержании концепта в сознании носителей того или иного языка. В данной работе за основу были взяты методы описания концепта, предложенные З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [8, с. 191]. Суть метода анализа значений ключевой лексемы того или иного концепта заключается в исследовании статей толковых словарей языка и вычленении компонентов семантической структуры лексемы-репрезентанта концепта. Анализ словарных дефиниций призван сформировать общее представление о концепте, закрепленное в сознании носителей того или иного языка [9, с. 7–10].

В ходе анализа ключевой лексемы концепта «кризис» было установлено, что в русском языке лексема кризис обладает большим количеством значений, чем лексема 危机 в китайском языке. Ввиду того, что кризис — явление глобальное, данные лексемы имеют общий компонент ‘переломный момент’ (‘крутой перелом’). В толковых словарях китайского языка не представлены такие компоненты, как: ‘перепроизводство товаров’, ‘переломный момент в ходе болезни’, ‘затруднительное положение’, ‘острый недостаток’, ‘обостренное политическое положение’, ‘расстройство экономической жизни’, которые имеются в семантической структуре лексемы кризис; в то же время, компонент ‘источник опасности’, отраженный в структуре лексемы 危机, не имеет аналогии в русском языке.

К примеру, в Толковом словаре Ушакова [10] дается больше всего (по сравнению с другими используемыми словарями) значений лексемы-репрезентанта исследуемого концепта. Кризис — это:

1. ‘Резкое изменение, крутой перелом’.

2. ‘Периодически наступающее в капиталистической экономике явление перепроизводства товаров, ведущее к разорению мелких производителей, к сокращению производства и к усилению безработицы’: *промышленный кризис, аграрный кризис, общий кризис капитализма*.

3. ‘Обострение политического положения, влекущее за собой падение и смену кабинета министров в парламентских странах’: *правительственный кризис*.

4. ‘Решающий, переломный момент в ходе болезни’: *после кризиса больной стал быстро поправляться*.

5. ‘Затруднительное положение, безденежье’: *у меня сейчас кризис: ни копейки в кармане*.

Таким образом, анализ статьи Толкового словаря Ушакова позволяет сделать вывод, что понятие *кризис* рассматривается в трех аспектах: экономическом, политическом и медицинском.

В Большом толковом словаре С.А. Кузнецова [11, с. 470] появляется дополнительное значение лексемы *кризис* — ‘острый недостаток, нехватка чего-либо’, незафиксированное в вышеупомянутом словаре: ‘Острый недостаток, нехватка чего-либо’: *энергетический кризис, жилищный кризис*. Примерами употребления лексемы кризис в значении ‘острый недостаток’ являются *энергетический кризис, жилищный кризис*.

В китайском языке в словарях *现代汉语词典* [12, с. 1412] и *汉语大词典* [13, с. 526] лексеме 危机 даются следующие определения в количестве лишь трех штук: 指危险的根由 ‘источник опасности’. Примером использования лексемы в таком значении является единственное фразеологическое сочетание 危机四伏 *быть окруженным опасностью со всех сторон*. 严重困难的关头 ‘переломный момент в сложной ситуации’. В данном значении лексема употребляется с существительными, образуя следующие сочетания: *经济危机 экономический кризис, 人才危机 кадровый кризис*. 用于杀敌、猎兽、捕鱼等的器具 ‘орудие, используемое для уничтожения врага, охоты, ловли рыбы’.

Сфера употребления обеих лексем широка, что было доказано в ходе анализа лексической сочетаемости. Соответствия дефиниций лексемы «кризис» приведены ниже в таблице:

	кризис	危机
Основные компоненты семантической структуры, зафиксированные в одном толковом словаре	1. Обостренное политическое положение. 2. Расстройство экономической жизни.	-
Основные компоненты семантической структуры, зафиксированные в двух или более толковых словарях	1. Перепроизводство товаров (2). 2. Переломный момент в ходе болезни (2). 3. Затруднительное положение (2). 4. Острый недостаток (2).	-
Основные компоненты семантической структуры, зафиксированные в каждом исследуемом толковом словаре	1. Крутой перелом, резкое изменение.	1. Источник опасности. 2. Переломный момент в сложной ситуации.

Продуктивным лингвистическим методом вычленения признаков концепта является анализ лексической сочетаемости ключевой леммы концепта [8, с.191]. Данный метод призван выявить незафиксированные в толковых словарях семантические признаки леммы-репрезентанта концепта. Таким образом, анализ лексической сочетаемости леммы *危机* также позволил выделить дополнительное ее значение — 'острый недостаток'. Дополнительных значений леммы кризис обнаружено не было.

Текстологический анализ концепта «кризис» в китайском медийном дискурсе показал, что в китайском языке кризис в большинстве своем связывают с расстройством экономической жизни. На это указывает 20 примеров (*мировой финансовый кризис, экономический кризис и др.*). Кризис в китайском медийном дискурсе — явление глобальное, напрямую связанное с мировой экономикой. Китайские источники не навязывают имен, виновников происходящего, а пытаются, как бы со стороны, анализировать ситуацию, видя пути решения также в дипломатическом сотрудничестве (*各方共同努力 приложить совместные усилия, 展开 直接对话 начать диалог, 和平谈判 мирное урегулирование*). Такое восприятие кризиса носителями китайского языка обуславливается тем, что Китай в настоящее время играет одну из главенствующих ролей в мировой экономике.

Для анализа объективации концепта «кризис» в русском медийном дискурсе были взяты статьи онлайн-версии газеты «Известия» с 1 января 2014 года. Всего было проанализировано 42 статьи. Как показывает материал, кризис — комплексное явление, имеющее фазы **начала, развития и конца** (урегулирование). Каждая из этих фаз характеризуется своими особенностями.

Анализ статей показал следующее: в русском медийном дискурсе была выявлена объективация компонентов 'обостренное политическое положение', 'расстройство экономической жизни', 'затруднительное положение', 'острый недостаток'.

В современном русском медийном дискурсе превалирует объективация компонента семантической структуры леммы-репрезентанта исследуемого концепта 'обостренное политическое положение'. Это явление можно объяснить в том числе уделением отечественными СМИ особого внимания нынешней политической обстановке в Украине: *украинский кризис, кризис на Украине*. Из общего количества рассматриваемых статей данной теме посвящено 24 статьи.

Компонент 'расстройство экономической жизни' объективируется в 12 статьях, главной темой которых является финансовый кризис. Интерес к данной теме объясняется многоплановостью кризиса как расстройства экономической жизни: он может быть как внутригосударственным — *экономический кризис на Украине*, так и международным — *международный кризис 2008 года*.

Стоит отметить компонент 'затруднительное положение' (4 статьи), который объективируется не только в текстах экономической, но и спортивной тематики (*игровой кризис*). Системные проблемы российского футбола являются актуальной темой газетных сообщений на протяжении нескольких лет.

Компонент острый недостаток объективируется в 2 статьях экономической тематики: *бумажный кризис, бензиновый кризис*. Как показал анализ статей, острый недостаток в экономике может быть причиной *безработицы и резкого повышения цен*.

Нами были выбраны 37 статей онлайн-версии газеты *人民日报*, опубликованных с 1 января 2014 года. В ходе анализа статей данного издания было установлено, что в китайском медийном дискурсе кризис также представляется как комплексное продолжающееся явление, имеющее фазы **развития и конца**. Фазы **начала** кризиса выявлено не было.

Исследуемый материал показал, что в современном китайском медийном дискурсе превалирует объективация компонента 'расстройство экономической жизни'. Экономическое развитие Китая, повышение его значимости на мировой финансовой арене являются причинами проявления интереса к данной теме китайскими СМИ. Из общего количества рассматриваемых статей было выявлено 20, посвященных кризису как расстройству экономической жизни.

Компонент 'обостренное политическое положение' объективируется в 13 статьях, посвященных политическому кризису на Украине, в Сирии и Таиланде. Стоит отметить, что в рассматриваемых статьях четко прослеживается тенденция китайских СМИ к представлению Китая в роли стороны, способной повлиять на положительный исход кризисной обстановки, даже будучи сторонним наблюдателем.

Стоит обратить особое внимание на компонент 'затруднительное положение', упомянутый в трех статьях, который объективируется в контексте кризиса — как времени возможностей, что указывает на восприятие кризисной ситуации в качестве возможности усовершенствования или изменения состояния дел, отрасли и т.д.

Компонент острый недостаток объективируется в 1 статье экологической тематики, еще раз подчеркивая ухудшающееся состояние экологии в Китае и необходимость принятия решительных мер для предотвращения катастрофы.

Проделанный анализ показал, что в русском медийном дискурсе кризис представлен как сложное явление, состоящее из нескольких фаз: **начала, развития и конца**, в отличие от китайского медийного дискурса, в котором присутствуют только фазы **развития и конца**. Кризис, будучи явлением, затрагивающим различные сферы жизнедеятельности общества, оказывает влияние на его развитие, что является еще одной фазой — **последствия**. Представим схожие и отличные черты кризиса в русском и китайском медийном дискурсе в сводной таблице.

Фаза кризиса	В русском языке	В китайском языке
Начало	а) Виновный, организатор (3)	-
Развитие	а) Возможность (2)	а) Возможность (4) б) Ведение военных действий (3)
Урегулирование	а) Дипломатическое сотрудничество (12)	а) Дипломатическое сотрудничество (7)
Последствия	а) Спад экономики (2) б) Ухудшение показателей (1) в) Снижение объемов продаж (3) г) Банкротство (1) д) Социальная нестабильность (2)	а) Спад экономики (8) б) Ухудшение показателей (6) в) Снижение объемов продаж (3) г) Банкротство (2) д) Социальная нестабильность (1)
	е) Изменение планов (5) ж) Повышение цен (3) з) Заморозка проектов (3) и) Ухудшение партнерских отношений (2) к) Геополитическая нестабильность (1) л) Снижение цен (1) м) Смена государственного строя (1)	

В ходе анализа языковой репрезентации концепта «кризис» в медийном дискурсе в русском и китайском языках была установлена национальная специфика восприятия данного концепта. Так, в русском медийном дискурсе кризис представляет собой обостренное политическое положение. В китайском медийном дискурсе кризис связывают в основном с расстройством экономической жизни. На это указывают следующие признаки: спад экономики, снижение объемов продаж, банкротство, ухудшение показателей. Большое внимание газеты «人民日报» к кризису как расстройству экономической жизни объясняется особенностями восприятия мира гражданами современного Китая, мира, в котором финансовое благополучие занимает одно из главных мест как в жизни отдельно взятого человека, так и всего государства.

В ходе анализа также было выявлено, что в русском и китайском медийном дискурсе присутствует объективация компонентов семантической структуры ключевой лексемы концепта ‘обостренное политическое положение’, ‘расстройство экономической жизни’, ‘затруднительное положение’, ‘острый недостаток’, однако их количественное распределение неодинаково. Так, в русском медийном дискурсе наблюдается тенденция к употреблению лексемы кризис в значении ‘обостренное политическое положение’, в то время как в китайском языке превалирует употребление лексемы 危机 в значении ‘расстройство экономической жизни’. Представим данные количественного анализа в виде таблицы.

Компонент	В русском языке	В китайском языке
Обостренное политическое положение	24	13
Расстройство экономической жизни	12	20
Затруднительное положение	4	3
Острый недостаток	2	1
Общее количество	42	37

Проведенный анализ показал, что концепт «кризис» является важным концептом русского и китайского языкового сознания. Об этом свидетельствует тот факт, что ключевая лексема концепта рассматривается не только во многих толковых словарях обоих языков, но и имеет большие возможности сочетаемости, что, несомненно, указывает на ее активность в языке, на частое употребление в устной и письменной речи. Значимость данного концепта подчеркивается значительной частотностью употребления ключевой лексемы концепта в текстах русского и китайского медийного дискурса.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было обнаружено, что как в русской, так и в китайской картине мира кризис рассматривается как глобальное явление, которое затрагивает различные сферы деятельности человека и оказывает влияние на экономическую, политическую и социальную обстановку в рамках отдельно взятого государства и всего мира. Мирное урегулирование, поиски путей выхода из кризиса являются приоритетными задачами в языковом сознании носителей русского и китайского языков.

Литература:

1. Попова, З. Д., Стернин И. А. (3) Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
2. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. с. 90.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. Воронежский государственный университет, 2001. с. 52–57.
5. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. Воронежский государственный университет, 2001. с. 25–36.
6. Ван Дейк Т. К определению дискурса [Электронный ресурс] // Психологическая сеть российского Интернета [сайт]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 14.12.2013).
7. Вацковская, И. С. Когнитивный аспект исследования дискурса СМИ // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. с. 543–545.
8. Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение [Электронный ресурс] // Проблемы лингвоконцептологии [сайт]. URL: <http://lincon.narod.ru/meaning.htm> (дата обращения: 5.11.2013).
9. Гарская, Л. В. Когнитивный аспект текстов массовой информации (на материале англоязычной прессы) // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. с. 546–548.
10. Кризис [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/844082> (дата обращения: 12.01.2014).
11. Кризис // Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. с. 470.
12. 危机 // 现代汉语词典 (第5版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆, 2005. с. 1412.
13. 危机 // 汉语大词典 (第二卷) / 汉语大词典编辑委员会. 上海: 汉语大词典出版社, 1988. с. 526.

Звукоподражание в китайском языке. К постановке вопроса

Казарян Арегназ Арсенова, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный университет

В конце XX — начале XXI века, несмотря на появление и развитие множества новых приоритетных направлений в лингвистике, исследование лексико-семантических систем по-прежнему остается актуальным. Одной из таких систем является звукоподражательная (ономатопэтическая) лексика.

Звукоподражание (ономатопея) — «слово, которое служит для имитации звуков окружающей действительности средствами языка. Звукоподражания представляют особый интерес для философии языка и семиотики. В отличие от большинства языковых единиц, звукоподражания представляют собой иконические знаки» (т.е. знаки, непосредственно воспроизводящие существенные признаки объекта, отражающие своим языковым составом те или иные его особенности) [5].

Прежде всего, звукоподражания необычны тем, что обладают прямым сходством со звуками внешнего мира.

Для некоторых из них характерна нестандартность звукового облика, наличие множества фонетических вариантов. С другой стороны, звукоподражания являются единицами языка и используют его звуковой состав, поэтому они не могут быть полностью идентичными естественным звукам. Интерпретация звуков внешней среды напрямую зависит от языковой картины мира того или иного языка, поэтому звукоподражания разных языков не совпадают, хотя нередко обладают сходством.

В большинстве языков ономатопэтические слова по совокупности признаков должны объединяться в отдельную лексико-грамматическую категорию, так как не могут быть однозначно подведены ни под одну из существующих на настоящий момент частей речи. В процессе изучения ономатопэтической лексики неизбежно придется сталкиваться с проблемой определения звукоподражаний как частей речи. Существует тенденция к объеди-

нению междометий и звукоподражаний в одну часть речи, однако в отечественной лингвистике этот вопрос не получил однозначного решения. Так, в толковых словарях звукоподражания строго не ограничиваются от междометий: или снабжаются пометкой «*междом.*», или объединяются с ними в одной словарной статье. Несмотря на то, что и междометия, и звукоподражательные слова морфологически аморфны, синтаксически достаточно самостоятельны и находятся как бы на периферии лексико-семантической системы, имеются заметные функциональные расхождения, а именно: и междометия, и звукоподражания используются с совершенно разными синтаксическими целями.

Широко распространено мнение о том, что звукоподражания не обладают лексическим значением, однако существует и другая точка зрения. Согласно ей звукоподражания, хотя и не имеют номинативной функции, все же обладают лексическим значением и являются полноценными словами. Будучи носителями звуковой информации, они используются как средства общения.

В китайском языке присутствует огромное количество звукоподражательных слов — 象声词. Они активно используются как в устной речи, так и в письменном языке. По своему составу ономапоэтические слова китайского языка обычно двухсложные, трехсложные и четырехсложные. По мнению О.П. Фроловой, звукоподражания китайского языка схожи с ономатами других языков и характеризуются следующими признаками:

- Тяготение к звукам «первичного» образования
- Повторяющаяся основа
- Высокая продуктивность
- Основная функция — придание образного характера речи

Некоторые китайские лингвисты — Ли Цзинси, Чжан Чжигун — рассматривают звукоподражания как разновидность междометий. Другие же (напр. Дин Шэншу) полагают, что не все ономапоэтические слова можно отнести к междометиям. Существует и третья точка зрения: ономапоэтические слова занимают промежуточное положение между знаменательными и служебными словами китайского языка. В пользу знаменательных слов говорит то, что они могут выступать в функции членов предложения (подлежащего, сказуемого, определения и различных обстоятельств). К служебным словам их причисляют потому, что они передают лишь связанное лексическое значение.

Звукоподражания китайского языка отличаются невероятной разнообразностью, что объясняет наличие нескольких видов их классификации. О.П. Фролова в своей работе делит ономаты по качеству воспроизводимого звука на две большие группы:

1. Чисто звукоподражательные слова, имитирующие звуки, издаваемые человеком, животными, насекомыми и прочими живыми существами
2. Имитация различных звуков природы, окружающей обстановки и различных шумовых эффектов

В свою очередь, В.Ю. Вашкявичус подразделяет ономаты на три группы:

1. Ономаты группы живой природы (звуки издаваемые млекопитающими, птицами и насекомыми)
2. Ономаты группы неживой природы и артефактов
3. Ономаты группы звуков, издаваемых человеком

Однако, Вашкявичус отмечает, что многие звукоподражания являются многозначными, поэтому они могут встречаться сразу в нескольких группах.

Существует и более сложная классификация ономапов китайского языка. Согласно «汉语拼音和正词法» — «Фонетика и орфография китайского языка» Инь Бин Юн, звукоподражания в китайском прежде всего делаются в зависимости от их происхождения.

Первая группа представляет собой ономаты, возникшие еще в классической литературе китайского языка и сохранившиеся в письменном виде до наших дней. Например:

流水潺潺 *liúshuǐ chánchán* — журчание воды
书声琅琅 *shūshēng lángláng* — звук при чтении книги вслух

Форма таких звукоподражаний неизменна. Они чаще всего используются в письменной речи и всегда обозначены тонами при написании пиньина.

Вторая группа — ономаты, возникшие в современном китайском языке. По мнению Инь Бин Юна, эти звукоподражания не имеют конкретных тонов, закрепленных за их иероглифами, поэтому в пиньине они записываются без тонов. Возможно, именно поэтому большинство звукоподражаний в современном китайском языке произносится первым тоном.

Кроме того, Инь Бин Юн также делит все ономаты китайского языка на три большие группы, в зависимости от их структуры:

1. Простые звукоподражания. Сюда входят *одноложные* ономаты:

嘟 *dū* — свист, гудок или 喔 *ō*, 喔 *wō* — кукареканье петуха

А также *двусложные*, которые в свою очередь подразделяются на ономаты с тождественной инициальной:

叮咚 *dīngdōng* — динь-дон (звон, звяканье)
乒乓 *pīngpāng* — звук ударяющихся друг о друга объектов

滴答 *dīdā* — тик-так (звук тикающих часов)

И ономаты с тождественной финалью:

呼噜 *hūlū* — храп, свист

匡啷 *kuānglāng* — дребезжание, например гонга

轰隆 *hōnglōng* — гул, грохот

喀嚓 *kāchā* — хруст, треск

2. Ономаты с удвоением. Форм таких звукоподражаний весьма много:

— AA: 呼呼 *hūhū* — звук ветра; 哇哇 *wāwā* — плач ребенка; 咚咚 *dōngdōng* — там-там (звук барабанов); 汪汪 *wāngwāng* — лай собаки; 嗡嗡 *wēngwēng* — жужжание летающих насекомых. Ономаты такой структуры активно

участвуют в словообразовании, например: 蹦蹦 *bēngbēng* + 车 *chē* = 蹦蹦车 *bēngbēngchē* — маленький трехколесный автомобиль

— **ABB**: 哗啦啦 *huālālā* — звук ветра или журчания воды; 轰隆隆 *hōnglónglóng* — звук барабанов. Эта форма ономотопа представляет собой двусложное звукоподражание с удвоением второй части.

— **AAB**: 叮叮当 *dīngdīngdāng* — звук металлических предметов, ударяющихся друг о друга; 乒乒乓乓 *pīngpīngpāng* — звук ударяющихся друг о друга объектов. В ономотопах этой формы удваивается первый слог.

— **AABB**: 噼啪啪啪 *pīpī-pāpā* — звук хлопков, трескотня; 滴滴答答 *dīdī-dādā* — звук тикающих часов; 唧唧咕咕 *jījīgūgū* — шепот. Две части ономотопа такой структуры разделены дефисом.

— **ABAB**: 哗啦哗啦 *huāla huāla* — звук дождя или ветра; 嘀嗒嘀嗒 *dīdā dīdā* — звук тикающих часов. Здесь две части отделены пробелом.

3. Ономотопы, образованные с помощью аффиксов. Такая форма звукоподражаний представляет собой двусложный ономотоп, первый слог которого оформлен аффиксом 里 *lǐ*, а второй сочетается со слогом на *l*, имеющим ту же финаль, например:

劈里啪啦 *pīlǐ-pālā* — звук разрывающихся хлопков

乒里乓啷 *pīnglǐ-pānglāng* — звук ударяющихся друг о друга объектов

В китайском языке (как и во многих других), ономотопы, интерпретирующие звуки природного мира, являются наиболее распространенными. Несмотря на явные различия в восприятии действительности и языковой картине мира китайского языка и, например, европейских языков, эта категория звукоподражаний обнаруживает явное сходство с множеством вариантов интерпретации других языков. Например: 喵喵 *mīāomīāo*, 嘎嘎 *gāgā*, 哧哧 *pīpī* в китайском имеют схожее звучание и, соответственно, одинаковое значение с русскими *мяу-мяу*, *га-га-га*, *му-у-у*.

Как уже говорилось ранее, с фонетической точки зрения, ономотопы китайского языка в основном произносятся первым тоном и имеют сходную структуру. Многие из них оканчиваются на заднеязычный носовой — *ng*:

丁当 *dīngdāng* — динь-дон или 哼哼 *hēnghēng* — хрю-хрю

Для обозначения шумов с длительным звучанием в китайском используются прежде всего полные повторы, а также повторы с чередованием гласных или согласных:

哇哇 *wāwā* — подражание плачу ребенку, *ya-ya*

当当 *dāngdāng* — подражание стуку металла

Интересно, что многие звукоподражания с инициальной *p* описывают громкие звуки:

劈里啪啦 *pīlǐpālā* — звукоподражание треску хлопков

劈啪 *pīpā* — звук разрыва веревки

轰轰 *pēngpēng* — звук падения большого предмета на землю

Аналогичное употребление отмечается и с инициальной *h*: 哗啦啦 *huālālā* — подражание плеску, гулу, шуму воды

轰隆隆 *hōnglóng* — подражание грохоту, громаханию

С семантической точки зрения, китайские ономотопы отличаются многозначностью, что еще более затрудняет процесс перевода. К примеру, звукоподражание 吧儿吧儿 *bārbar* имеет значения: 1. звук болтовни, 2. звук сигнала машины, нечто похожее на «би-би», 3. лай собаки. Очевидно, что в этом случае смысл высказывания можно понять лишь исходя из контекста.

Однако, основной особенностью китайских звукоподражаний является то, что порой практически невозможно подобрать верный эквивалент при их переводе. Это объясняется тем фактом, что многие ономотопы китайского языка имеют либо слишком конкретное, либо чересчур размытое значение, например:

咕咚 *gūdōng* — звук падения тяжелого предмета в воду

啾啾 *zhōujiū* — тихий, тонкий звук

В таких случаях невозможно не только найти близкий эквивалент, но и подобрать близкое понятие. При переводе ономотопов такого рода приходится прибегать к описательному переводу.

Таким образом, на основе проанализированного материала, можно дать следующую характеристику звукоподражаниям в китайском языке:

1. Ономотопозитическая лексика отличается большим разнообразием и активно используется как в устной, так и в письменной речи.

2. В основном, звукоподражания китайского языка по своему составу бывают двух-, трех-, и четырехсложные.

3. На сегодняшний день пока нет однозначной точки зрения на вопрос о выделении звукоподражаний в отдельную часть речи. Многие китайские исследователи до сих пор причисляют ономотопозитическую лексику к разряду междометий.

4. Ономотопы китайского языка можно классифицировать по различным признакам.

5. Большинство ономотопов произносится первым тоном и имеет сходную структуру.

6. Некоторые звукоподражательные слова отличаются многозначностью, что немало затрудняет процесс перевода.

7. Зачастую, при переводе ономотопов китайского языка, приходится прибегать к описательному переводу, так как значение их слишком конкретно, или напротив, весьма размыто.

Несомненно, китайский язык довольно сильно отличается от языков других стран не только благодаря своему необычному фонетическому и грамматическому строю, но и вследствие глобальных различий в историческом, экономическом, географическом и культурном аспекте. Однако, несмотря на все это, можно сделать вывод, что большинство звукоподражаний являются общими для

разных языков, и для китайского в том числе. Словесная форма ономастов мотивирована их значением, так как данные единицы языка обладают акустическим денотатом

и, значит, являются иконичными языковыми знаками, что должно говорить об их универсальном характере в системе языка.

Литература:

1. Вашкявичус, В. Ю. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия и вербализации шумов (на материале кодифицированных и окказиональных звукоподражаний русского и китайского языков). [Автореферат] / В. Я. Вашкявичус // — 2011. — с. 12–13.
2. Фролова, О. П. Ономастопозитивные слова в китайском языке. [Текст] / О. П. Фролова — Китайское языкознание: Изолирующие языки: IX международная конференция: Материалы. — М., 1998. — с. 183–185
3. Тихонов, А. Н. Междометия и звукоподражания — слова? [Текст] / А. Н. Тихонов // Русская речь. — 1981. — № 5. — с. 72–76.
4. Yǐn Bīnyōng. 汉语拼音和正词法 — Chinese Romanization: Pronunciation and Orthography, translated and edited by Marry Felley. — Sinolingua. — 1990. — с. 451–456.
5. <http://www.durov.com/study/Zvukopodrazhanie-1340.doc>

Лингвострановедческие особенности профильного научно-технического текста

Каргина Елена Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Статья посвящена рассмотрению особенностей профильного научно-технического текста с точки зрения лингвострановедческого подхода. Выделяется три группы реалий на основании степени их уникальности: универсалии, квазиреалии, реалии. Рассматривается вопрос о правомерности существования реалий-терминов и квазиреалий-терминов с лингвистической точки зрения.

Ключевые слова: профильный научно-технический текст, лингвострановедческий подход, реалии, квазиреалии, термины, технический вуз.

В условиях научно-технического прогресса практическое владение иностранным языком приобретает особое значение и является неотъемлемым органическим компонентом современной подготовки специалистов. Одной из основных задач обучения в вузе является совершенствование приобретенных студентами речевых навыков и умений в работе над оригинальной литературой. Студент технического вуза должен уметь самостоятельно работать с оригинальными текстами по своему направлению подготовки и извлекать из них нужную информацию [1].

Одной из серьезных трудностей, мешающих пониманию оригинальных текстов, является отсутствие у студентов лингвострановедческих знаний [2].

Многие важные проблемы, связанные с введением лингвострановедческой методики в преподавание русского языка как иностранного, а также многие общие вопросы уже решены Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым [3]. Ряд авторов указывают на необходимость лингвострановедческого подхода в преподавание иностранного языка. Так О. А. Вельская [4] считает необходимым лингвострановедческий подход при обучении языку как специальности, намечая пути такого подхода. А. А. Брагина [5], различая три сферы общения: повсед-

невную, научно-техническую и литературно-художественную, полагает, что страноведческий аспект необходим во всех сферах, а характер и роль страноведческих знаний должны зависеть именно от сферы общения.

Следует обратить особое внимание на роль лингвострановедческого комментария при обучении иностранному языку в неязыковом вузе [6]. Вопросы использования лингвострановедческой методики в техническом вузе еще не нашли достаточного освещения в методической литературе. Методы, разработанные Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, не могут быть механически перенесены в преподавание иностранного языка в техническом вузе. Сами авторы предостерегают против такого переноса, подчеркивая необходимость разработки методик в тесной связи с целями и задачами преподавания.

Для выработки лингвострановедческой методики в техническом вузе, прежде всего, следует определить, что такое реалия. За основу может быть принято определение В. П. Конечкой [7], которая считает реалии особыми референтами — элементами объективной реальности, отраженными в сознании. Рассматривая референты британской культуры относительно русской, она выделяет три группы на основании степени их уникальности. К первой группе референтов В. П. Конечкая относит референты

культуры, тождественные по существенным и второстепенным признакам, считая их универсалиями.

Ко второй группе относятся референты, тождественные по существенным признакам, но различные по второстепенным признакам — так называемые квазиреалии.

Третья группа — собственно реалии — содержит референты, присущие только данной культуре, уникальные по существенным и второстепенным признакам.

Частотность, т. е. частота повторяемости лексики в литературе, является одной из ее важных характеристик [8]. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что величина встречаемости реалий и квазиреалий в профильных научно-технических текстах по направлениям подготовки составляет 5% от числа существительных и словосочетаний с существительными. Частота появления реалий и квазиреалий равна 12% [9].

При качественном анализе (систематизация по тематическому / семантическому принципу) следует выделить следующие группы реалий и квазиреалий научно-технической литературы:

- 1) реалии и квазиреалии терминологического характера;
- 2) названия различных организаций, иногда употребляемые только в виде аббревиатур;
- 3) реалии и квазиреалии общелитературного языка, в том числе фразеологические единицы;
- 4) реалии и квазиреалии — номены (названия фирм, организация, марок автомобилей, техники и т. д.);
- 5) омонимы и топонимы, в том числе эмоционально-окрашенные;
- 6) названия мер, весов, денежных единиц, наименования титулов, званий и т. д.

Немало работ посвящено терминологической лексике, среди них работы по методике работы с терминами в техническом вузе. Существует классификация терминологической лексики по трудности усвоения от самой легкой, интернациональной, до самой трудной, обозначающей абстрактные понятия [10]. На классификации основаны способы работы с терминологией [11]. Но методика работы с реалиями и квазиреалиями терминологического характера разработана недостаточно, хотя реалии-термины и квазиреалии-термины представляют для студентов со-

вершенно новые понятия и не могут быть поняты самостоятельно.

С точки зрения лингвистики правомерно говорить о существовании реалии-термина и квазиреалии-термина. Согласно определению В. П. Даниленко [12], термин — слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции. Поскольку термины не возникают, а создаются, и терминология является искусственно созданной подсистемой лексики, естественно стремление к созданию международной, интернациональной терминологии. Но терминология не существует отдельно от общенародного языка. Они находятся в тесной взаимосвязи. Научный термин стремится перейти в слово общенародной подсистемы языка, затем, становясь базой для создания новых терминов [13]. Поэтому национальный характер некоторых научных понятий не противоречит характеристикам научной терминологии. Иногда термин носит ярко выраженный национальный характер. Так как источником безэквивалентной лексики служит общенародный язык, наложение этих двух групп представляется вполне правомерным, а, следовательно, можно среди реалий и квазиреалий выделить группы реалий-терминов и квазиреалий-терминов. К этой группе будут относиться реалии и квазиреалии, которые, занимая свое место в терминологическом поле и обладая всеми признаками терминов, отражают понятия характерные только для национальных особенностей данной культуры.

Все вышесказанное дает основание для выделения реалий и квазиреалий специальной профильной научно-технической литературы в отдельную группу лексики, требующую особого подхода в процессе обучения. Конечно, в практике работы преподаватель старается объяснить студентам встречающиеся в тексте реалии и квазиреалии, иначе уровень понимания текста будет низким. При этом подобрать тексты, в которых бы не было реалий и квазиреалий, во-первых, трудно, во-вторых, нецелесообразно, поскольку тексты, содержащие реалии и квазиреалии отражают сущность направления подготовки, поэтому обладают высокой информативностью и, следовательно, наиболее интересны и полезны в обучении.

Литература:

1. Каргина, Е. М. Особенности профильного обучения иностранному языку в контексте современных дидактических подходов // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 6 (34). — с. 21.
2. Комарова, Е. В. Трудности употребления иноязычной лексики в процессе обучения иностранному языку // Современные научные исследования и инновации. — 2015. — № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/02/47166>
3. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура. — М., 1976.
4. Вельская, О. А. Лингвострановедение в языковом вузе // Иностранные языки в высшей школе. — 1978. — № 13. — с. 5–15.
5. Брагина, А. А. Рецензия на статью Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова «Язык и культура» // Вопросы языкознания. — 1974. — № 6. — с. 153.
6. Скрозникова, В. А., Боданкина, Р. М. Страноведческий комментарий как одна из форм реализации межпредметных связей // Иностранные языки в высшей школе. — 1978. — № 13. — с. 113–116.

7. Конецкая, В. П. Лексико-семантические характеристики языковых реалий. Великобритания. Лингвострановедческий словарь. — М., 1978. — с. 463.
8. Фрумкина, Р. М. Статистические методы изучения лексики. — М., 1974. — с. 91–92.
9. Боданкина, Р. М. Лингвострановедческий подход к тексту по направлению подготовки в техническом вузе // Иностранные языки в высшей школе. — 1981. — № 16. — с. 82–88.
10. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. — М., 1961. — с. 3–8.
11. Каргина, Е. М. Метод систематизации лексики по смысловым группам при исследовании профессиональных иноязычных терминов // Современные научные исследования и инновации. — 2014. — № 11–3 (43). — с. 137–140
12. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. — М., 1977. — с. 83–86.
13. Болотов, В. И. Значение слова, термина и энциклопедическое значение имени собственного // Вопросы разработки научно-технической терминологии. — Рига, 1973. — с. 107–111.

Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции

Лебедева Ирина Олеговна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный университет

Одной из крупнейших подотраслей органического синтеза считается производство полимеров. Данное направление связано с изготовлением полиэтилена, полистирола, полипропилена и других продуктов. Выпускают полимерную продукцию специализированные заводы соответствующего направления. Полимерные материалы и изделия из пластика широко используются в производстве и в народном хозяйстве, а это значит, что развитие отрасли является принципиально важным вопросом для нашей страны. Наиболее широко использует полимерную продукцию машиностроение, легкая промышленность, строительство и производство упаковочных материалов.

В последние годы у заводов, поставляющих годное сырье после переработки нефтей, увеличилось количество заказов на производство их продукции. Это привело к постоянному увеличению загрузки производственных мощностей. Отечественные предприятия по производству полимеров получили возможность выходить со своей продукцией на мировой рынок и разнообразить ассортимент выпускаемой продукции. Потенциальной стала модернизация производства, что улучшило качество продукции и снизило затраты на изготовление единицы продукции. В настоящий момент научный и производственный опыт позволяет решать нестандартные задачи по использованию полимеров в различных узлах и механизмах.

Таким образом, для дальнейшего успешного развития данной подотрасли необходим обмен опытом на международном уровне, с целью оптимизации производства полимерной продукции по всему миру. Развитие какой-либо отрасли не может быть ограничено рамками только одной

страны. Уже на ступени обучения новых специалистов существует аспект международного сотрудничества: предусмотрено участие в различных конференциях и стажировках за рубежом. В свою очередь такой обмен опытом невозможен без деятельности переводчиков, владеющих достаточным лексическим терминологическим минимумом данной технической сферы. Как известно, технический перевод представляет особую трудность, так как многие терминологические единицы не заносятся в словари, а узкоспециализированных словарей на данный момент очень мало, большинство из них находится в процессе создания.

Стоит сказать, что термины китайского языка и специальная лексика отличаются особой специфичностью связи между лексическими единицами и обозначаемыми понятиями. Так, например, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева в своих работах обращаются к частной проблеме специальной лексики в общей теории терминологии [5, с. 243; 6, с. 288]. Более того, их теоретические труды помогли китайскому исследователю Чжен Шупу определиться в становлении Харбинской терминологической школы. Чжен Шупу также подчеркивает и высоко оценивает значение теории российской терминологической школы в развитии китайской терминологии.

Предметом исследования терминологии китайского языка является изучение словообразования и употребления специальных слов, с помощью которых обозначаются накопленные человечеством знания. В процессе анализа терминологической базы китайского языка выявляются общие черты, свойственные всем терминам,

ведется поиск оптимальных путей создания и совершенствования систем терминов. Данная работа предполагает сотрудничество российских, китайских и других зарубежных исследователей, которые занимаются проблемами терминоведения.

В своих трудах российские исследователи подчеркивают, что важным свойством терминологических систем любого языка является их системность, которая создается классификацией понятий и реализуется в единообразном построении терминов. Так, например, В. И. Кочергин предлагает следующую классификацию терминов [7, с. 106]:

1. Термины, заимствованные полностью из языка оригинала, когда план выражения совпадает с планом содержания. Такие термины встречаются сравнительно не часто, и в своем большинстве представляют собой единицы измерения. Также можно встретить примеры терминологических заимствований из области науки и техники. Например, 聚二甲基硅氧烷 *jùèrjǐjiǎguīyǎngwán* — «полидиметилсилоксан», где 聚 *jù* — «поли-», 二甲基 *èrjǐjiǎ* — «диметил», 硅氧烷 *guīyǎngwán* — «силоксан».

1. Термины международного характера, которые передаются путем транслитерации, их другое название — «фонетические кальки». Например, 尼龙 *nílóng* — нейлон. Гибридные заимствования так же относятся к этому виду. Они состоят из двух частей: чисто фонетической кальки и семантической зависимости. Например, 异戊橡胶 *yìwùxiàngjiāo* — «изопреновый каучук», где 异 *yì* является фонетическим заимствованием приставки «изо-», 戊 *wù* — «пятый циклический знак», означающий, что в цепи присутствует пять атомов водорода, а 橡胶 *xiàngjiāo* — «каучук».

1. Семантические заимствования. Представляют собой перевод на китайский язык семантического содержания иноязычного термина. Например, «взрывчатка» 炸药 *zhà yào*, где 炸 *zhà* — взрываться, лопаться, 药 *yào* — порох.

Обобщая выше сказанное, следует отметить, что классификация, данная В. И. Кочергиным, не является единственной. Такие знаменитые исследователи китайского языка, как В. И. Горелов и А. Л. Семенов, также дали свое видение терминообразования, однако, стоит сказать, что данные классификации имеют общие черты.

Основой нашего исследования послужила классификация образования терминов В. И. Кочергина, так как, работая с ней, мы смогла охватить весь материал, полученный в ходе выборки терминов из статей по производству полимеров, написанных на китайском языке [1, 2, 3, 4]. Перевод терминов на русский язык был проверен Кривцовой Ксенией Борисовной, химиком-инженером первой категории, инженером-исследователем ИХН СО РАН, окончившей Томский Государственный университет по специальности «Химия нефти и нефтехимия».

1. В текущем исследовании упор был сделан на терминологические единицы подотрасли производства полимерной продукции, образованные путем полного заимствования, когда план содержания и план выражения

слова или словосочетания полностью совпадают. Например, 聚乙烯 *jù yǐ xī* — «полиэтилен», где 聚 *jù* в сложных химических терминах соответствует приставке «поли-», 乙烯 *yǐ xī* — «этилен». Схожими примерами являются 聚丙烯 *jù bǐ ng xī* — «полипропилен», 聚氯乙烯 *jù lǜ yǐ xī* — «поливинилхлорид», 聚苯乙烯 *jù bē n yǐ xī* — «полистирол», 聚甲醛 *jù jiǎ quā n* — «полиформальдегид», 聚异丁烯 *jù yì dī ng xī* — «полиизобутилен», 聚烯烃 *jù xī tī ng* — «полиолефин», 聚酰胺 *jù xiā n 'à n* — «полиамид», 聚己内酰胺 *jù yǐ nèi xiā n 'à n* — «поликапролактан», в которых 聚 *jù* соответствует приставке «поли-», а вторыми компонентами являются 丙烯 *bǐ ng xī* — «пропилен», 氯乙烯 *lǜ yǐ xī* — «винилхлорид», 苯乙烯 *bē n yǐ xī* — «стирол», 甲醛 *jiǎ quā n* — «формальдегид», 异丁烯 *yì dī ng xī* — «изобутилен», 烯烃 *xī tī ng* — «олефин», 酰胺 *xiā n 'à n* — «амид», 己内酰胺 *yǐ nèi xiā n 'à n* — «капролактан» соответственно. Вышеприведенные терминологические единицы являются простейшими примерами полного заимствования.

1. Рассмотрим другой термин, образованный способом полного заимствования: 氟塑料 *fú sù liào* — фторопласт, где 氟 *fú* — «фтор», 塑料 *sù liào* — «пластмасса». 丁基橡胶 *dī ng jī xiàng jiā o* — «бутилкаучук», в котором 丁基 *dī ng jī* — «бутил», 橡胶 *xiàng jiā o* — «каучук». Например, 聚二甲基硅氧烷 *jù èr jǐ jiǎ guī yǎ ng wán* — «полидиметилсилоксан», где 聚 *jù* — «поли-», 二甲基 *èr jǐ jiǎ* — «диметил», 硅氧烷 *guī yǎ ng wán* — «силоксан», также служит ярким примером.

1. Подобным, достаточно простым в заимствовании, является термин 共聚物 *gòng jù wù* — сополимер, где 共 *gòng* в сложных химических терминах соответствует приставке «со-», а 聚物 *jù wù* — «полимер». В этот ряд также можно поставить 二烯炔 *èr xī tī ng* — «диолефин» и 单烯炔 *dā n xī tī ng* — «моноолефин», где 烯炔 *xī tī ng* — «олефин», а 二 *èr* и 单 *dā n* в сложных терминах служат приставками «ди-» и «моно-».

1. Обратимся к терминологическим сочетаниям, образованным путем полного заимствования. Например, 丁苯橡胶 *dī ng bē n xiàng jiā o* — «бутилбензолный каучук» и 丁腈橡胶 *dī ng jī ng xiàng jiā o* — «бутонитрильный каучук», где второй компонент 橡胶 *xiàng jiā o* — «каучук», а 丁苯 *dī ng bē n* — «бутилбензол» и 丁腈 *dī ng jī ng* — «бутонитрил». 硅橡胶 *guī xiàng jiā o* — «силиконовая резина», где 硅 *guī* — «силикон», 橡胶 *xiàng jiā o* — «каучук, резина». 腈纶 *jī ng lún* — «нитриловое волокно», в котором 腈 *jī ng* — «нитрил», 纶 *lún* — «сученая нить, волокно».

1. Более сложным терминологическим сочетанием, возникшим в результате полного заимствования, является 甲基丙烯酸甲酯共聚物 *jiǎ jī bǐ ng xī suā n jiǎ zhǐ gòng jù wù* — «сополимер метилпропановой кислоты и метилового эфира», в котором 甲基丙烯酸 *jiǎ jī bǐ ng xī suā n* — «метилпропановая кислота», 甲酯 *jiǎ zhǐ* — «метильный эфир» и 共聚物 *gòng jù wù* — «сополимер». Рассмотрим следующее терминологическое сочетание 氯化聚乙烯 *lǜ huà jù yǐ xī* — «хлорированный полиэтилен», где 氯化 *lǜ huà* — «хлорирование, хлорированный», 聚 *jù* — «поли-», 乙烯 *yǐ xī* — «этилен».

1. Терминологическое сочетание, несмотря на свою громоздкость, также является примером полного заимствования. 聚2,6-二甲基苯醚 jù 2,6-èr jiǎjībēnmí — «поли-2,6-диметилфениловый эфир», где 聚 jù — «поли-», 二甲基 èrjiǎjī — «диметил», 苯醚 bēnmí — «фениловый эфир».

1. Примем во внимание другие примеры полного заимствования. 高密度聚乙烯 gāomìdùjù yǐxī — «полиэтилен высокой плотности», где 高密度 gāomìdù — «высокая плотность, высокая концентрация», 聚 jù — «поли-», 乙烯 yǐxī — «полиэтилен». 低密度聚乙烯 dīmìdùjù yǐxī — полиэтилен низкой плотности, где 低密度 dīmìdù — «низкая плотность, низкая концентрация», 聚 jù — «поли-», 乙烯 yǐxī — «полиэтилен». 线性低密度聚乙烯 xiànxìng dīmìdùjù yǐxī — линейный полиэтилен низкой плотности, где 线性 xiànxìng — «линейный, линейность», 低密度 dīmìdù — «низкая плотность, низкая концентрация», 聚 jù — «поли-», 乙烯 yǐxī — «полиэтилен».

Можно говорить о том факте, что не только различные термины, но и терминологические сочетания составляют

группу полного заимствования. Терминов, образованных данным способом, достаточно много, так как для китайского языка свойственно перенимать термины международного характера.

Терминология, как раздел лингвистики, подвержена иноязычному влиянию, и постоянно претерпевает различные изменения. Однако, несмотря на трудности, лингвисты уделяют процессам образования терминов особое внимание. Китайский язык, как язык страны с быстрым научным и экономическим развитием, представляет наибольший исследовательский интерес. Стоит отметить, что перевод научно-технической китайской лексикой является интересным, но сложным актом, и для его успешного прохождения необходимо знание узкоспециализированной терминологии не только исходного языка, но и переводящего. Зачастую требуется помощь специалистов, так как в китайско-русских и русско-китайских словарях встречаются ошибки в переводе терминов, помимо этого, многие термины еще не были включены в словарные издания.

Литература:

1. 丁亮《常见聚合物的合成》/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/5cb2728ea0116c175f0e4869.html> (03.07.2014)
1. 丁亮《聚苯乙烯工艺设计》/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/32f10459be23482fb4da4c28?fr=prin> (03.07.2014)
1. 林宥嘉《高聚物》/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/e9230a0603d8ce2f006623ab.html> (03.07.2014)
1. 荣邦张《聚合物燃烧特性表》/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/1faaaa77f46527d3240ce04c.html> (03.07.2014)
2. Суперанская, А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология и вопросы теории. М.: Наука, 1989. — 243 с.
3. Суперанская, А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Кочергин, В. И. Очерки лингводидактики китайского языка, С.106–126

Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции

Лебедева Ирина Олеговна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный университет

Развитие нефтехимической промышленности стало причиной образования новых экономических связей между Россией и Китаем, что напрямую внесло изменения в отраслевую терминологию двух языков. Как известно, исследование терминологии относится к числу наиболее важнейших проблем современной лингвистики. Именно поэтому изучение типологически разных языков,

а конкретно русского и китайского, представляет собой большой научный интерес. Полимерное производство является одной из главных отраслей переработки вторичного нефтяного сырья в России, что связано с богатыми залежами нефти, как на земле, так и под водой. Тем временем, Китай расширяет освоение не только нефтедобывающей промышленности, но и нефтехимической, так как спектр

использования полимерной продукции весьма широк, полимеры используются, как при изготовлении одежды, так и при изготовлении строительных материалов. В этой связи Россия и Китай установили партнерские отношения в данной области. В условиях ускоренного роста экономики и промышленности Китая, производство полимеров вышло на первый план, что послужило основой для возникновения и заимствования различных терминов.

Таким образом, успешное сотрудничество Китая с его партнерами невозможно без грамотной переводческой деятельности, а, как известно, терминологическая лексика вызывает трудности при переводе и требует от переводчика владения определенным объемом технической терминологии. В этой связи исследования процессов терминообразования в китайском языке являются наиболее актуальными в таких бурно развивающихся отраслях, как нефтедобывающая, нефтехимическая и др. Выбранная нами подотрасль производства полимерной продукции изобилует узкоспециализированными терминами, поэтому ее изучение представляет большое теоретическое и практическое значение.

Стоит сказать, что один из известных представителей современного российского терминоведения С. В. Гринев отмечает, что данная молодая наука имеет огромное значение в будущем развитии человечества [5, с. 304]. Поэтому в период формирования молодой науки совершенно естественным является сосуществование переплетающихся концепций и положений теоретических основ, выдвигаемых разными исследователями китайской терминологии. Так, например, современное китайское терминоведение представлено тремя основными школами — Харбинской, Пекинской и Шанхайской.

В нашем исследовании мы придерживались традиций Харбинской школы, представитель которой Чжен Шупу считает, что современные терминологические исследования должны опираться на теоретические положения российской терминологической школы, с учетом большого опыта в терминологической лексикографии китайской терминологической школы [7, в. 2]. Он также полагает, что теоретические разработки российских ученых могут обогатить и расширить практический опыт китайских исследователей в сфере изучения терминоведения.

По этой причине в нашем исследовании главной является классификация способов образования терминов в китайском языке, разработанная В. И. Кочергиным [8, с. 106]. Согласно данной классификации, термины образуются тремя способами: полным, семантическим и фонетическим заимствованием. Полное заимствование отличается совпадением плана содержания и плана выражения слова или словосочетания. Если при переходе из языка в язык план содержания термина совпадает, а различие идет в плане выражения, то термин образован путем семантического заимствования. В ходе фонетического заимствования при помощи китайских иероглифов передается звучание термина на языке-доноре. В данном исследовании упор был сделан на терминологические единицы подотрасли производства полимерной продукции,

образованные путем семантического заимствования. Перевод терминов на русский язык, полученных в ходе выборки из статей по производству полимеров, написанных на китайском языке [1,2,3,4], был проверен Кривцовой Ксенией Борисовной, химиком-инженером первой категории, инженером-исследователем ИХН СО РАН, окончившей Томский Государственный университет по специальности «Химия нефти и нефтехимия».

Следует отметить, что анализ терминов, образованных путем семантического заимствования, оказался наиболее интересным, так как зачастую используется описательный перевод свойств или состава полимера. Например, термин 均聚物 jūn jù wù — «гомополимер», где 均 jūn — «одинаковый», 聚物 jù wù — «полимер», на выходе акта буквального перевода термин звучит как «одинаковый полимер», имеется в виду, что все звенья в цепи полимера одинаковые. Таким образом, план содержания раскрывает структуру вещества.

Разберем следующий пример. 聚碳酸酯 jùtānsuānzǐ — поликарбонат, где 聚 jù — «поли-», 碳酸 tànsuān — «угольная кислота», 酯 zhǐ — «сложный эфир». В данном случае передается состав вещества, так как карбонат — соль угольной кислоты. На состав вещества также делается упор и в другом термине, 聚四氟乙烯 jùsìfúyǐxī — «тефлон», где 聚 jù — «поли», 四 sì — «четыре», 氟 fú — «фтор», 乙烯 yǐxī — «этилен», а тефлон состоит из молекул этилена, водород в которых полностью замещен атомами фтора, одна молекула тефлона представляет собой молекулу этилена, в которой четыре атома водорода замещены четырьмя атомами фтора.

Обратимся к другому термину. 聚甲基丙烯酸甲酯 jùjiǎjībǐngxīsuānjiǎzhǐ — поли-метилметакрилат, где 聚 jù — «поли-», 甲基 jiǎjī — «метил», 丙烯酸 bǐngxīsuān — «акриловая кислота», 甲 jiǎ — «первый, первый знак десятиричного цикла», 酯 zhǐ — «сложный эфир». В данном случае 甲 jiǎ является метилом, это связано с тем, что метил занимает первое место в номенклатуре порядка углеродной цепи. Таким образом, мы получаем приставку «мета-» в метакрилате — соли метакриловой кислоты. А иероглиф 酯 zhǐ — «сложный эфир» связан с тем, что это в данном случае полимеризация идет по эфирной цепи.

Рассмотрим следующий термин 聚对苯二甲酸乙二醇酯 jùduìběnèrjǐāsùānyǐèrchúnzhǐ — «полиэтилентерфталат», где 聚 jù — «поли-», 对 duì — «симметричный», 苯 běn — «бензол», 二 èr — «два», 甲酸 jiǎsuān — «муравьиная кислота», 乙二醇 yǐèrchún — «двух-атомный спирт», 酯 zhǐ — «сложный эфир». Чтобы разобраться, почему вышеперечисленные иероглифы были использованы в рассматриваемом термине, необходимо обратиться к составу полимера. Полимеризация по эфирной связи объясняет наличие 酯 zhǐ — «сложный эфир», внутри молекулы полимера находятся бензол (苯 běn), двухатомный спирт (乙二醇 yǐèrchún), две части муравьиной кислоты по сторонам от бензола (二 èr, 甲酸 jiǎsuān), а так как молекула бензола является симметричной, это закрепляется иероглифом 对 duì — «симметричный».

Возьмем другой пример. 聚丙烯腈 *jùbǐngxījīng* — «полиакрилонитрил», где 聚 *jù* — «поли-», 丙烯 *bǐngxī* — «пропилен», 腈 *jīng* — «нитрил». Различие буквального перевода и терминологического названия объясняется тем, что в состав полиакрилонитрила входят молекулы нитрила и пропилена. Термином, где также упор делается на состав вещества, является 聚羧苯二酸二烯丙酯 *Jùlínbēnèrsuānèrxībǐngzhǐ* — полидиаллилфталат, где 聚 *jù* — «поли-», 羧 *lín* — «кристально-чистый», 苯 *bēn* — «бензол», 二 *èr* — «два», 酸 *suān* — «кислота», 烯 *xī* — «олефин», 丙 *bǐng* — «третий циклический знак», 酯 *zhǐ* — «сложный эфир». Полидиаллилфталат является сложным эфиром (酯 *zhǐ*), в составе полимера находится молекула бензола (苯 *bēn*), к которой симметрично крепятся два кислородных остатка (二 *èr*), а к остаткам крепятся трехуглеродныеолефиновые радикалы (丙 *bǐng*, 烯 *xī*), а иероглиф 羧 *lín* — «кристально-чистый» указывает на то, что полидиаллилфталат является прочным, прозрачным как стекло, волокном.

Обратимся к следующему термину 聚乙烯醇缩甲醛 *jùyǐxíchúnsuōjiǎquán* — «поливинилформальдегид», где 聚乙烯醇 *jùyǐxíchún* — «поливиниловый спирт», 缩 *suō* — «связывать», 甲醛 *jiǎquán* — «формальдегид». В данном случае акцент ставится на структуру полимера, в котором кислородный мостик связывает (缩 *suō*) первый и третий углероды в цепи. Термин 丙烯腈 *bǐngxījīng* — «акрилонитрил», где 丙烯 *bǐngxī* — «пропилен», а 腈 *jīng* — «нитрил», помимо акцента на структуру, имеет акцент на состав полимера, в котором пропилен является основой, а один из углеродов связан тройной связью с азотом, иначе говоря, в полимере присутствует нитриловая связь. Так, например, в термине 聚氨酯 *jù'ānzǐ* — «полиуретан», где 聚 *jù* — «поли-», 氨 *ān* — «аммиак», 酯 *zhǐ* — «сложный эфир», наличие иероглифа 氨 *ān* — «аммиак» объясняется тем, что в состав полиуретана входит аммиак.

Перейдем к другому примеру. 聚醋酸乙烯酯 *jùcùsuānyǐxīzhǐ* — «поливинилацетат», где 聚 *jù* — «поли-», 醋酸 *cùsuān* — «уксусная кислота», 乙烯 *yǐxī* — «винилацетат», 酯 *zhǐ* — «сложный эфир». В данном случае невозможно точно утверждать, что это полное заимствование, так как присутствует иероглиф 酯 *zhǐ* — «сложный эфир», который указывает на то, что данный полимер является сложным эфиром, возникшим в результате эфирной полимеризации.

Другим, не менее, интересным термином является 涤纶 *dīlún* — «полиэстр», где 涤 *dí* — «мыть, чистить», 纶 *lún* — «сученая нить, волокно». Ни для кого не секрет, что капроновые колготки сделаны из полиэстера. Тогда почему же, если это семантическое заимствование, в китайском языке нет никакой ссылки на колготки? Дело в том, что полиэстер, используемый для производства капроновых колготок, это полимер высокого давления, способ его изготовления обеспечивает упругость, блеск, одним словом, товарный вид продукции. В это же время полиэстер, полученный не при высоком давлении, а в более легких условиях, используется для производства предметов быта, таких как мочалки, губки для мытья по-

суды, специальные салфетки для уборки по дому и прочее, поэтому в термине присутствует иероглиф 涤 *dí* — «мыть, чистить».

Примем во внимание терминологические словосочетания, образованные семантическим заимствованием. Например, 三聚氰胺甲醛树脂 *sānjùqíng'ānjiǎquánshùzhī* — «ме-ламинформальдегидная резина», где 三聚氰胺 *sānjùqíng'ān* — «меламин», 甲醛 *jiǎquán* — «формальдегид», 树脂 *shùzhī* — «смола». Следует уточнить, что резина это обозначение товарного продукта, а смола — обозначение химическую структуру соединения, поэтому в данном случае 树脂 *shùzhī* — «смола» указывает на структуру, в то время как «резина» является наименованием товара.

Обратимся к следующему терминологическому сочетанию 丙烯酸酯-丙烯酸酯-苯乙烯共聚物 *bǐngxīsuānzǐ-bǐngxīsuānzǐ-běnyǐxīgòngjùwù* — «сополимер диакрилата и стирола», где 共聚物 *gòngjùwù* — «сополимер», 苯乙烯 *běnyǐxī* — «стирол», 丙烯酸酯 *bǐngxīsuānzǐ* — акрилат. В данном примере «диакрилат» подразумевает две молекулы акрилата, которые буквально выразил китайский термин. Перейдем к другому словосочетанию 苯乙烯类热塑性弹性体 *běnyǐxīlèirèshùxìngtánxìngtǐ* — «термопластичный эластомер на основе стирола», где 苯乙烯 *běnyǐxī* — «стирол», 类 *lèi* — «класс, вид», 热塑性 *rèshùxìng* — «термопластичность», 弹性 *tán* — «эластичный», 性 *xìngtǐ* — «характер». «Эластомер» образуется при помощи сочетания слов 弹性 *tán* — «эластичный» и 性 *xìngtǐ* — «характер», получая на выходе буквального перевода «вещество эластичного характера». 类 *lèi* — «класс, вид» используется в свою очередь для уточнения, что эластомер состоит из соединений стиролового класса.

Рассмотрим следующий пример. 醋酸纤维 *cùsuānxiānwéi* — «ацетат целлюлозы», где 醋酸 *cùsuān* — «уксусная кислота», 纤维 *xiānwéi* — «волокно». Уточним, что ацетат это соль уксусной кислоты, а целлюлоза представляет собой волокно. Другой термин 乙丙橡胶 *yǐbǐngxiàngjiāo* — «этиленпропиленовый каучук», где 乙 *yǐ* — «второй циклический знак», 丙 *bǐng* — «третий циклический знак», 橡胶 *xiàngjiāo* — «каучук», снова приводит нас к номенклатуре порядка углеродной цепи, где этил занимает второе место (乙 *yǐ*), а пропилен — третье (丙 *bǐng*). Следующий пример также делает упор на состав и структуру полимера. 顺丁橡胶 *shùndǐngjiāo* — «бутадиеновый каучук», где 胶 *jiāo* — «каучук», 丁 *dīng* — «четвертый циклический знак», 顺 *shùn* — «приводить в порядок».

В данном полимере цепи не являются хаотичными, а находятся в строгом порядке (顺 *shùn*), также в цепи присутствуют 4 углерода, помимо того бутадиен занимает четвертое место в уже упомянутой номенклатуре порядка углеродной цепи.

В заключение стоит отметить следующее: проникновение большого количества иноязычных терминов в китайский язык не является отрицательным фактом, на-

оборот, он обогащает язык, делая его более емким, выразительным. Входя в китайский язык, иностранные лексические единицы подвергались переоформлению в соответствии с внутренними законами его развития. Терминологические элементы, образованные путем семантического заимствования, крайне разнообразны и многочисленны. Это обусловлено тем, что не всегда удобно перенимать термин полностью, к тому же, как выяснилось, семантическим заимствованием образованы самые первые термины отрасли, перешедшие в язык-ре-

ципиент. Впоследствии на их основе образовывались термины, полученные способом полного заимствования, или даже устоявшийся термин семантического заимствования заменялся таким же термином полного заимствования.

Основываясь на том, что роль полимерной продукции в современном мире велика, — в китайском языке будут продолжаться появляться новые термины. В этой связи, на наш взгляд, изучение и обобщение знаний в сфере китайского терминоведения является перспективным и актуальным направлением.

Литература:

1. 丁亮《常见聚合物的合成》/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/5cb2728ea0116c175f0e4869.html> (03.07.2014)
2. 丁亮《聚苯乙烯工艺设计》/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/32f10459be23482fb4da4c28?fr=prin> (03.07.2014)
3. 林宥嘉《高聚物》/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/e9230a0603d8ce2f006623ab.html> (03.07.2014)
4. 荣邦张《聚合物燃烧特性表》/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/1faaaa77f46527d3240ce04c.html> (03.07.2014)
5. Гринев, С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
6. У Ликунь. Об аффиксальном терминоведении в китайском языке // Сборник материалов научной конференции «Научнотехническая терминология». М.: ВНИКИ, 2002. Вып. 2.
7. 述. 展我国的学研究。/名工作。25—27。北京, 2007年。
8. Кочергин, В. И. Очерки лингводидактики китайского языка, 106—126 с.

Лингвостилистический анализ перевода рассказа Т. Г. Капоте «Выгодная покупка» на русский язык и его роль в развитии современной новеллистики США

Левина Элина Александровна, студент

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Челябинская область)

В статье рассматривается рассказ Т. Г. Капоте «Выгодная покупка». Автором проводится сравнительно-сопоставительный анализ американского художественного текста с его переводом на русский язык.

Ключевые слова: художественный текст, эквивалентность перевода, сравнительно-сопоставительный анализ, стилистические особенности, контекст, новелла

Обращаясь ко многим темам в области переводоведения, можно выделить наиболее сложный вид работы, связанный с перемещением художественного текста из одной языковой и культурной среды в другую. Литературный перевод — это воспроизведение содержания подлинника со всеми особенностями его словесного оформления средствами другого языка. Такой процесс является не только профессиональной деятельностью, но скорее видом творчества. Художественное слово не тождественно слову в обыденной речи; с его помощью создается особая «художественная действительность».

Многие исследователи работали над данной проблемой. Среди авторов, проследивших становление

и развитие вопроса можно выделить В. С. Виноградова, Т. А. Казакову, В. С. Колесникову и других. Например, В. С. Колесникова писала, что «... между читателем и писателем существует временная преграда, а в изобразительном переводе возникает еще и третье лицо — переводчик, перед которым появляются трудные задачи перевода юмора, устойчивых выражений, сохранения стиля и культурных особенностей, ухода от дословного перевода» [5, с. 40].

Процесс коммуникации между писателем и читателем имеет свои особенности. Участники дискурса отдалены друг от друга в пространстве и во времени. Даже тогда, когда читатель берет в руки художественное произве-

дение на русском языке, ему не всегда удается адекватно воспринять оттенки авторской мысли и замыслов.

Также К. Чуковский и М. Горький писали о том, что «... переводчик должен обладать широким филологическим кругозором, профессиональным фонематическим слухом, богатым словарем и чувством стиля» [7, с. 10].

«В настоящее время американская литература признана национально-самобытной. Однако примеры английской словесности, с их опорой на народный художественный опыт, стали тем фундаментом, на котором развивалась поэзия и проза США» [2, с. 94]. Мы решили рассмотреть особенности художественного перевода на примере рассказа американского писателя Трумэна Капоте «Выгодная покупка».

Творчество Трумэна Капоте представляет интерес для лингвистической и литературоведческой наук. Свою точку зрения на своеобразие прозы писателя представила В. Шохина. Вопросы эволюции образов героев его книг частично осветили в своих работах В. П. Калинин и Н. А. Чугунова.

Т. Капоте стал основателем жанра «невывымышленный роман» (non-fiction novel), что подразумевало описание реальных событий с помощью приёмов прозы, «как роман, но точно в малейших деталях» [10]. Автор обладал причудливой фантазией, писал в цветистом, бурлескном стиле, с грубовато-небрежным юмором. За свои новеллы Капоте трижды получал премию О. Генри.

Книги Капоте неоднородны по темам и художественным приемам, однако им присуща общность, проистекающая из специфического мировосприятия автора и его эстетического осмысления действительности, свидетельствующая о несомненной принадлежности писателя к южной литературной традиции.

Рассказ «Выгодная покупка» был впервые опубликован в сентябре 2004 года и переведен на русский язык всего один раз О. Качановой. Изначально этот рассказ был утерян, сам Т. Капоте впервые упомянул о нем в письме 1950 г., после того как написал другую свою известную книгу «Другие голоса, другие комнаты».

Наша работа основывается на фактическом материале, полученном при анализе рассказа «Выгодная покупка». Выбор именно этого произведения обусловлен тем, что в нем явственно проявилась специфика творчества Капоте, оно включает в себя реалии быта, истории и культуры американского Юга.

Одной из трудностей художественного перевода, с которой сталкивается переводчик — безэквивалентная лексика. Таким примером в рассказе «Выгодная покупка» являются названия географических мест: Greenwich, Manhattan и т.д.

Точность перевода достигается активным использованием различных типов реалий, например этнографические реалии: The Red Cross — организация Красный Крест, а coat — в переводе « меховая шуба », а не « пальто ». Проанализировав художественный текст Т. Капоте, мы обратили внимание на преобладание реалий быта (транспорт, одежда, средства массовой информации, религия, отдых и т.д.).

Слова-реалии имеют большое значение в тексте Трумэна Капоте. Характеристики времени, места дают более полное представление о действии в произведении, позволяют представить соответствующий портрет персонажа и правильно оценить поступки героев, а также они способствуют более полному воплощению идеи писателя, что необходимо учитывать при переводе произведения.

В самом начале рассказа, при описании главной героини Алисы Северн, часть предложения «described Alice Severn as just too bohemian» переведена О. Качановой как «упрекала ее в излишней богемности». Или «she was a little taken back» — «устыдилась своей экспансивности».

Эти примеры показывают разницу в менталитетах русской и американской культур — русская речь отличается прямолинейностью, жесткостью и, иногда грубостью выражения мысли. Для американца такое переложение мысли неприемлемо.

— «Уточнение прозвучало так уморительно» — «humorlessly».

— «Озлобленной улыбкой» — «pleasant, but astonished smile».

— «I wasn't a pleasure to him» — «я ему не пара».

— «It isn't worth anything, is it?» — «дрянь, да?»...

— «... for she disliked the hint of nature» — «... она не выносила и намек на природу».

— «You see how far behind I am» — «Как я отстала от жизни!»

— «Pausing to let its magic develop» — «чтобы магия успела подействовать».

Критик К. Т. Рид выделяет три типа персонажей в произведениях Т. Капоте: ищущий ребенок («the child as seeker»), образ, несущий автобиографические черты, жертва («the victim»), бродяга («the free-spirited vagabond»), экзотический персонаж, живущий в мире, не подчиняющемся общим законам.

Мы считаем, что Алиса Северн относится ко второму типу — «жертва». Она — жертва обстоятельств, женщина с несчастно сложившейся судьбой, но не потерявшая силы духа и еще способная любить. Такой образ автор рисует посредством сравнения героини с хрупким цветком:

— «a rosy woman» — «цветущая женщина».

— «and her head, balanced precariously on her thin neck, was like a chrysanthemum too heavy for its stalk» — «и ее голова качнулась на тонкой шее, словно хризантема, слишком тяжелая для своего стебля».

Перевод О. Качановой в данном рассказе можно считать эквивалентным, тексты переведены точно, с сохранением образа и структуры. В данном случае Качанова следовала принципам стратегии смысла, ей пришлось находить эквиваленты по аналогии со стилем, предложенным автором. Мы считаем, что данный перевод можно считать эталонным, т.к. соблюдены все особенности, смысл слов не искажен и полностью сохранена манера письма Трумэна Капоте.

Подводя итог, следует отметить, что изучению стилистических особенностей художественной техники писателя не уделялось достаточного внимания. И на примере рассказа «Выгодная покупка» мы рассмотрели качество художественного перевода, основанного на дифференциации культур, необходимости изучения слов-реалий, нахождении эквивалентов и использовании безэквивалентной лексики.

Многие произведения Трумэна Капоте до сих пор не опубликованы, большая часть не переведена на другие языки. Мы считаем, что произведения именно этого автора составляют наибольшую ценность для переводчика, т.к. особый стиль Трумэна Капоте и использование слов-реалий значительно упрощают работу переводчика и позволяют читателю наиболее полно понять авторский замысел.

Литература:

1. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978. — С.172.
2. Галлямова, М. С. Национальное своеобразие английской драматургии XVIII века в литературе США до 1900 года//FORMS OF SOCIAL COMMUNICATION IN THE DYNAMICS OF HUMAN SOCIETY DEVELOPMENT Materials digest of the XXXVII International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in philological, historical and sociological sciences. (London, December 05 — December 10, 2012). Chief editor — Pavlov V. V. London, 2013. — с. 94–96.
3. Казакова, Т. А. Роль речемыслительного стереотипа в художественном переводе//Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология, 2002. — С.24.
4. Калинин, В. П. Способы передачи американских реалий (на материале романов Т. Капоте) Калининский государственный университет, 1989. — С.51–57.
5. Колесникова, В. С. К проблеме художественного перевода как речемыслительной деятельности//Мир языка и межкультурная коммуникация/Материалы международной научно-практической конференции. Ч.1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. — С.38–42.
6. Чугунова, Н. А. К проблеме эволюции образа в творчестве раннего Т. Капоте // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX — XX веков: проблема художественного образа. — Иваново, 1993. — С.72–80.
7. Чуковский, К. И. Переводы прозаические// Принципы художественного перевода. — Петроград: Изд-во «Всемирная литература» при Народном Комиссариате по Просвещению, 1919. — с. 7–24
8. Шохина, В. Трумэн Капоте: гений с повадками фрика// [электронный ресурс] — URL: http://www.chaskor.ru/article/trumen_kapote_genij_s_povadkami_frika_20164 (дата обращения 09. 03. 15)
9. *Capote, T. The Bargain//The Complete Stories of Truman Capote //Random House, 2004.*

Анализ перевода названий современных французских художественных произведений на русский, английский и итальянский языки

Лиходкина Ирина Александровна, кандидат филологических наук
Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

Название играет очень важную роль для произведения, во многом даже определяет его дальнейшую судьбу, так как может привлечь или оттолкнуть потенциального читателя. Большое значение при выборе названия имеет замысел самого автора, а именно какую информацию он хочет сразу предоставить читателю.

Название романа популярного французского писателя Г. Мюссо (G. Musso) [3] “Et après...” (2004 г.) несколько не раскрывает сюжет. Тем не менее поставленное автором многоточие подразумевает какую-то недосказанность, даже интригу. Читателю хочется узнать, что же будет потом (après), а главное, что же случилось раньше.

Таким образом, цель названия — заинтриговать, заставить читателя задуматься, но никоим образом ни раскрыть содержание произведения.

В итальянском переводе данная книга вышла под названием: “L’uomo chi credeva di non avere più tempo” (букв. Мужчина, который думал, что у него больше нет времени). “Et après...” имеет полный эквивалент в итальянском языке: “E dopo...”, но переводчик счел необходимым дать свое оригинальное название, тем самым нарушив замысел автора — лишь заинтриговать читателя, предоставив ему обширную почву для размышления. Итальянскому читателю сразу же становится известен

главный герой — мужчина, с которым что-то произошло и у него не осталось больше времени.

Русский и английский переводы точно передают идею автора: «После...» и «Afterwards...».

Рассмотрим другие переводы названий произведений Г. Мюссо на русский, английский и итальянский языки. Жирным шрифтом выделены переводы, отличающиеся от оригинала.

Таблица 1. Перевод названий произведений Г. Мюссо на русский, английский и итальянский языки

Французский (оригинал)	Русский	Английский	Итальянский
Sauve-moi (2005 г.)	Спаси меня	A Mix-Up in Heaven (букв. Путаница на небесах)	La donna che non poteva essere qui (букв. Женщина, которая не могла быть здесь)
Seras-tu là? (2006 г.)	Ты будешь там?	Will You Be There?	Chi ama torna sempre indietro (букв. Кто любит всегда возвращается)
Parce que je t'aime (2007 г.)	Потому что я тебя люблю	Lost and Found (букв. Потерявшаяся и найденная)	Quando si ama non scende mai la notte (букв. Когда любят, никогда не наступает ночь)
Je reviens te chercher (2008 г.)	Я возвращаюсь за тобой	One Day, Perhaps (букв. Однажды, возможно)	Ti vengo a cercare
Que serais-je sans toi? (букв. Кем бы я был без тебя?) (2009 г.)	Я не могу без тебя	Where Would I Be Without You? (букв. Где бы я был без тебя?)	Perché l'amore qualche volta ha paura (букв. Почему любовь иногда боится)
La Fille de papier (2010 г.)	Бумажная девушка	Girl on Paper	La ragazza di carta
L'Appel de l'ange (2011 г.)	Зов ангела	Call from an Angel	Il richiamo dell'angelo
7 ans après (2012 г.)	Прошло семь лет...	Seven years later	Sette anni senza di te (букв. Семь лет без тебя)

Сравнивая оригинальные названия с их переводами на другие языки часто даже трудно определить, что это одно и то же произведение и возникает вопрос: «С какой целью переводчик или редактор до неузнаваемости меняет легкопереводимое название?» Озаглавливая свою книгу, автор прежде всего адресует её публике, говорящей на его родном языке и не задумывается какой эффект будет производить то или иное заглавие на иноязычного читателя. Основная задача переводчика — передать интенцию автора, сохранив то же эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя.

Проанализировав названия книг Г. Мюссо, приведенных в таблице выше, и их переводы, можно выделить следующие приемы передачи заглавий:

— Буквальный или почти буквальный перевод.

Таким образом переданы заглавия на русский язык и многие заглавия на английский язык.

— Смысловой перевод с учетом содержания всего произведения. Например, название романа “7 ans après (букв. 7 лет спустя) на итальянском языке звучит так: “Sette anni senza di te” (букв. Семь лет без тебя) и хорошо отражает сюжет: супруги развелись и лишь через 7 лет определенные события сводят их вместе.

— Подборка нового заглавия.

Можно заметить, что наиболее абстрактно переданы французские названия на итальянский язык. Большинство получившихся названий даже нельзя назвать переводами, поскольку они представляют собой абсолютно другие выражения, несколько не совпадающие с оригиналом и несущие другую смысловую нагрузку. Так, например, роман “Parce que je t'aime (букв. Потому что я тебя люблю) в Италии вышел под названием “Quando si ama non scende mai la notte (букв. Когда любят, никогда не наступает ночь). В ПЯ использован безличный оборот “si ama и красивое выражение “non scende mai la notte”, указывающий на романтичность итальянской природы, тогда как в ИЯ подлежащее четко обозначено и сама фраза кажется незамысловатой и хочет подчеркнуть, что — сюжет про любовь. Английское название также отличается от оригинала, не передает смысл, заложенный в нем, а без прочтения книги представляется совершенно необоснованным. Ознакомившись с сюжетом: пятилетняя девочка потерялась в магазине и была найдена родителями ровно через пять лет в месте пропажи, название “Lost and Found” (букв. Потерявшаяся и найденная) становится понятным.

К переводу заглавий нужно подходить компетентно, учитывая не только лексико-семантические и граммати-

ческие особенности ИЯ и ПЯ, но и принятое графическое оформление текста. Как правило, все знаменательные слова в английских заглавиях пишутся с прописной буквы.

Сравним названия произведений еще одного известного современного французского писателя Марка Леви (Marc Levy) [4] с их переводами.

Таблица 2. Перевод названий произведений М. Леви на русский, английский и итальянский языки

Французский (оригинал)	Русский	Английский	Итальянский
Et si c'était vrai... (2000 г.)	А если это правда? / Между небом и землей	If Only It Were True	Se solo fosse vero
Où es-tu? (2001 г.)	Где ты?	Will you be There? (букв. Ты будешь там?)	Dove sei?
Sept jours pour une éternité... (2003 г.)	Семь дней творения	Seven Days for an Eternity	7 giorni per l'eternità
La Prochaine Fois (2004 г.)	Следующий раз	In Another Life (букв. В другой жизни)	La prossima volta
Vous revoir (2005 г.)	Встретиться вновь	Finding You	Se potessi rivederti
Mes amis, mes amours (букв. Мои друзья, мои возлюбленные) (2006 г.)	Каждый хочет любить	London Mon Amour	Amici miei, miei amori
Les Enfants de la liberté (2007 г.)	Дети свободы	Children of Freedom	I figli della libertà
Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites (2008 г.)	Те слова, что мы не сказали друг другу	All Those Things We Never Said	Quello che non ci siamo detti
Le Premier Jour (2009 г.)	Первый день	The First Day	Il primo giorno
La Première Nuit (2009 г.)	Первая ночь	The First Night	La prima stella della notte (букв. Первая звезда в ночи)
Le Voleur d'ombres (2010 г.)	Похититель теней	The Shadow Thief	Ascoltala mia ombra (букв. Послушай мою тень)

После внимательного рассмотрения «Таблицы 2», можно отметить те же самые тенденции при передаче французских названий: больше всего соответствий в русских переводах, а в английских и итальянских переводах опять встречается частичное или полное искажение смысла оригинала. Наиболее необычно озаглавлен роман “Mes amis, mes amours (букв. Мои друзья, мои возлюбленные) на английском языке: “London Mon Amour” (букв. Лондон — мон амур (фр. моя любовь)). В ПЯ использовано сочетание английских и французских слов, что уже необычно и привлекает читателя, а включение столицы Великобритании в заглавие, несомненно, должно подтолкнуть англичан к покупке данной книги.

Известно, что во многих европейских языках перед именами существительными употребляются артикли. Категория детерминации во французском и итальянском языках совпадает и включает в себя определенный, неопределенный и частичный или партитивный артикли. В английском языке частичный артикль отсутствует. Каждый вид артикля выполняет конкретную функцию и несет определенную смысловую нагрузку. Это необходимо учитывать при переводе. Неопределенный и определенный артикли могут выполнять обобщающую функцию. «Разница между ними заключается в том, что опреде-

ленный артикль указывает на всех представителей данного вида, а неопределенный артикль на каждого представителя» [1, с. 55]. Сравним: “Sept jours pour une éternité...” (фр.) / “Seven Days for an Eternity (англ.) / “7 giorni per l'eternità” (итал.). Французский оригинал и его перевод на английский можно считать абсолютными аналогами, а в итальянском переводе появился небольшой оттенок значения из-за употребления определенного артикля вместо неопределенного.

На перевод названия произведения также может повлиять его экранизация. Так, например, по роману М. Леви “Et si c'était vrai...” (2000 г.) в 2005 г. был снят американский фильм “Just Like Heaven” (букв. Точно как на небесах), который вышел в российский прокат под названием «Между небом и землей» и с тех пор название издаваемых книг было изменено.

Иногда название содержит непонятные иноязычному читателю реалии. Так заглавие романа бельгийской писательницы А. Нотомб “Robert des noms propres” не допускает дословного перевода. Во франкоязычных странах всем известно, что Le Robert — это популярное, заслуживающее уважения издательство многочисленных толковых словарей французского языка, таких как: Le Petit Robert, Le Grand Robert, Le Robert Junior, а также Le Petit

Robert des noms propres и др. В остальных странах только ученые-лингвисты или лица, глубоко интересующиеся французским языком, знакомы с данным издательством. Художественное же произведение нацелено на массового читателя. Поэтому в сопоставляемых языках исходное название подверглось прагматической адаптации и нашло адекватный перевод: «Словарь имен собственных» / “The Book of Proper Names” (англ.) / “Dizionario dei nomi propri” (итал.). Под прагматической адаптацией понимается перевод с учетом информационного запаса получателя. Она «достигается путем включения в текст дополнительных элементов, опущения элементов, избыточных с точки зрения иноязычного получателя, а также путем применения *семантических трансформаций*» [2, с. 163].

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать следующий вывод: к переводу названий книг не всегда применяются те же правила, что и к переводу самого текста художественного произведения. Часто название оригинала меняется до неузнаваемости. Это происходит по ряду причин: неправильное понимание, незнание сюжета книги, наличие фразеологизмов, метафор и реалий в ИЯ, различия в грамматических системах языков и менталитете народов и даже экранизация произведения. Тем не менее, главная причина — стремление сделать заглавие более ярким, экспрессивным, интригующим потенциального читателя/покупателя, а всегда ли это удается и насколько оправдан подобный способ перевода это уже другой вопрос.

Литература:

1. Петрова, Л. А. Практическая грамматика итальянского языка: учебник. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель, 2005. — 222 с.
2. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
3. Wikipédia. L'encyclopédie libre / Guillaume Musso [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Guillaume_Musso, свободный.
4. Wikipédia. L'encyclopédie libre / Marc Levy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Marc_L_Levy](https://fr.wikipedia.org/wiki/Marc_L Levy), свободный.

Модальные значения *will* в английском языке

Ломаев Борис Федорович, кандидат филологических наук, доцент, профессор РАЕ
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Настоящая статья посвящена анализу парадигматических и синтагматических характеристик модального глагола *will*, который вместе с *can* и *may* входит в число главной предикативной лексики, выражающей модальность возможности в английском языке [1, с. 10]. Как показал парадигматический анализ, именно совокупность этих синонимически коррелирующих друг с другом единиц следует считать центром, ядром семантического поля «Возможность». Используемые как основные смысловые элементы при толковании лексики, однозначно и систематически обозначающей понятие возможности в наиболее общем виде /potential — that can come into existence, that may be done, that will work и т.п./, *can*, *may*, *will* передают исследуемое значение возможности во всей его полноте, способны выражать все множество оттенков возможности. Парадигматический анализ показал, что *will* способен передавать такие разновидности обобщенного значения возможности как *probability*, *willingness*, *permission* /*volition*/: «He who *will* not when he *may*, *may* not when he *will*» [2, с. 65].

Анализ употреблений *will* [3, с.34; 108], исследование синтаксических условий реализации выделенных значений *will*, *would* показал, что *will* — *would* не являются такой же

соотносительной парой как *can* — *could* и *may* — *might*, в которых можно наблюдать регулярное противопоставление по времени: настоящее — прошедшее. Между *will* и *would* /также как у *shall* — *should*/ в современном английском языке категориальная временная связь нарушена. Основной функцией *will* /как и *shall*/ является его употребление в значении будущего времени с точки зрения момента речи /Future I/, в то время как основная функция *would* /и *should*/, который по происхождению является формой прошедшего времени от этого глагола, заключается в передаче будущего времени с точки зрения прошедшего /Future II/ [4, с. 55]. Формальным признаком употребления *will* и *would* в значении простого будущего времени, как правило, могут служить их сокращенные формы 'll и 'd /в разговорной речи/.

Как показатели категориальной формы глагола маркеры Futurity *will* и *would* выпадают из системы модальных глаголов. Однако, как показывают результаты парадигматического и синтагматического исследования, *will* и *would* употребляются и в модальных значениях /особенно в диалогической речи/. На употребление *will*, *would* в модальном значении сказывается давление их дистрибу-

тивной модели. Данные глаголы имеют такую же модель синтаксического построения как *can* и *may*. Идентичность конфигурации этих модальных глаголов определяет их семантическое сходство. Однако каждый из этих глаголов отличается свой дифференциальный семантический признак возможности. Их значения возможности дополняют друг друга [5, с. 34]. Если *can* обозначает адекватную, теоретического характера возможность /adequate, theoretical potentiality/, а *may* — случайную, фактическую возможность /contingent, factual potentiality/, то *will*, *would* передают адекватную, уверенную возможность /adequate, sure potentiality или «adequate assurance»/. [6, с. 153]. Ср. употребления данных глаголов, например, в следующем контексте: — Well, they say that a woman can burn a man down. But I can burn down a woman. — Well, there's lots of two-footed women round here that might be willing to test the truth of that statement. — I'm saying I could. I'm not saying I would. (Williams, 252). *Will*, также как и *can*, имеющий интра-субъективное содержание /в отличие от экстра-субъективного содержания *may*/, употребляется, когда возможность совершения действия зависит от самого субъекта, от сущности и характеристики субъекта действия. [7, 89].

Как показал анализ функционирования *will*, *would* в речи синтаксические условия всех рассматриваемых модальных глаголов практически одинаковы. Различия сочетаемости данных глаголов проявляются в указаниях более широкого контекста, которые реализуют определенный дифференциальный семантический признак, различающий синонимические значения этих глаголов.

При определении реализации у *will*, *would* того или иного значения возможности макроконтэкст играет еще большую роль, чем при определении реализации исследуемых значений у *can* и *may*. Если *can*, *may* в любых контекстных условиях обозначают модальность возможности, то *will*, *would* с их основным грамматическим назначением вспомогательного глагола будущего времени и условного наклонения передают модальность возможности лишь в определенных контекстных условиях /особенно *would*/ . Употребление *will*, *would* в модальном значении обусловлено скорее стилистическими факторами, чем грамматическими: — Perhaps it will be my wedding day! (Mitchell M., 74).

На реализацию того или иного значения *will/would*, также как и значений *can* и *may* влияет, как правило, не один фактор, а комплекс двух или нескольких отмеченных ранее факторов [8, с. 67]. Главную роль при этом играют контекстные показатели. Так, например, контекстный показатель *probably*, утвердительный тип предложения, а также совокупность единиц окружения комплексно влияют на реализацию у *will* значения уверенной вероятности в высказывании: ... Boy friend? All the boy friend will *probably* say is 'I always thought she was unbalanced'. (Christie A., 78). На реализацию ограниченности вероятности осуществления действия могут влиять контекстные показатели типа *perhaps*, *suppose*, *maybe* и т.п., например: — You can go and say to him the things you have

been saying to me, and you may ask him *why*, and he will perhaps tell you the cause. (Christie A., 67).

Probability и *permission /volition/* являются основными модальными значениями *will*. Значение *probability* у *will* /и у *would*/ часто конкретизируется, как отмечалось выше, контекстным показателем *probably*, а также единицами из числа конститuentов семантического микрополя *Probability*, например: There was *no doubt* what Ellen would say to a daughter who told lies and engaged in sharp practices. (Mitchell M., 551). К числу контекстных показателей реализации значения *probability* следует отнести сочетаемость *will* с наречиями, обозначающими настоящее время /*now*, *today* .../: He will be at home *now*. По мнению Пальмера, одним из существенных формальных признаков, характеризующих употребление *will* в значении *probability*, является тот факт, что его коррелятом прошедшего времени будет сочетание *will* + Perfect Inf. Ср., например: They will be having a meeting *today*:: They will have been having the meeting *yesterday*. [9, с. 112].

Зависимость коммуникативного значения *will* от формы последующего инфинитива можно проиллюстрировать следующими примерами:

Probability: He **will be sitting** there /*now*/.

Characteristic: He **will sit** there for hours doing nothing.

Would в сочетании с длительным инфинитивом также может передавать значение *characteristic*: He paid little attention to what was being said: he would *constantly* be looking at the window. Данное употребление *would* в настоящее время считается литературной /а не разговорной/ нормой: «This usage is now literary, not general» [10, с. 376]. Употребление *will* в значении *permission /одно из часто реализуемых значений *will*/* отличается от употребления *can* и *may* в данном синонимичном значении. При выражении просьбы, разрешения *will* манифестирует оттенки своего первоначального значения воли, желания, намерения. В значении *permission will* может предполагать приглашение, вежливое предложение /*invitation*/: Will you think over my proposition while I'm gone? (Mitchell M., 694). В вопросах сочетание *will* с субъектом действия 2-го лица /*will you* .../ значительно чаще передает смысл *invitation /volition/*, чем значение простого будущего времени как в предложении: Will you be all right? We wanted you to come home. (Murdoch I., 149). В значении разрешения *will* может предполагать приказание /*command*/: You will go out today, but you will stay in and work tomorrow. (Sillitoe A., 75). *Would* употребляется в официальных обращениях и при выражении очень вежливой просьбы: Would you like for me to take it to Atlanta and have it engraved? (Mitchell M., 602).

Will и *would* в утвердительных предложениях в сочетании с субъектом 2-го и 3-го лица, выражающим одушевленные лица, а иногда предметы и абстрактные понятия, могут иметь коммуникативное значение *characteristic*: Courage will come and go (Aldridge J., 91); Accidents will happen (Fowler H. W., 714). В сочетании с субъектом 3-го

лица, обозначающим неодушевленные предметы, will и would могут передавать значение physical ability: The hall will/would seat five hundred (Jespersen O., 239).

Примером реализации значения chance у will, would может служить их употребление с контекстным показателем *so that*: ... would be gladly set aside for your benefit — put in trust, as it were, *so that* you would have it whenever you needed it (Dreiser, 287). В данном случае would эквивалентен выражению have a favourable opportunity to ... (Swan M., 114).

Характерным формальным признаком коммуникативного значения sureness /insistence у Пальмера/ является употребление will под ударением, например: *Surely,*

thought Scarlett. Pa *will* know whether this awful story is true (Mitchell M., 24).

Употребление will, would в модальных значениях возможности как правило эмоционально окрашено. Они выражают возможные, вероятные действия, к которым обычно примешивается эмоциональный оттенок отношения уверенности говорящего в осуществлении действия. Will и would придают высказыванию определенную эмоциональность. Коммуникативный подход к семантике рассматриваемых предикативных слов способствует выявлению всех основных модальных значений возможности у данных единиц: probability, permission, characteristic, willingness, physical ability, sureness, chance.

Литература:

1. См.: Ломаев Б. Ф. Парадигматические и синтагматические характеристики предикативной лексики, выражающей модальность возможности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калининский гос. ун-т, 1974. — С. 10–24.
2. Partridge Eric. Usage and Abusage. 1973. — С. 65.
3. Анализ основных употреблений will, would можно найти также в работах: Ehrman M. E. The meanings of the modals in present-day American English. The Hague — Paris, 1966. — С. 34–55; Palmer F. R. A Linguistic Study of the English Verb. Lnd., 1965. — С. 108–115.
4. См.: Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение (как общелингвистическая проблема). Калинин: Калининский ГПИ им. М. И. Калинина, 1971. — С. 55.
5. М. Эрман по этому поводу пишет: «The meanings of can, may and will seem to complement one another» — Ehrman M. E. Op. cit., p. 34.
6. М. Джус подчеркивает: «... each either assures the event or specifies that it is potential» — Joos M. The English verb. Form and meanings. 1964. — С. 153.
7. См. в этой связи: Tellier A. Les Verbes Perfecto-Presents et les Auxiliaires de Mode en Anglais Ancien. Paris, 1962. — с. 89.
8. См.: Ломаев Б. Ф. Дистрибутивные и контекстуальные условия семантической вариативности модальных глаголов can и may. // «Современная филология» Материалы IV международной научной конференции. Уфа, 2015. — с. 67–71.
9. Palmer, F. R. Op. cit., p. 112.
10. Partridge Eric. Op. cit., p. 376.

О категории числа имени существительного в диалектах хантыйского языка

Малах Елена Сергеевна, старший преподаватель;

Поздеева Галина Петровна, преподаватель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В статье рассматривается грамматическая категория числа имени существительного диалектов хантыйского языка. Статья построена на сравнительном материале малоизученного вах-васюганского наречия как представителя восточной группы диалектов и казымского диалекта — как представителя западной группы диалектов хантыйского языка. Подробно представлены суффиксы для образования двойственного и множественного числа имени существительного и особенности их присоединения.

Ключевые слова: категория числа, единственное, двойственное, множественное, диалекты хантыйского языка, имя существительное, фонетические особенности, финно-угорские языки

Хантыйский язык относится к угорской группе финно-угорских языков, в которую, кроме хантыйского,

входят еще два языка — мансийский и венгерский. В непосредственном родстве хантыйский состоит с мансий-

ским языком, вместе с которым образует обско-угорскую ветвь, пребывающую в родстве с венгерским языком.

Хантыйский язык — один из младописьменных языков народов Крайнего Севера. Ввиду резко выраженной диалектной раздробленности письменность на хантыйском языке создана на четырех диалектах, наиболее многочисленных по количеству носителей, — на ваховском, сургутском, казымском и шурышкарском. На этих диалектах создаются буквари и учебники для хантыйских национальных школ, печатаются произведения хантыйских поэтов и писателей.

Несмотря на то, что, в отдельных диалектах хантыйского языка имеется письменность, основной формой функционирования его остается устная речь. Сообразно важнейшим чертам сходства и различия диалекты и говоры подразделяются на две в равной мере самостоятельные группы — на группу западных и восточных диалектов.

Западные диалекты можно назвать собственно хантыйскими, а восточные — кантыкскими, так как носители первых именуют себя словом *xanti*, а носители вторых — словом *kantey*.

Западные, или собственно хантыйские диалекты, по наиболее выраженному фонетическому признаку квалифицируются как *x*-овые, а восточные, или кантыкские, — как *k*-овые. Этот признак в общей системе диалектных признаков хантыйского языка, хотя и является одной из частных его фонетических особенностей, тем не менее, он более ясно, чем другие признаки, указывает на исторические связи хантыйского с другими финно-угорскими языками: именно благодаря ему западно-хантыйские, *x*-овые, диалекты как бы сближаются с другими угорскими языками и диалектами, а восточно-хантыйские, *k*-овые — с неугорскими (уральскими) финно-угорскими языками [5, с. 4].

Практическая часть данного исследования по рассмотрению грамматической категории числа имени существительного построена на сравнительном материале малоизученного вах-васюганского наречия как представителя восточной группы диалектов и казымского диалекта — как представителя западной группы диалектов хантыйского языка.

Остановимся на рассмотрении имени существительного, потому как у существительных, обладающих лексико-грамматическим значением предметности, категория числа является абсолютной, независимой от синтагматического плана: имя существительное изменяет форму числа в зависимости от количества обозначаемых предметов. В отношении других частей речи категория числа выступает как согласовательная. Поэтому здесь сопоставляются лишь универсальные способы выражения единичности и множественности именами существительными посредством грамматических форм числа.

В хантыйском языке имена существительные и другие слова, употребляемые в качестве существительных, имеют три грамматических числа: единственное, двойственное и множественное.

Единственное число выражается нулевой морфемой во всех диалектах хантыйского языка: ср. каз. *χot*, вас. *kat* ‘дом’; каз. *ñōxi*, вах., вас. *n’oyi* ‘мясо’; каз. *χu*, вах., вас. *k, u* ‘мужчина’; каз. *χūl’*, вах., вас. *kul k, ul* ‘рыба’ и т.д.

Показателем двойственного числа в западных диалектах является суффикс — *ηdn* в восточных — *kdn* (*-ηdn*), показателем множественного числа для всех диалектных групп служит суффикс — *(d) t* [2].

Числовые показатели присоединяются непосредственно к основе слова. Форманты, выражающие некоторые синтаксические отношения (лично-притяжательное склонение, падеж), следуют за показателями числа: каз. *xot-dt-na* ‘в домах’ (*χot-dt* форма множественного числа; *χot* — ‘дом’), *ap-ηdn-a* ‘двум собакам’ (*ap-ηdn* — форма двойственного числа; *amp* — ‘собака’) и т.д.

В васюганском диалекте хантыйского языка морфологический способ выражения двойственности (т.е. ограниченной множественности) реализуется в присоединении к основе слова (сущ.) суффикса — *kdn* в различных фонетических вариантах (*-kan/-ken /-kdn; -k, an/-k, en/-k, dn*), и определяется рядом правил.

1) Суффикс *-kan/-k, an* присоединяется к основам с заднерядными лабиализованными и нелабиализованными гласными, напр.: *put* ‘котел’ — *ka putkan* ‘два котла’; *kul* ‘рыба’ — *ka kulkan* ‘две рыбы’; *jux* ‘дерево’ — *ka jukkan* ‘два дерева’ *kat* ‘дом’ — *ka katkan* ‘два дома’; *kos* ‘звезда’ — *ka koskan* ‘две звезды’; ‘оx голова’ — *ka ok, k, an* ‘две головы’ [1; 3; 4].

Этот же суффикс используется, если основа многосложная и содержит гласные разного ряда, напр. *torem* ‘бог’ — *ka toremkan*; *jiyal* ‘кедр’ — *ka jiwalkan*; *kassi* ‘человек’ — *ka kassikan*.

Суффикс — *ken/-k, en* присоединяется к основам с переднерядными, нелабиализованными гласными, напр., *iki* ‘старик’ — *ikiken* ‘два старика’; *sex* ‘налим’ — *sekken* ‘два налима’; *läjki* ‘белка’ — *ka läjkiken* ‘две белки’ [1; 3; 4].

2) Суффикс *-kdn/-k, dn* присоединяется к основам с переднерядным лабиализованным гласным, напр. *kur* ‘нога’ — *k, d kurkdn* ‘две ноги’; *kuč* ‘рука’ — *k d kučk, dn* ‘две руки’; *kurruk* ‘коршун’ — *k d kurkdn* ‘два коршуна’. [1; 3; 4].

Если основа оканчивается на заднеязычно-увулярный щелевой согласный *-χ*, то при присоединении суффикса двойственного числа происходит перегласовка, и вместо щелевого *-χ* может звучать смычный *-k, (χ- k,)* напр.: *jox* ‘окунь’ — *ka jučk, kdn* ‘два окуня’; *n’ox* ‘лось’ — *k d n’okk, an* ‘два лося’; *sex* ‘налим’ — *ka sek, en* ‘два налима’ [1, 3, 4].

Если основа оканчивается на *-ηk, — k*, то при присоединении суффикса дуалиса конечный согласный основы выпадает, напр.: *jiyk* ‘лед’ — *k d joken*; *jdyk* ‘гвоздь’ — *k d jdyken*. [1; 3; 4].

Это обусловлено главным фонетическим принципом (в основе) строения слова — недопущением стечения многих гласных и согласных [6].

Употребление приведенных выше фонетических вариантов суффикса двойственного числа обусловлено с одной стороны, действием закона сингармонизма, с другой — действием ассимиляции согласных. А также придерживаться этих правил необходимо для соблюдения орфографического единства.

Распространенным показателем дистрибутивной множественности безличных форм имен существительных в хантыйском языке и в частности в васюганском диалекте является суффикс *-t*. Этот показатель множественного числа присоединяется к существительным различной структуры, обладающим значением единичности конкретного предмета или выражающим парные предметы. Рассмотрим случаи его присоединения к различным именным основам, т.к. при образовании множественного числа путем присоединения суффикса *-t* имена существительные претерпевают следующие изменения.

Если основа слова оканчивается на гласный, то она присоединяет суффикс множественного числа не изменяясь. Например: *iki* 'старик' — *ikit* 'старики'; *pelä* 'гора' — *pelät* 'горы'; *k, otni* 'муравей' — *k, otnit* 'муравьи' [1; 3; 4].

Основы на согласный содержат вставку гласного, преодолевая тем самым стечение согласных, что характерно для языков, где есть сингармонизм. При анализе форм множественного числа подмечено, что вставной гласный перед суффиксом *-t* меняется в зависимости от характера гласных в основе слова.

1) Основы на согласный содержат вставку *e* (*e*) перед суффиксом *t*, если в основе гласные переднего ряда: *ämp* 'собака' — *ämpet* 'собаки'; *sex* 'налим' — *seyet* 'налимы' [1; 3; 4].

2) Если в основе гласные заднего ряда, то суффикс множественного числа присоединяется через вставку

a (*ä*): *aḡsal* 'гриб' — *aḡsalat* 'грибы'; *juḡ* 'дерево' — *juḡot* 'деревья'; *wajax* 'зверь' — *wajk, at* — 'звери'; *put* 'котел' — *putat* 'котлы' [1; 3; 4].

3) Основы с переднеязычными, среднеязычными лабиализованными гласными принимает вставку *ḡ*: *lök* 'глухарь' — *lökḡt* 'глухари'; *jöḡ* 'окунь' — *jöḡḡt* 'окуни'; *kör* 'нога' — *körḡḡt* 'ноги' [1; 3; 4].

4) В односложных существительных, оканчивающихся на *-ḡ* этот конечный согласный озвончается и переходит в *-y*: *noḡ* 'лось' — *noyot* 'лоси'; *jöḡ* 'окунь' — *jöḡḡt* 'окуни'; *oḡ* 'голова' — *oyot* 'головы'; *puḡ* 'источник' — *puḡḡt* 'источники'; *sex* 'налим' — *seyet* 'налимы' [1, 3, 4].

5) В многосложных словах на *-ḡ* наблюдается замена конечного щелевого *-ḡ* на смычный *-k*, и выпадение краткого гласного перед ним: *vajax* — 'зверь' — *vajak, ät* 'звери'; *kotaḡ* 'чайка' — *kotkät* 'чайки' [1, 3, 4].

6) Если последний слог в двусложной или многосложной основе имеет краткий гласный, то перед суффиксом *-t* он выпадает: *torḡm* 'бог' — *tormät* 'боги'; *woraw* 'штаны' — *worwat* 'много штанов'; *koläk* 'ворон' — *kolkät* 'вороны' [1; 3; 4].

Таким образом, можно заключить, что способ присоединения суффикса множественного числа к основе подчинен фонетическим процессам, присущим обско-угорским языкам, в частности гармонии гласных и ассимиляции согласных [2].

В целом, можно сделать вывод о том, что морфологические показатели категории числа имени существительного в диалектах хантыйского языка, как в западных так и в восточных, представляют собой ряд суффиксов двойственного и множественного числа (см. таблица 1). В то время, как единственное число имен существительных в данных диалектах не имеет суффиксального выражения.

Таблица 1

Диалекты хантыйского языка	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Казымский	0	— ḡḡn	— (ḡ) t
Вах-васюганский	0	— kḡn (-ḡḡn)	— (ḡ) t

Итак,

1) Единственное число существительных во всех диалектах хантыйского языка не имеет числового маркирования.

2) Суффиксы двойственного числа *-ḡḡn* (казымский) — *kḡn* (-ḡḡn) (вах-васюганский) присоединяются непосредственно к основе слова. Показатель двой-

ственного числа вах-васюганского диалекта хантыйского языка реализуется в различных фонетических вариантах (*-kan/-ken /-kḡn; -k, an/-k, en/ -k, ḡn*).

3) Показатель множественного числа *-t* также присоединяется к основе слова, которая претерпевает некоторые изменения из-за гармонии гласных и ассимиляции согласных.

Литература:

1. Могутаев, М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект), Томск, Томский госпедуниверситет, 1996. 352 с.
2. Основы финно-угорского языкознания //Марийский, пермские и угорские языки, изд-во «Наука», Москва, 1976. 467 с.

3. ПМА 2000 — полевые материалы автора Лемешко Е. С. по хантыйскому языку (васюганский диалект). Село Новый Васюган Александровского района Томской области (17.01—23.01.2000). Документ опубликован не был.
4. Рукописные тома полевых записей по хантыйскому языку (васюганский диалект) архива А. П. Дульзона / составители: Калинина Л. И., № 1—3 [1956—57]. Место хранения: Томский государственный педагогический университет, кафедра языков народов Сибири. Томск, 1956—1998 г.г. Документ опубликован не был.
5. Терешкин, Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 542 с.
6. Хонти, Л. Ваховский диалект хантыйского языка // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: изд-во ТГУ, Вып. 2. 1995. С.3—22.

Romanticism and romantic style

Мамажанов Алимжан, ассистент

Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Умурзакова Дилфуза Илхомовна, старший преподаватель

Ташкентская медицинская академия Ургенчский филиал (Узбекистан)

Mamajonov Alimjan, Assistant professor

Uzbekistan, Gulistan State University

Umurzakova Dilfuza Ilhamovna, senior teacher

Tashkent Medical Academy Urgench branch

A. Kadyri, being the founder of the realistic novel of new type in the Uzbek literature, through variety of forms and styles seized ideologically-aesthetic principles of romanticism. Naturally, realization of such huge and responsible problem was preceded by laborious work, long creative search. For this reason his each novel became the whole event in the Uzbek literature, the sample of innovation.

A. Kadyri's romantic style has deep roots in an originality of the national literature. That is why now, when style searches of artists of Uzbekistan represent the essential party from creative activity, the special urgency is got by A. Kadyri's style experience. Novels «Days Gone-By» and «The Scorpion from the Altar» mark themselves creative top of the Uzbek literature, in particular the Uzbek prose of 20th years. Therefore A. Kadyri's creative experience has of great value for young writers.

In Chapter 1 of the «Days Gone-By» about Atabek's meeting with dealers of Margelan is told. When speech comes about a family question, is found out, that sights Atabek at a family problem resist to the standard laws «an Adat and Shariyat». The family, in his opinion, should be under construction on the basis of mutual love of the man and the woman. «However it is necessary to add, as the husband should approach to the wife», he notices. «Well, in it needs are not present, — objects Hamid. — It is enough for the wife that she has a husband» [1, c.31].

Atabek acts as the supporter of a new sight at such major concepts, as love and a family. A family, he is firmly convinced, should be under construction on the basis of love and mutual respect, and also taking into account desire of men, and women. It was some kind of a ray of light in a darkness

kingdom. In the East it is meant the present revolt against the religion, forcing to look at the woman, as on a thing which can be sold, and bought. Therefore Atabek's opinion does not find support at interlocutors, but it at all does not confuse Atabek — he is firm in his belief.

Borders of romanticism in A. Kadyri's work are clearly traced in statement and the salvation of some question of a moral order (a family, morals, love, etc.). Atabek from those heroes of the romantic literature who are lonely in his aspirations to perfection, on a way to the light ideals. Atabek strives for respect the people, all people regardless to a class association, he sincerely and passionately loves Koomush and, like legendary athletes from magic fairy tales, heroically overcomes all obstacles arising on his way and a beloved.

Atabek and Koomush's love has romantic character. A. Kadyri sings of raised love. For Atabek and Koomush there may be only one dilemma — love and death. Right away after appearance of the novel A. Kadyri became «the singer of love Atabek and Koomush». The main characters of the novel are not simply positive, but ideal. At the same time Atabek and Koomush — one of topmost creations of artistic-genius Kadyri.

Atabek's behavior is drawn poetically and polychromatically, in lyric to the raised manner. We apply to some episodes of the novel. Rakhmat somehow speaks Atabek: «There is one girl in Margelan ... the Beauty! In all region one should think there is no equal to her on beauty». Then the state of soul Atabek, his reaction to the told is described. «For some reason Atabek has suddenly shuddered. And his face expression became different — he has been obviously excited» [1, c.32]. In Atabek's words told by him in a dream «black eyes

... the bent eyebrows ...», «... the face as the moon, a smile in a sight, has escaped ... timid ... About!».. [1, c.41] notes of romantic attitude accurately appear. Pay attention Koomush's portrait is how much poetical, polychromatic and expressive: «Here on a high bed, in embraces of down pillows and satiny blankets the young girl lays. In the disorder her black plaits were swept on a pillow, eyes from under long fluffy eyelashes have stared in one point — as if peer at something: same black, as well as hair, very thin, bent eyebrows have converged on nose bridge; it gives her white, fine, as the full moon, to the face, a little scared expression...

She, the girl with angelic features — Kutidor's daughter Koomush» [1,45–46]. «In outline Koomush's portrait, — wrote Aybek, — A. Kadyri does not spare dense romantic paints».

In the chapter «Here to me of such son-in-law», judging by the name, speech should go about Atabek. But in the centre of this chapter is not Atabek, and Koomush. The reader who hardly earlier has learnt about the fine stranger in Kutidor's house, has now possibility from a very short distance to get acquainted with her. It is interesting, that already masterful image of a portrait of the heroine gives the chance to the reader to present both her inner life, and her ideals. The girl is enamored! But whom she has fallen in love, why so strongly worries remains secret for the reader. But the fiery sight of her speaks about how strongly suffers Koomush from love.

The author is short in the description of Koomush's state («Koomush has become sad» or «has hung her head as a flower before a sunset») [2, c.47]. She too, similarly Atabek, «slanders everything in a dream» [2, c.46]. Somehow to calm herself, she quite often goes to «to mysterious arykside («-side» means «coast», «bank»)). Why all this — it is not known to the reader in the meanwhile. As we see, all is mysterious here — the characteristic, a portrait, behavior of the heroine are full of romantic mysteriousness, lyricism and poetry. In romantic works, as a rule, where it is given big freedom of chance, than in any others. Namely these chances compel heroes to suffer, worry, and feel something keenly.

In Alisher Navoi's known poem «Farhad and Shirin» Farhad falls in love with beauty Shirin, having seen her in «a mysterious mirror». In a poem «Yusuf and Zuleykha» Durbek the girl in a dream sees Yusuf — fine and there and then falls in love with her. Similar we see in a poem «Gull and Navruz» Lutfiy.

And in A. Kadyri's novel «Days Gone-By» Atabek and Koomush with only one cast a glance («furtively») hotly fall in love each other. It occurs on mysterious arykside. Here is how Kadyri describes this scene — at Koomush «fine black eyes have quickened, the ruddy face has cleared up», «Still frowning the bent eyebrows», «furtively looks at the country path which is passing on that arykside» [2, c.47]. Unique desire of the fallen in love girl is quickly to see the beloved. Day and night she burns this desire. But so suddenly begun preparation in her house to wedding has forced Koomush sunk in thoughts. After all she does not know still to whom they are going to marry. She suffers, worries, and cries. The writer as though «forces» an emotionality, lyricism in the de-

scription of experiences of the heroine, that so is characteristic for a romantic narration. Under a skillful feather of the artist the nature revives even: «The sight of her gentle eyes has been chained to water; transparent water... Looking at wonderful movement of water, Koomush has scooped her hand and has washed the face. Drops, having kissed her, have fallen back in aryk, and water in it was stirred up, in depth there was any confusion. After the second and third handful which Koomush has splashed to herself in the face, excitement in aryk has still increased « [2, c.47–48].

Such idealized, the poeticized image of the heroine surrounding her among are peculiar to receptions of a romantic narration.

After engagement Koomush with Atabek at full speed there is a preparation for wedding. All are happy, all hurry up, wait for joyful hour. But Koomush is absolutely in other mood: she worries, as it seems to her, the most difficult, sad moments of a life. She is sad, suffers, thinks of the beautiful Dzहित whom she has met near aryk... Koomush is sad «has pulled on a head a blanket closing a sandal-wood tree, and has laid down» [3, c.49].

The known theorist of theatre K. S. Stanislavsky, speaking about complexity staged Chekhovian plays, and especially executions of roles of his heroes on a scene, noticed, that those who wishes to play simply them are mistaken, that it is necessary to enter at first into them, to feel, live with them together. The great actor thinly saw internal continuous movement in an immovability of Chekhovian heroes.

Precisely same it is possible to tell about the images created by A. Kadyri.

Koomush's image is characteristic from this point of view. A. Kadyri with the big love draws this image.

Literary critic I. Sultanov, having paid special attention of this feature of the writing of A. Kadyri, marked: «The romantic element which is present at a method of A. Kadyri, considerably influences on his language therefore novel language gets romantic paints and even a romantic ornament, author's intonation penetrates elevation and agitation».

«The big art» which especially underlined Aybek, is shown in A. Kadyri's romantic style. In particular, the chapter «Wedding, the maiden feast» is the completed romantic picture.

«Today in the house of Koomush's uncle party. The whole flower bed of girls in elegant dresses, sparkle ornaments there has gathered. They see off to the female world one of the most lovely girlfriends» [3, c.66]. A. Kadyri draws contrast pictures, passing from sketches of magnificent dresses and a plentiful food to display of inner life Koomush which is tormented this minute with melancholy and alarm.

The writer does not cease to admire with beauty of the bride, finding all new and new receptions, comparisons. Koomush's mood is transferred to her girlfriends. «Their faces became mild, thoughtful and so finer. But if now it was necessary to choose from them the most beautiful, we would not become puzzled and, not fluctuating, would choose Koomush. She was a rose among the tulips, the full moon among stars.

«Describing beauty of women,— writes about this episode of novel Aybek,— Kadyri often uses epithets «the angel, mermaid, beauty». In general in the description of female portraits the writer often resorts to the romantic, exaggerated, colorful descriptions. The writer devotes to descriptions of beauty Koomush full pages».

At last, according to A. Kadyri, for Koomush there comes hour of «unexpected happiness». Having learnt that the groom that Dzhigit from arykside, she exclaims «So, that is you!» [4, c.73].

References:

1. A. Kadyri. Days Gone-By. Tashkent, 1984.
2. Aybek. Complete Works. Volume 14, Tashkent, 1979.
3. I. Sultanov. Collected Works. Volume 2.
4. K. S. Stanislavskiy. My Life in Art. Tashkent, 1965.
5. www.edebi.net.uz
6. phil.nuu.uz.

Certainly, the artist-romanticist sees and perceives the world differently, rather than the realist. His attention involves all extraordinary, exclusive during lives and the most important defining character traits of the hero. Display of private world of the hero, disclosing of his character, psychology quite concerns it also.

Thus, at definition of a method of the writer in the novel «Days Gone-By» it is necessary to pay attention equally both to realism, and romanticism, i.e. on points of their crossing, and places of connections.

К вопросу об особенностях рекламных текстов (на материале интернет-ресурсов Узбекистана torg.uz и gp.uz)

Насыров Латиф Хайруллаевич, ассистент
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

На сегодняшний день с развитием сферы инфокоммуникационных технологий во всем мире важную роль приобретает изучение текста как языковой единицы в новой среде, какой является виртуальное пространство всемирной глобальной сети. Традиции, сложившиеся за многовековую историю становления языка средств массовой информации в современных условиях видоизменились с учетом потребностей рынка.

Текстом нового типа в сложившихся условиях становится рекламный текст. Итак, что такое реклама?

Слово «реклама» иноязычного происхождения, согласно Словарю иностранных слов: «реклама — 1) информация о товарах, различных видах услуг и т.п. с целью оповещения потребителей и создания спроса на эти товары, услуги и т.п.; 2) распространение сведений о ком-, чем-либо с целью создания популярности» [Словарь иностранных слов 1987: 426].

«Реклама — это оплаченное присутствие в средствах массовой информации сведений о вашей фирме (товаре, услуге), имеющее целью увеличить известность фирмы и ее обороты. К средствам массовой информации (СМИ) причисляются телевидение, радио, газеты и приложения к газетам, журналы, материалы, рассылаемые по почте, театральные программы и шоу, видео- и аудиокассеты, телефонные справочники, каталоги, компьютерные базы данных, крупноформатные плакаты, борта транспортных

средств, щиты, а также целый ряд новых технических средств» [Д. Делл, Т. Линда 1996: 32].

«Реклама — в лингвистике: вид речевой деятельности, целью которой является регуляция спроса и предложения на товары и услуги. <...> современная реклама — это отрасль индустрии, занимающаяся производством особой текстовой продукции (часто поликодовой, т.е. использующей не только язык (вербальный код), но и музыку, изобразительные средства, пластику), ее размещением в СМИ, исследованием ее эффективности» [Т. В. Матвеева 2003: 274–275].

Существует множество классификаций видов рекламы в зависимости от различных критериев. Согласно подходу Д. Делл, Т. Линда рекламные тексты можно разделить на три большие группы (в основе лежит целевой фактор): 1) имидж-реклама; 2) стимулирующая реклама; 3) реклама стабильности [Д. Делл, Т. Линда 1996: 157].

К. Бове и У. Аренс предлагают семь видов: по целевой аудитории; деловая реклама; по охвату территории; классификация по средствам передачи рекламы; по функциям и целям; коммерческая и некоммерческая; прямая посылочная и непрямая реклама [К. Бове, У. Аренс 1995:38].

Хотя цель и задачи рекламы различными специалистами определяются по-разному, все же у них есть общая черта. Основной целью рекламы товара или услуги является продажа, привлечение внимания, информирование.

Специалисты по рекламе могут достичь этого с помощью удачно сформированного текста, который, в сущности, и несет основную содержательную нагрузку.

Согласно Е. Сердобинцевой рекламный текст может включать следующие элементы:

1. заголовок;
2. подзаголовок;
3. основной текст;
4. подписи и комментарии;
5. рекламный лозунг (слоган) [Е. Н. Сердобинцева 2010: 24].

Названные пять элементов не всегда присутствуют в тексте рекламы. Рассмотрим рекламные тексты в Интернете.

Реклама в веб-страницах, будь то крупный информационный бизнес-портал, или небольшие узкоспециализированные Интернет-ресурсы, на наш взгляд, отличается от других средств массовой информации тремя общими признаками:

1. Наглядность.
2. Лаконичность.
3. Содержательность.

Рассмотрим данные свойства рекламного текста в Интернете.

Наглядность не зря мы поставили в первую очередь, поскольку широкие возможности современных информационных технологий позволяют красочно и доходчиво донести до потребителя-пользователя нужную информацию. Преимущество рекламы с фотографиями, изображением очевидно. Думается, что рекламное объявление с соответствующими изображениями, с качественной флеш-анимацией будет пользоваться большей популярностью, чем просто текстовое сообщение.

Лаконичность рекламного текста в Интернете, на наш взгляд, предопределена самой природой виртуальной реальности. Пользователь всемирной сети кардинально отличается от читателя традиционных СМИ. Огромный, необъятный объем информации, которую предоставляет Интернет, делает вдумчивое ее освоение попросту невозможным. Поверхностное ознакомление становится нормой. В таких условиях рекламный текст не может занимать большую площадь (например, в газетах на правах рекламы иногда печатают такие рекламные статьи). Поэтому лаконичность — одно из основных требований к тексту рекламы.

Содержательность текста рекламы наряду с вышеназванными двумя требованиями является важной, но не всегда обязательной. Специалисты по маркетингу подчеркивают, что главное в рекламном тексте цена. С этим мнением нельзя не согласиться, поскольку цена является основополагающей частью рекламы. Сравнение рекламы с указанием цены с рекламой, в которой просто написано *дог.*, явно не в пользу последней.

В качестве материала для изучения рекламных текстов Интернет-ресурсов Узбекистана мы выбрали популярные сайты Узнета (узбекского сегмента всемирной

паутины) — www.torg.uz и www.gr.uz. Выбор этот обусловлен тем, что данные сайты занимают две разные ниши в информационно-рекламном бизнесе страны, наглядно демонстрируя тенденции развития рекламного текста в Узбекистане.

www.torg.uz — торговая площадка для размещения бесплатных объявлений о товарах, услугах. Информация представлена по категориям и разделам (Авто, Бизнес, Компьютерная техника, Бытовая техника и т.д.). В рейтинге национальной поисковой системы www.uz занимает 4 место по популярности среди всех сайтов Узнета (по состоянию на 30.03.2015 г.). Сайт представляет собой информационный ресурс, ориентированный на широкие слои населения. Рекламу на данном ресурсе можно разделить на два типа: бизнес-рекламу и частные объявления. Но это разделение весьма условно, поскольку многие предприятия дают рекламную информацию среди частных объявлений. Помимо объявлений от частных лиц, представлены также коммерческие предложения от предприятий и организаций. Удобный интерфейс позволяет разместить объявление о продаже или покупке, вакансиях, резюме, разместить фотографии. По-настоящему народный сайт.

Тексты рекламы на главной странице обладают всеми тремя основными признаками, т.е. они наглядны, лаконичны и содержательны. Основной упор в текстах сделан на заголовок. Поскольку «в среднем заголовок читают в пять раз чаще, чем текст» [Д. Олигви 1998: 27]. Вводя в курс дела, заголовок переходит к сути вопроса, потому что реклама в Интернет-пространстве предполагает краткость. Считается, что всемирно известная поисковая система google.com корпорации Google Inc. смогла добиться впечатляющих результатов, сделав ставку на минималистический дизайн своего поисковика, в то время как остальные поисковые системы, в погоне за материальной выгодой, перенасыщали страницы рекламой.

Реклама на torg.uz имеет вышеназванные признаки и, кроме того, отличается рациональностью. Например, в рекламном тексте от компании addirect.uz, созданном с применением флеш-анимации, в рекламном баннере сменяются слова *Перила, Ограждения, Решетки, Ковка*. Думается, более чем кратко и содержательно. Или часто встречается вопросно-ответная форма: *Делаете ремонт? Натяжные потолки из первых рук!* Часто встречаются объявления-заголовки *Обувь оптом и в розницу 119000 сум; Дезинфекция 55000 сум*. Основную часть составляют частные объявления, заполненные по стандартной форме и дополненные комментариями и пояснениями, рассчитаны на целевую аудиторию. По этой причине данные объявления содержат максимум необходимой информации (какой модели товар, качества, б/у или новый, цена, по какой причине продается и т.д.).

В целом объявления в torg.uz отличаются высокой информативностью и доступностью.

Теперь обратимся к сайту www.gr.uz (полное название www.goldenpages.uz) — виртуальный справочник

по предприятиям и организациям. Собственно говоря, это интернет-версия телефонного справочника «Golden Pages Uzbekistan». В основном, это сведения о фирмах, компаниях, госструктурах. Данный ресурс ориентирован на предоставление деловой информации для бизнесменов и частных лиц и представляет собой рекламный каталог по предприятиям. Сайт занимает 40 место в рейтинге www.uz, а в категории Бизнес 2 место (после «народной» торговой площадки www.torg.uz, по состоянию на 30.03.2015 г.), что для справочника является впечатляющим результатом.

На примере сайта www.gr.uz мы можем увидеть, как потребности целевой аудитории влияют на структуру рекламного текста. Рекламу на сайте можно разделить условно на три вида: бизнес-реклама, «сайт-визитки» и краткие данные.

На главной странице сайта www.gr.uz размещена бизнес-реклама — баннеры с анимированными изображениями и гиперссылками, что значительно расширяет ее возможности. Текст в такой рекламе минимизирован до заголовков или вопросно-ответной формы: *Современные технологии хранения фруктов; Организация реализует полиэтиленовые гранулы* и т.д. Тексты лаконичны и содержательны. Но есть и другие варианты: *Создавая по Вашим размерам. В гармонии с Вашим интерьером. Учитывая все Ваши пожелания.* Кажется, копирайтеры обладают чувством юмора и решили обыграть двоякость выражения. Речь идет о рекламе мебели. Перейдем к другому виду рекламы.

Литература:

1. Е. Сердобинцева. Структура и язык рекламных текстов: Флинта, Наука; Москва; 2010
2. Бове, К.Л., Арнс УФ. Современная реклама. Творчество в составлении рекламных текстов. — М.: ДеНово, 1995.
3. Делл, Д., Линда Т. Учебник по рекламе. — Минск, 1996.
4. Олигви, Д. и др. Тайны рекламного двора. Советы старого рекламиста / Сост. А. В. Гавриловец. — М.: Издание Ассоциации работников рекламы, 1998.
5. Словарь иностранных слов. — 14-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1987.
6. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М.: Флинта, 2003.

Морфология парных слов

Ниязова Дильбар Холтемировна, преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

При морфологическом анализе парных слов определение их различных форм, образующихся в процессе речи, и определение способов их изменения является одним из основных задач их характеристики.

Некоторые виды парных слов образуются из производных слов, отдельные — из производных, другие — из односоставных производных слов. Кроме того, один из

«Сайты-визитки» представляют собой подробную информацию о товарах и услугах фирмы, компании. Они обычно размещены в рубриках (первыми, после них все остальные идут в алфавитном порядке), более содержательны и наглядны, но не всегда лаконичны. К примеру, подробная информация о «VCREDIT.UZ» содержит краткий перечень документов для получения кредита, адрес, телефоны, местоположение на карте Google Maps, фотографии продукции. Другие сайты-визитки более обстоятельно предлагают свои услуги и товары. Например, торговая марка «Zebra», занимающаяся реализацией жалюзи, помимо стандартных координатов (адреса, телефонов, сайта, местоположения на карте) предлагает ознакомиться с ассортиментом своей продукции (фотографии прилагаются).

Единственный недостаток бизнес-рекламы и сайтов-визиток — это отсутствие цен на оказываемые услуги и предлагаемую продукцию.

Краткие данные о предприятиях и организациях на сайте gr.uz не могут рассматриваться как тексты рекламы в традиционном понимании, может быть только с точки зрения информирования потребителя. Их мы не будем рассматривать здесь.

Таким образом, мы рассмотрели основные тенденции развития рекламного текста на материале сайтов — торговой площадки бесплатных объявлений www.torg.uz и бизнес-справочника www.gr.uz. Основными ее отличиями являются наглядность, лаконичность и содержательность.

компонентов парных слов может состоять из непроизводного слова, а другой — из составного.

С этой точки зрения парные слова делятся на следующие группы:

1. Парные слова, оба компонента которых состоят из коренных слов: гап-сўз, ота-она, беш-ўн, опа-сингил, ер-сув, тоғ-тош, қўй-эчки, сигир-бузок, арпа-буғдой, қо-

вун-тарвуз, идиш-товоқ, қўл-оёқ, қалам-дафтар, нон-чай, хотин-қиз. *Нон-чай вақтида ҳам гап-сўз савдо қалъа сафари ҳозирлиги устида борар эди* (Во время трапезы речь пошла о подготовк к поездке к крепости).

(С. Айни «Рабы»)

Хотин-қизлар жинсида иродаси қучли, хатто эрларидан ҳам жасурроқ шахсларни кўп учратамиз.

(А. Кадыри «Скорпион из алтаря»)

Бу ёққа ташиб овора бўлмайин деб, идиш-товоқларни ташқари ҳовлида ювдим, артдим.

(Айбек «Священная кровь»)

Опа-сингил тенвур тунига қўшилиб кетди

(Аскад Мухтар «Сёстры»)

Кўрқаман, холос, чунки менинг атлас шоҳиларим олтинларим, марварид-маржонларим йўқ!

(Х. Х. Ниязи «Бай и работник»)

2. Парные слова, первый компонент которого состоит из корневого, второй из — производного слов: ақл-туншунча, савдо-сотик, ҳазил-кулгу, қон-қариндош.

Чунки бизга қон-қариндош

Энг меҳрибон жигар мен

(А. Умари «Избранное»)

Қизлар ҳазил-кулги, қий-чув билан ўрин сола бошлади

(А. Мухтар «Сёстры»)

Савдо-сотик жараёнида унинг фикри ҳам ўзгариб ханжарнинг тигидай ўткир бўлади.

(Ш. Рашидов «Сильнее бурана»)

3. Парные слова, первый компонент которого состоит из производного, второй — из корневого слов: ишчи-деҳқон, очик-ойдин, турли-туман, уруш-жанжал

Пўлат пуржинаси бор,

Турли туман йўинчоқ.

(Г. Гулям «Избранное»)

Уруш-жанжал кўпаймасин деб, бутун дардимни ичимга ютдим.

(Айбек «Священная кровь»)

4. Парные слова, один компонент которых состоит из сложного слова:

а) первый компонент состоит из корневого простого слова, а второй сложного слова: ошна-огайни, салла-белбоғ, кози-мингбоши, ҳоким-эликбоши.

Деҳқон ўзининг яқин қариндошларини ва ошна-огайниларни меҳмон қилиб чақирдилар.

(«Узбекские народные сказки»)

Бўлмаса ҳоким-мингбошига ялинмайман, халққа арз киламан.

(Х. Х. Ниязи «Бай и работник»)

б) Парные слова, первый компонент которых состоит из сложного, а второй — из корневого слова: дутор-най, тошбақа-чаён, ошқозон-ичак, қорақурт-ўргимчак и др.

Кўқарга-қалдирғоч апрел ойларида учиб келиб, сентябрь ойида иссиқ томонларга учиб кетади.

5. В современном узбекском языке очень часто встречаются парные слова, оба компонента которых состоят из производного слов. Оба компонента подобных парных слов имеют одинаковый словообразовательный аффикс: узил-кесил, вулқон-талқон, йигим-терим, келим-кетим, илик-солик, тўкин-сочин и другие.

Очень важно решить проблему, к какому компоненту парных слов следует добавлять общий для обоих компонентов аффикс, поскольку в художественной литературе и в прессе зачастую не обращают внимания правописанию парных слов. Присоединение словообразовательных аффиксов обоим компонентам парного слова не соответствует характеру парных слов. Если к обоим компонентам парных слов присоединить словообразовательный аффикс, они станут однородными членами и после каждого слова следует соблюдать паузу.

В случае образования производного слова из парных слов другой части речи словообразовательный аффикс также присоединяется ко второй части: *ога-ини — ога-иниларча.*

Каждая составная часть подобных парных слов прежде была образована с помощью определенного аффикса, затем эти производные слова, соединившись, образовали парное слово. Поэтому парные слова с одинаковыми аффиксами не встречаются случаи выражения нового значения. Новое значение было получено при образовании компонентов слов, а когда они соединились это значение в парном слове не меняется. Новообразованное парное слово обретает лишь свойственное для парных слов значение — значение обобщения, собирательности. Парные слова, образованные на этой базе, встречаются в каждой части речи.

Литература:

1. Асадов, Т. Қ вопросу о составе простых наречий в узбекском языке.
2. Мадрахимов, И. К вопросу о составе лексем узбекского языка. // Узбекский язык и литература. 2002. № 4, с.29–32.
3. Неъматов Х, Расулов Р. Основы системной лексикологии узбекского языка. — Т.: «Учитель» 1995.с.127.
4. Рахматуллаев, Ш. Этимологический словарь узбекского языка. Т.: Университет, 2000, с. 599.

Особенности публицистического стиля современных СМИ

Нурсаитова Дилара Сабержановна, магистрант

Карагандинский государственный университет имени Е. А. Букетова (г. Караганда)

Данная работа посвящена изучению публицистических текстов. В работе рассматриваются основные особенности публицистических текстов как средства массовой коммуникации для информирования и влияния на общественное мнение.

Ключевые слова: публицистический стиль, воздействие, читатель, информации.

Средства массовой информации стали практически неотъемлемой частью нашей жизни, т.к. являются ежедневным источником новостей, которые распространяются в обществе благодаря современным технологиям напрямую, в реальном времени или лишь с незначительным отставанием по различным каналам, какими являются, например, телевидение, интернет, печать и т.д. Предметом публицистики является жизнь вокруг нас, в том числе темы, касающиеся политики, события в стране и на международной арене, новости из области экономики.

Всем известно, что общество функционирует и развивается только через социальное взаимодействие [2; с.11]. В этом взаимодействии в значительной мере принимают участие именно средства массовой информации во всех их формах, одной из которых являются печатные издания. Согласно Тену ванн Дейку, «новости являются тем типом текста, с которым люди, по-видимому, встречаются чаще всего». [1; с.156]

Публицистическая модель как самостоятельная структура начала формироваться около полувека назад [4; с.186]. В качестве основных особенностей публицистического стиля Й. Мистрик называет письменность, монологичность, публичность и понятность [3; с.460]. Я. Финдра также включает в этот перечень официальность, удаленность адресата и коммуникативную функцию [4; с.186]. Возникновение публицистического стиля обусловлено также и развитием СМИ, которые являются посредниками в передаче информации адресату. Благодаря развитию электронных средств массовой информации, значительная часть публицистических текстов имеет устную форму и диалогический характер.

Развитие традиционных СМИ — печати, радио, телевидения, появление и распространение так называемой Всемирной Паутины — Интернета привели к созданию единого информационного пространства, особой среды. Всё это не могло не сказаться на процессах производства и распространения слова, на особенностях речеупотребления и характере языковых изменений.

Основной объём речепользования приходится сегодня именно на сферу массовой коммуникации. Все тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространённых форм современного бытования языка.

При этом корпус текстов, ежедневно производимых и передаваемых по каналам СМИ, продолжает постоянно увеличиваться.

Об этом, в частности, можно судить по количественным показателям: растёт число телевизионных каналов (в Казахстане оно достигает более 20, включая кабельное телевидение), происходит их дальнейшая специализация есть каналы преимущественно новостные (например, Хабар, Астана) развлекательные (31 канал, Евразия, КТК, НТК), спортивные (Eurosport), образовательные (Discovery Channel), музыкальные (Muz zone, Муз ТВ), и т.п. Обилие радиостанций, появляются новые газеты и журналы, рассчитанные как на широкую аудиторию, так и на удовлетворение интересов самых различных возрастных, профессиональных и социальных групп. Огромный вклад в постоянное наращивание массива медиаречи вносит коммуникация в мировой сети Интернет (World Wide Web).

Говоря о роли СМИ в динамике языковых процессов, необходимо подчеркнуть, что имеется в виду не только и не столько изменения, вызванные внедрением новых информационных технологий, сколько качественные преобразования в общей лингвокультурной ситуации.

Поскольку в условиях информационного общества культурно-языковое влияние наиболее активно осуществляется по каналам массовой коммуникации, доминирующее воздействие русскоязычной медиаречи на мировое информационное пространство, в том числе и на его казахстанский сегмент, ясно прослеживается при анализе соответствующих медиадискурсов. Воздействие русскоязычных и англоязычных средств массовой информации на казахские СМИ заметно как на уровне формата и содержания, так и на уровне языка. Широкое распространение англоязычных образцов телевизионной и радиопродукции, копирование (как лицензированное, так и нелегальное, пиратское) формата и содержания, огромная волна англоязычных заимствований, имитация коммуникативно-вещательных стилей, таковы характерные признаки современных казахстанских медиатекстов. Одним из наиболее ярких примеров англоязычного медиа влияния на формат и содержание текстов массовой информации в Казахстане являются передачи, сделанные по образцу известных российских программ. Так, многие популярные проекты казахстанского телевидения представляют собой аналоги известных западных телешоу.

Например, телеигра «Такси» — это лицензированный вариант популярной российской программы «Такси»; «Давай поженимся» — это казахстанская версия известной российской программы «Давай поженимся», а рейтинговые передачи «Наша Казаша», «Голос Азии», «Лидер 21 века» также основаны на российских оригиналах. Возникшие на англо-американской почве популярные теле и радио форматы успешно адаптируются в постперестроечном Казахстане: количество передач, использующих такие базовые для англоязычных средств массовой информации форматы: как talk-show, quiz game, phone-in programme, confession television, reality show и т.д. неуклонно растет. Заимствуются не только форматы, но и содержание. Не секрет, что многие казахстанские издания, в которых освещаются новинки мирового кино, популярной музыки, а также события в мире шоу-бизнеса, делают свои материалы о жизни зарубежных звезд, в основном «перекачивая» статьи с Интернет сайтов популярных англоязычных журналов типа «Hello». Причем практиковавшаяся ранее ссылка «по материалам зарубежной прессы» в настоящее время чаще всего отсутствует.

Не секрет, что каждый субъект СМИ «разговаривает» со своей аудиторией определённым тоном, используя для обращения и текстовой коммуникации устойчивые медиа-стилистические и риторические средства. Подобно музыкальному ладу, тональность того или иного субъекта масс медиа, может варьироваться в зависимости от целого ряда экстралингвистических факторов, которые могут относиться к политической, исторической, культурной, идеологической, социальной сферам. Информационно-вещательные стили могут быть приподнято-официальными, как, например, в случае телевизионных новостей Советского периода, чрезмерно обезличенными и сухими, как, например, известным стремлением к объективности новостной стиль вещания БиБиСи, или, как это стало теперь модным, намеренно панибратскими, как большинство стилей ведущих развлекательных радио и телепрограмм.

Сопоставительное изучение медиатекстов показывает, что глобализация, или скорее англоамериканизация современного медиaprостранства во многом способствует частичному заимствованию, а порой и пол-

ному копированию тех или иных информационно-вещательных стилей, в том числе и казахстанскими средствами массовой информации. Так, изменения периода гласности и перестройки коснулись в первую очередь тональности общения постсоветских СМИ со своей аудиторией, что в частности, выразилось в радикальной смене информационно-вещательных стилей. Многие в постсоветском медиадискурсе возникло именно благодаря влиянию англо-американской медиаречи. Например, весьма распространённая сегодня фраза ведущих теленовостей «Оставайтесь с нами» — это не что иное, как перевод известного английского новостного клише «Stay with us».

К сожалению, можно сказать, что известная русская поговорка «что написано пером, то не вырубишь топором» применима сегодня и к электронным СМИ, в особенности, к телевидению. Речь, звучащая с телеэкрана, воспринимается как норма, и только чуткое ухо специалиста способно обнаружить и обратить внимание на такие языковые «погрешности», как: «спорт для нашей страны всегда был нечто большим» (правильно — чем-то большим), «интрига бывает не только о том, кто будет на первом месте, но и том, кто будет на втором» (правильно — интрига состоит в том, что), «или мы принимаем эту доктрину, или мы лопаем этот мыльный пузырь» («лопаем» — в смысле «едим с большим аппетитом?»), «они даже не скрывали о том, что» и т.д.

Я. Финдра отмечает, что в публицистических текстах, кроме неологизмов и заимствованных слов, можно встретить и экспрессивную лексику. Прагматический аспект, стремление автора сообщения оказывать воздействие и формировать позицию читателя достигается во многих публицистических текстах за счет использования оценочной лексики. [4; с.187].

Средства массовой информации иногда называют «катализаторами» изменений на разных уровнях языка. (2; с.427]. Публицистические тексты не только непосредственно отражают изменения, которые происходят в социально-политической и социально-экономической сферах нашего общества, но также сами способны участвовать в формировании общественного мнения, т.к. имеют возможность информировать массы читателей и влиять на них как ни один другой тип текстов.

Литература:

1. Van Dijk, T. A. News schemata. New York: Dans Cooper and Greenbaum, 1986, 185 s.
2. Володина, М. Н. Язык СМИ — особый язык социального взаимодействия /М. Н. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2003, с.11–39.
3. Mistrik, J. Stylistika.3.vyd.Bratislava: SPN,1997,598 s.ISBN 80–08–02529.
4. Findra, J. Stylistica slovensiny.Martin: Osveta,2004,232 s.ISBN 80–8063–142–5.

Слово «душа» в польских и русских пословицах и поговорках. Что обозначает понятие «русская душа»?

Парафиньска Эвэлина Збигневна, студент

Государственная высшая школа имени Иоанна Павла II (г. Бяла-Подляска, Польша)

Тот, кто занимается языком, как областью науки или учится иностранным языкам, знает, что не все отдельные слова в одном языке имеют в буквальном переводе ту же самую семантику. Конечно, это довольно редкие случаи и чаще всего значение слов сильно не отличается, но коннотации могут быть разными [6, с. 115]. С чем это связано? Это связано с такими чертами, которые в общем сознании сочетаются с данным объектом или явлением. Эти черты выходят за пределы дефиниции, поэтому, чтобы чувствовать глубину языка, надо его усваивать, а не только заучивать слова.

Я попытаюсь на примере слова «душа» растолковать его значение на польском и на русском языках. Это слово поляк и русский воспринимает по-разному. Граница тонкая, но она имеет глубокие корни. «Душа» часто входит в состав пословиц, поговорок и фразеологических оборотов, поэтому я считаю, что стоит этому слову уделить особое внимание.

Необходимо начать с определения. Итак, в «Большом толковом словаре русского языка» можно найти следующие определения: «Душа — 1. По религиозным представлениям: духовная сущность человека, особая нематериальная бессмертная сила, обитающая в теле человека (иногда животных, растений), покидающая его во время смерти, сна и вновь проявляющаяся после смерти в иной материальной оболочке. 2. Внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива; дух. 3. Внутренний мир человека, мир его чувств, переживаний, настроений и т.п. 4. Совокупность характерных свойств, черт, признаков личности. 5. Главное лицо, организатор, вдохновитель какого-л. дела. 6. О человеке, являющемся всеобщим любимцем. 7. Человек (обычно при указании количества). 8. В России до реформы 1861 г.: крепостной крестьянин. 9. Дружеское, фамильярное обращение. 10. Впадина под ребрами в центре груди». [14, с. 290]. Словарь польского языка подобным образом объясняет семантику анализируемого слова, но перечисляет гораздо меньше значений, а это свидетельствует о том, что в русском языке слово «душа» употребляется чаще. (Польский язык добавляет еще значение, связанное с прежним видом утюга, в который вкладывали раскаленный кусок железа, именно душу.) [8, с. 165]. Итак, нельзя согласиться с тем, что «польская» и «русская душа» это одно и то же. В этом убеждает, отличающееся, в некоторых случаях, употребление слова «душа» в обоих языках, а также устойчивость понятия «русская душа», в том числе ряд черт, связанных с этим понятием.

Душа уже давным-давно интересовала людей. В разное время, во всех регионах мира ей приписывали другие

свойства. У некоторых народов такое понятие вообще не существовало, а якуты считали, что у человека три души. Люди по-разному понимали и связь души с телом, либо как противоположности, где душа владела телом, либо как неразрывную, равноправную сущность. Многие считали и сегодня считают, что она бессмертна и поэтому важнее тела [11, с. 171–173]. Примеров таких верований и догматов можно бы перечислять множество. Однако для сути статьи важно, что в польской речи слово «душа», которое чаще выступает в русском языке, имеет некий эквивалент — слово «сердце». Пословицам я уделю внимание позже, сейчас приведу один пример для доказательства. По-русски, если делаем, говорим что-либо совершенно искренне, скажем: «От всей души»; а по-польски скажем: „Z całego serca”.

Россия — это Святая Русь, тут многое сочетается с душевностью, надо учесть и религию, которая сохраняет старинные обряды. Ведь религия, а точнее внутренняя дифференциация христианства, тоже сыграла ключевую роль в формировании национального менталитета. Древняя русская архитектура также отражает величественность, прочность, неизменность. Россия принадлежала к византийскому культурному кругу, Польша — к латинскому. Власть, которую осуществляет человек (учитывая православную традицию), дана ему самим Богом. Россия сильна общиной, что часто и по-разному подчеркивается. Итак, нет ничего удивительного в том, что слово «душа» часто появляется в языке, если вся страна испокон веков нацелена на традицию [15, с. 8]. Что касается Польши и «ее» сердца, то здесь немаловажную роль сыграла история, особенно XIX век. Это было время освободительных порывов, борьбы за народ, время тяжелое и кровавое. Под влиянием такого положения начали активно действовать авторы эпохи романтизма. В их произведениях главным образом появлялись чувства, внутренние переживания человека, как личности. Не было „мы”, что характерно для России, а было „я”. На первый план выдвигался внутренний мир человека, со всеми его сложностями. Этот внутренний мир тщательно изучался. Подчеркивание своей неповторимости, себя, как личности, свойственно полякам. Это нематериальное наследство народа, которое «хранится» в польском менталитете [4].

Кроме того, в романтических произведениях выступал мотив бунта, борьбы. Романтический герой, несмотря на то, что осознавал свою ценность, испытывал одиночество, непонимание окружающих. Даже, будучи в толпе, чувствовал себя оставленным сам себе. Но, все-таки, начинал борьбу, хотя знал, что проиграет. Но, если бы он погрузился в маразм, бездействию, его сердце не имело

бы ни минуты покоя. В польском народном характере закрепились такие понятия, как: честь, гордость и бунт [4]. Сегодня, это постепенно исчезает, так как наблюдаем перемешивание культур, однако в поляках остались эти черты, а честь для них важнее всего.

Эпоха романтизма, которая сыграла немаловажную роль в формировании польского менталитета — это не только внутренние переживания и неудачная борьба, но это также самое важное чувство — любовь. К этому относится закреплённое в польском языке «сердце». Даже имя одного из романтических героев, Кордиана, происходит от латинского слова „*cor, cordis*” и обозначает сердце. Романтический герой никогда не любил частично. Его любовь всегда была сильной, преданной, вечной и, чаще всего, несчастливой. Это чувство являлось и сегодня является самым важным.

Язык это живое творение, которое отражает в себе черты данного народа. Существует много пословиц со словом «душа» и в польском языке, но основы этого языкового явления другие. Корни надо искать в католической религии со всеми ее догматами.

Интересно, что по отношению к различным народам, употребимо понятие «народный менталитет», а русскому народу приписывается понятие «душа». Что заключается в выражении «русская душа», что в этом народе такого особенного? Исчерпывающий ответ на эти вопросы дал русский поэт, живший в XIX в., Федор Иванович Тютчев, который является автором слов:

«Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная стать —

В Россию можно только верить».[16, с. 216].

Считается, что для русского народа слова Тютчева, как духовное кредо. Говоря о русском народе и его национальном характере, нельзя избежать понятия «русская душа». Невозможно его объяснить двумя, тремя предложениями. Человеческие слова не в состоянии передать его суть, так как оно заключает в себе некую неуловимость, загадочность, тайну. О России и заодно, о людях живущих в ней, говорят, что это страна полная противоречий, неоднородная. Можно привести ряд черт, с которыми Россия ассоциируется, хотя они в оппозиции, например удаль и то, что русский надеется на авось. Другие общие черты указывают на сильно развитую душевность: общительность, большая роль эмоций, чувств, сентиментализм, гостеприимство, но также меланхолия, непрактичность и пьянство. Для россиян типична удивительная скромность. Корни вышеназванных национальных черт глубокие. Читая русские сказки, в которых также заключается мудрость народа, стоит поставить вопрос, почему главным героем русских сказок является, не кто-нибудь другой, а Иван-дурак. Но, в конце концов, Иванушка оказывается не таким уж дурачком, каким его считают. Он только прикидывается неумным, слабым, однако выигрывает, преодолевает препятствия в жизни и с помощью волшебных вещей получает желаемое. Так и получалось

в истории русского народа. В тяжёлое время войн, нашествий приходилось больше надеяться на высшую силу. Чтобы выдержать, надо было сохранить в себе терпеливость, неспешность. Какое-нибудь чудо быстрее могло спасти человека, чем его ум и сила. Видно, что все связано с историей, с прошлым, которое все-таки отражается сегодня — в национальном характере русских людей, хотя, наверно, не все отдают себе в этом отчет. Учитывая все это, надо однако помнить, что и эти черты, и суть понятия «русская душа» это обобщение, а обобщения опасны тем, что они чреватые стереотипами и национализмом. Народ надо воспринимать, как нечто целое, состоящее из отдельных личностей, имеющих свой неповторимый характер. Так в России, как и в каждой стране есть люди гостеприимные и замкнутые, ответственные и непрактичные, но поскольку понятие «русская душа» известно чуть ли не во всем мире, стоит знать его объяснение [1, с. 224–225; 12, с. 6–12].

Изучая национальный менталитет, особенно славянской страны, невозможно не коснуться так называемых жемчужин народной мудрости, которыми являются пословицы и поговорки [17, с. 156–158]. Поскольку статья касается темы души, будут проанализированы те выражения, в которых это слово выступает.

В этом случае тоже надо начать с определения и общих знаний. В чем заключается разница между пословицей и поговоркой? Существует такое разговорное сравнение, что поговорка это цветочек, а пословица является ягодкой. Пословицу можно определить, как понятное всем поучение, назидательность. Это уже полная, оконченная и устойчивая мысль, содержащая в себе опыт людей, народную мудрость, какую-то неизменную истину. Пословицы имеют сжатую, легкую для запоминания форму. Зато поговорка представляет собой выражение, которое не закончено полностью. Она тоже краткая, образная, но не выполняет дидактической функции в такой степени, как пословица. Эти существенные языковые элементы характеризуются образностью, лапидарностью, неповторимой структурой, в которой заключается глубокая мысль. В таких же выражениях, которые передаются и укрепляются не только в речи, но и в письменных сборниках, отражается характер данного народа, его приоритеты, идеалы, отношение ко многим элементам жизни. Они касаются каждой сферы деятельности человека. Их так много, что необходимо стало выделение такой отрасли науки — паремологии, которая занимается именно этими «языковыми жемчужинами» [10; 17, с. 156–158].

Среди польских и русских пословиц и поговорок со словом «душа» можно найти похожие по структуре, форме и содержанию эквиваленты, ведь оба языка славянские и в них заключается похожая шкала ценностей, идеи, но есть и некие различия.

Польская и русская народная мудрость считает душу чем-то важнее тела. Душа чистая, бессмертная и этим заслуживает особого уважения. Тело, в котором не было бы души — несущественная материя. Об этом свиде-

тельствуют следующие изречения: „Kwiat bez zapachu, jak człowiek bez duszy” (что в буквальном переводе означает: «Цветок без запаха, как человек без души»), „Dobry obiad i bez obrusa, kiedy jeno szczera dusza” (досл. «Хороший обед и без скатерти, если только душа искренняя»), „Lepiej chorować na ciele niż na duszy” (досл. «Лучше болеть телом, чем душой»). Среди русских пословиц тоже можно найти такие, которые признают первенство души над телом: «Душа всего дороже», «Душа — заветное дело», «Можно купить жизнь, но не душу» и т.д.

В пословицах ясно и точно выражается подтверждение оппозиции души и тела. То, что приносит благо одному, вредит второму, и наоборот. Все-таки душевные страдания более мучительные, хотя, на первый взгляд, может казаться, что именно ощутимую физическую боль тяжелее переносить. Но если человек терпеливо, без жалобы переносит телесные страдания, это может ему помочь достигнуть рая. Об этом и идет речь главным образом в польских пословицах и поговорках: „Bóle duszne większe niż cielesne” (досл.: Душевная боль больше, чем телесная), „Cierp duszo grzeszna, a będziesz zbawiona” (досл.: «Страдай, душа грешная, будешь спасена»), „Co ciało lubi, to duszę gubi” (досл.: «Что тело любит, то душу губит»), „Co ciało drogie, to duszy zaszkodzi”, существует и русский эквивалент: «Что телу любо, то душе грубо», „Grzech bardziej trapi duszę niż choroba ciała” (досл.: «Грех более печалит душу, чем болезнь тело»), „Przeciwności ciała lekarstwami duszy” (досл.: «Препятствия для тела лекарствами души»), „Ujmij ciało obroku, a dusza będzie syta” (досл.: «Отними у тела корм, душа будет сытой»). Из русскоязычных можно еще привести: «Телу простор — душе теснота», «Душа прохлады любит, а плоть — пар» и т.д. В польском языке нет точных эквивалентов этих пословиц.

Зато другие пословицы указывают не на антиномичность души и тела, а на их глубокую связь. Тело отражает свойства души данного человека и положительную, и отрицательную: „Kiedy chmura na czole, to pochurno i w duszy” (досл.: «Когда туча на лбу, пасмурно и в душе»), „Gdzie duszy miło, tam ciało gośnie” (досл.: «Где душе мило, там и тело растет»), „Co oko ciała, to sumienie duszy” (досл.: «Что глаз для тела, то совесть для души»), „Czarna sukienka — czarna dusza” (досл.: «Черное платье — черная душа»), „W zdrowym ciele zdrowa dusza” и русскоязычный эквивалент: «В здоровом теле здоровый дух».

Можно заметить, что большое количество польских пословиц со словом «душа» связано с религиозной жизнью, заботой о своей совести — о ее чистоте, о желании быть спасенным. К списку пословиц с похожей на эту тематикой, можно еще прибавить: „Jak msza zakuriona, to dusza wybawiona” (досл.: «Если месса куплена, душа спасена» — это обозначает, что такая форма молитвы, как месса помогает спасти душу человека), „Kto o duszę nie stoi, ten Boga się nie boi” (досл.: «Кто о душе не заботится, тот не боится Бога»), „Kto ma sumienie w duszy,

ten cudzego nie ruszy” (досл.: «У кого совесть в душе, тот не трогает чужое»). Но невозможно было, чтобы не возникли шуточные пословицы. Примером пусть будет одна, касающаяся священников: „Dbaj o cudze dusze, a zagrabia na swoje ciało” (досл.: «Заботится о чужих душах, а зарабатывает на свое тело»).

В русских пословицах замечаем другую тенденцию. В этом языке много народных выражений говорит об отношениях между людьми, о характерном для русского народа душевном общении, об открывании души перед другими людьми. Об этом можно судить по следующим высказываниям: «Говорить по душам», «Душа нарастает», «Душа общества», но так говорим и по-польски: „Dusza towarzystwa”, «Излить душу перед кем-либо», «Не чаять души в ком-либо» и польский эквивалент: „Nie widzieć poza kimś świata”, «Открывать душу», «Жить душа в душу» и т.д. Видно здесь, что уже растолкованное понятие «русская душа» находит обоснование в вышеприведенных пословицах и поговорках. Они и подтверждают, что Россия это прежде всего община людей, коллектив.

Душа это неповторимое богатство человека, скрытое от посторонних глаз. Это тайна, нечто неуловимое, единственное. Невозможно полностью узнать и проникнуть не только в душу другого человека (но если кто-нибудь пытается это сделать, воспринимается это, как нарушение внутреннего мира), но даже свою. С этим связаны такие пословицы, как: „Co w duszy, tego nikt nie ruszy” (досл.: «Что в душе, того никто не возьмет»), „Włazić w duszę z butami” и эквивалент: «Влезать в чужую душу». Из русских: «Чужая душа — потемки», «В чужую душу не влезешь», «Человека видим, а душу его не видим» и т.п.

О чем еще говорят «народные жемчужины»? Часто бывает так, что если судить по внешнему виду, человек беден, но душа у него чистая, он добр к другим, достоин уважения, несмотря на скромное имущество. На эту тему находим высказывания в обоих языках: „Choć bez kontusza, ale dzielna dusza” (досл.: «Хоть и без кафтана, но храбрая душа»), „Mały człowiek może mieć wielką duszę” (досл.: «У маленького человека может быть великая душа»), «У бедного шуба овечья, а та же душа человека». Но может быть и наоборот, когда красивое тело скрывает зло: „W pięknym ciele czarna dusza” (досл.: «В красивом теле черная душа»). Так или иначе, итог один: нельзя судить людей по их внешности.

Пословицы и поговорки с анализируемым словом касаются также таких чувств и состояний человека, как страх, боязнь. Вот примеры: „Dusza poszła w pięty (w portki)” и русский эквивалент «Душа в пятки уходит», „Mieć duszę na ramieniu” (досл.: «Иметь душу на плече» — сильно бояться), «Заячья душа» (в Польше скорее скажем „zajęcze serce”) и т.д.

Другим чувством, о котором упоминает народная мудрость, может быть какое-нибудь огорчение, скорбь, переживания, а в связи с этим поддержка другого человека, который несет страдающему утешение, доброе слово.

Все это можно найти в следующих выражениях: „Miło duszy, gdy się nad nią druga wzguszy” (досл.: «Приятно душе, когда вторая над ней сжалится»), «На душе кошки скребут», «Брать за душу» (и польский эквивалент: „Brać za serce”) и т.д.

Пословицы касаются также конца жизни человека, привязанности к жизни и воли жить, боязни смерти. Это доказывают следующие примеры: „Rada by dusza do raju, ale grzechy nie puszczają” (досл. «Хотелось бы душе в рай, но грехи не отпускают»), „Dusza w człowieku rogata, nie wyjdzie z ciała bez bata” (досл.: «Душа в человеке строптивая, не покинет тела без кнута»), „Łatwiej duszę zbawić niż lotra naprawić” (досл.: «Легче спасти душу, чем исправить негодяя») и «Еле-еле душа в теле», «Отдать душу Богу», «Бог души не вынет, сама душа не выйдет» и т.д.

Если видим что-нибудь неприятное с виду, вызывающие отвращение, тогда скажем: «С души воротит» (по-польски скажем: „Obrzydzenie bierze”) или кто-нибудь относится к нам не по-человечески, тогда по-русски можно сказать: «Выматывать кому-либо душу» (польский эквивалент: „Smędzić komuś nad uchem/głową”), «Кривить душой» или шутливо советуя мужчине: „Kochaj żonę całą duszą, a trzęś nią jak gruszą” (досл.: «Люби жену всей душой, но тряси ею, как грушей»). Если не видим никого,

можем употребить выражение: «Нет ни души где-либо», а по-польски: „Nie ma żywej duszy (żywego ducha), а когда что-то нам очень нравится: «Что-то кому по душе» (по-польски: „Coś przypadło komuś do gustu”).

Слово «душа» имеет довольно обширную семантику. Если к этому добавить коннотации и возможные словосочетания, получается возможность широкого употребления этого слова. Это хорошо видно в польских и русских пословицах и поговорках, которые, хотя имеют в составе одно и то же анализируемое слово, касаются разных сфер жизни. Поскольку оба языка славянские, существуют эквиваленты многих пословиц, то ли на уровне структуры, то ли переносного значения. Польские пословицы отличаются преимущественно религиозной тематикой, что связано с заботой о своей совести, чистоте души. Зато для русскоязычных выражений характерно, что отражается в них душевное общение русских, указание на глубокую, душевную связь с другими людьми. В русских пословицах можно найти много черт, которые подразумеваются под понятием «русская душа».

Несмотря на сжатую форму пословиц и поговорок, они богаты сущностью. Надо заботиться о том, чтобы они не исчезли из языка, так как тогда народ потерял бы свое бесценное нематериальное сокровище — мудрость.

Литература:

1. A. Telepnev, M. Ziomek, Влюбиться в Россию, PWN, Warszawa — Bielsko-Biała, 2001.
2. D. i W. Masłowsky, Wielka księga przysłów polskich, KDC, Warszawa 2008.
3. D. Świerczyńska, Przysłowia są... na wszystko, PWN, Warszawa 2001.
4. M. Bierdiajew, Rosyjska dusza, polska dusza, <http://kresy24.pl/60302/rosyjska-dusza-polska-dusza/>, 29.01.2015.
5. Na wszystko jest przysłowie, opr. S. Świrko, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań 1985.
6. Nauka o języku, red. A. Markowski, WSiP, Warszawa 2006.
7. Rosyjskie frazeologizmy, przysłowia i sentencje, opr. D. Samek, REA, Warszawa 2006.
8. Słownik języka polskiego, PWN, Warszawa 2006.
9. Wielki słownik frazeologiczny polsko — rosyjski, rosyjsko — polski, red. Jurij Łukszyn, Harald G Dictionaries 1998.
10. Влияние русских пословиц и поговорок на поведение человека, <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=526042>, 06.01.2015.
11. Е. Я. Шейнина, Энциклопедия символов, М.: АСТ; Харьков: Торсинг 2007.
12. О.Л. Белянко, Л.Б. Трушкина, Русские с первого взгляда, что принято и что не принято у русских, Москва 2003.
13. Пословицы и поговорки о душе, <http://www.smisl-zhizni.ru/poslovitsi-i-pogovorki/638-o-dushe>, 06.01.2015.
14. С. А. Кузнецов, Большой толковый словарь русского языка, Российская Академия Наук, Институт Лингвистических исследований, Санкт-Петербург, «Норинт» 2002.
15. сост., А. В. Липатов, И. В. Шайтанов, Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание, издательство «ИНДРИК», Москва 2000.
16. Ф. И. Тютчев, Умом Россию не понять [в:] Избранная лирика, Кемерово 1979.
17. Ю. Вьюнов, И. Данецка, В. Стародубцев, «Россия: страна и люди» хрестоматия для поляков, изучающих русский язык, историю и культуру России, Uniwersytet Opolski, Opole 2004.

Особенности текста научного стиля

Питимирова Наталья Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Демидова Ольга Михайловна, старший преподаватель
Томский политехнический университет

В данной статье рассматриваются особенности и характеристики научных изданий, произведений и текстов, выделяются их жанровые, лингвистические и стилистические черты.

Ключевые слова: *типы научного текста, источники научной информации, лексические особенности научного текста.*

С вхождением России в мировое научное и образовательное пространство, с переходом на двухуровневые образовательные программы (бакалавриат, магистратура), повышением требований к уровню публикаций — издание научных статей в списке Web of Science, Scopus, возникла необходимость в обучении будущих специалистов написанию научных текстов различного уровня. Некоторые аспекты обучения научному, академическому дискурсу рассматриваются в работах Г. А. Дубининой, Н. В. Савченко, О. Л. Добрыниной, О. М. Демидовой, А. М. Перлова [2–4]. Для более эффективной подготовки студентов к научной деятельности необходимо рассмотреть особенности и характеристики научных изданий, произведений и текстов, выделить их жанровые, лингвистические и стилистические черты.

Научный стиль языка функционирует в сфере науки, техники и производства. Языковыми особенностями научного стиля являются: предварительное обдумывание высказывания, нормированность и монологический характер речи, строгий отбор языковых средств.

Тексты научного стиля отражают этапы научной мыслительной деятельности автора, который, опираясь на факты, выдвигает гипотезу, объясняющую какое-либо явление, находит способы ее проверки, доказательства, осмысливает общую систему научных знаний. Научный текст предполагает стремление автора рационально представить информацию обобщенному адресату.

Основными признаками научной коммуникации являются: научная тематика, точное определение понятий, стремление к обобщению, абстракции, логичность и доказательность изложения, объективный характер изложения, насыщенность фактической информацией, сжатость изложения.

Научный стиль имеет ряд общих черт, проявляющихся независимо от характера самих наук (естественных, точных, гуманитарных) и жанров высказывания (монография, научная статья, доклад, учебник и т. д.), что позволяет говорить о специфике стиля в целом. Его характеризуют логическая последовательность изложения, упорядоченная система связей между частями высказывания, стремление авторов к точности, сжатости, однозначности выражения при сохранении насыщенности содержания.

Основной функцией научного стиля является не только передача логической информации, но и доказательство ее истинности, новизны и ценности.

Вторичная функция научного стиля — активизация логического мышления читателя (слушателя).

Научный стиль делится на три основные разновидности: *собственно научный, научно-учебный, научно-популярный* и множество разновидностей, обслуживающих сферу науки [4; с. 23].

Оценивая роль научного стиля русского языка, надо иметь в виду, что он становится важным фактором международного научного общения. Научное общение реализуется преимущественно в письменной форме речи. В письменной форме выделяется около 20 жанров научного текста, из которых наиболее востребованными в процессе обучения являются *конспект, реферат, тезисы, статья, аннотация, отзыв*. К письменным научным документам относятся неопубликованные документы: *диссертации, депонированные рукописи, отчеты о научно-исследовательских работах и опытно-конструкторских разработках, научные переводы, обзорно-аналитические материалы*. Однако с развитием средств массовой коммуникации, с ростом значимости науки в современном обществе, увеличением числа различного рода научных контактов, таких как конференции, симпозиумы, научные семинары, возрастает роль устной научной речи. Устная форма вторична, так как она основана на заранее написанном тексте. В устной научной речи основными жанрами являются *доклад, выступление в дискуссии* и др. [2; с. 18].

Также источниками научной информации служат **первичные документы**, содержащие исходную информацию, непосредственные результаты научных исследований (*монографии, сборники научных трудов, авторефераты диссертаций* и т. д.), и **вторичные документы**, являющиеся результатом аналитической и логической переработки первичных документов (*справочные, информационные, библиографические* и другие издания).

Стилевой приметой научного текста является повторение одних и тех же слов в научной речи. Основными качествами научного стиля являются — логичность изложения, смысловая точность, информативная насыщенность, объективность изложения, скрытая эмоциональность, использование отвлеченной лексики.

Языковые средства научного стиля:

1. Лексика:

— термины (*сила, ускорение, синтез*);

— общенаучные слова (*иметься, существовать, предполагать, идея, гипотеза, число, система, функция, точка, уравнение, случай, значение, элемент, процесс, множество, часть, вещество, величина, плоскость, получить, различный, определить, равный* и др.);

— общелитературные слова, преимущественно с абстрактными понятиями (*особенность, характер, стремление*);

— интернационализмы (*агитировать (agitate), ретроспективно (retrospect), спидометр (speed), пуризм (pure), препарировать (prepare), феномен (phenomenon), пролонгировать (prolong), экспрессия (expression), контейнер (container), конструкция (construction)* и др.

2. Причастия (*проявляющийся, проделанный, наблюдаемый, сложившийся, отмеченный*).

3. Сложные синтаксические конструкции (*из полученного результата следует...*)

4. Вводные слова и словосочетания, указывающие на источник сообщения (*по сообщению, по мнению, по данным*), степень достоверности (*действительно, возможно, вероятно*), порядок следования (*во-первых, во-вторых, затем, следовательно, наконец*).

5. Безличные и обобщенно-личные предложения (*всем известно, что...; возможно предположить, что...; допустим, что...; в качестве примера рассмотрим...*)

6. Наличие речевых клише (*следовать правилам, следовать примеру, играть роль, иметь значение, оказывать влияние, выполнять функции*) [2; с. 19].

Вместе с тем ряд слов (и словосочетаний) употребляется в научных текстах преимущественно в «служебном» значении. Для них характерно «смысловое опустошение»: *имеется в виду..., данные примеры, в количестве, в форме, путем, является, заключается, имеется, выступает* и др.

В научном стиле используется и абстрактная лексика: *фактор, развитие, творчество, самосознание, осмысление, движение, выражение, длительность, интенсивность, течение, время, движение, условие, количество, явление, отношение, действие, свойство, образование, изменение, распределение, направление, состояние, влияние* и др.

Наиболее употребительными глаголами являются: *быть, иметь, найти, получать, обозначать, определять, следует, называться, рассматривать, требуется представлять собой, являться* и др.

Часто в научном стиле для обозначения новых понятий, явлений, предметов употребляются слова или словосо-

четания, заимствованные из других стилей, например, *усталость металла, солнечный ветер, солнечная батарея, материнская плата, режим ожидания* и т.д.

Фразеология научного стиля характеризуется наличием составных терминов (*солнечное сплетение, прямой угол, точка пересечения, точка замерзания, точка кипения, звонкие согласные, причастный оборот, сложноподчиненное предложение* и т.д.).

Изложение, как правило, ведется от третьего лица (*автор полагает...*)

В научном тексте присутствует решение некоторого проблемного вопроса, касающегося выбранного объекта, описанного ранее. В отдельных случаях в научных текстах речь может идти о новом объекте [2; с. 42].

В научных текстах широко употребляются конструкции с причастными и деепричастными оборотами.

Как правило, модель научного текста состоит из: описания опыта предшественников, обоснования выбора темы и доказательства ее актуальности; определения объекта и предмета исследования; целей и задач, методов; тезисов, аргументов, иллюстраций, выводов [2; с. 42].

Выводы

Итак, научный стиль языка представляет собой разновидность стиля языка, функционирующий в сфере науки, техники и производства. Тексты научного стиля отражают этапы научной мыслительной деятельности автора, стремление автора рационально представить информацию обобщенному адресату.

Признаками и способами изложения научной коммуникации являются: научная тематика, точное определение понятий, стремление к обобщению, абстракции, логичность и доказательность изложения, объективный характер изложения, а также сжатость изложения.

Функции научного стиля — доказательство истинности информации, ее новизны и ценности. Реализация научного стиля происходит в письменной и устной речи.

Источниками научной информации служат **первичные документы** (*монографии, сборники научных трудов, авторефераты диссертаций* и т.д.), и **вторичные документы** (*справочные, информационные, библиографические* и др. издания).

Среди языковых средств научного стиля можно выделить *термины, общенаучные слова, причастия, вводные слова и словосочетания, указывающие на источник сообщения, степень достоверности и порядок следования, клише, абстрактная лексика* и др.

Литература:

1. Бакланова, П. П. Учебный и научный тексты с точки зрения постулатов речевого общения. Русский язык в школе. — 2010. — № 5. — с. 30–36
2. Гордеева, О. И., Пономарева, Е. Н. Научный стиль русского языка: учебное пособие; Томский политехнический университет. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. — 79 с.

3. Демидова, О. М. Развитие умений академического письма магистров неязыкового вуза. [Текст] / О. М. Демидова // Молодой ученый. — 2014. — № 1. — с. 510–516
4. Дубинина, Г. А., Савченко Н. В. Обучение письму научной направленности в магистратуре. В сборнике: Наука в современном мире: теория и практика Материалы II Международной научно-практической конференции. Уфа, 2014. с. 42–49.
5. Интернет-портал российского общества клинической онкологии [http://www.rosoncweb.ru/journal/archive/2015/03/\[54–55\]](http://www.rosoncweb.ru/journal/archive/2015/03/[54–55])
6. Полемика об обучении научной работе: презумпции и перспективы А. М. ПЕРЛОВ, Российский государственный гуманитарный университет // Высшее образование в России, № 7, 2012, с. 117–130
7. Русский язык и культура речи: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. проф. О. Я. Гойхмана.: ИНФРА-М; Москва; 2009.
8. Скороходова, Е. Ю. Современное состояние функционально-стилистической системы русского литературного языка // Вопросы филологии. — 2007. — № 1.
9. Хомутова, Т. Н. Научный текст: интегральный анализ лексики // Язык и культура. — 2010. — № 4.
10. Экономика и финансы для студентов вуза <http://finvuz.ru/esse/esse-na-temu/esse-na-temu-ekonomika-kak-obekt-gosudarstvennogo-regulirovaniya.html/2015/03/>

Влияние социокультурных факторов на речевые стратегии (в аспекте медицинского дискурса)

Пономаренко Елена Аликовна, доктор филологических наук, доцент

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского (г. Симферополь)

Понятие *речевой стратегии* является одним из ключевых в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках. Обзор существующих подходов к изучению данного понятия представлен в работах Т. ван Дейка, В. З. Демьянкова, Т. Е. Янко, О. И. Иссерс, Ф. С. Бацевича и других учёных.

Современные исследования разных типов дискурса (юридического, рекламного, политического и т. д.) позволяют предположить, что «специфика коммуникативных задач в той или иной социальной сфере находит отражение в наборе и эффективности коммуникативных стратегий и тактик» [1, с. 380]. Общение *врача и пациента* также принадлежит к стратегически релевантным ситуациям.

И хотя в последнее время в отечественной науке уже появились глубокие исследования в области медицинского дискурса (Л. С. Бейлинсон, М. И. Барсукова, Н. В. Гончаренко, В. В. Жура), вопросы, затронутые в них, не до конца освещают всей сложности и многогранности специфики речевого взаимодействия *врача и пациента*. Отметим, что в работах названных лингвистов внимание сосредоточено в основном на изучении речевого поведения *врача* в рамках ограниченного круга ситуаций.

Цель статьи — проанализировать зависимость речевых стратегий и тактик от социальных обстоятельств и культурных особенностей определённого временного отрезка. Стратегии и тактики в работе рассматриваются на уровне речевого жанра, поскольку включаются в систему конститутивных признаков, формирующих «паспорт жанра».

Предлагая взглянуть на проблему социокультурной обусловленности речевых стратегий, мы акцентируем в понятии культуры вектор времени: речевые жанры, извлечённые из художественных произведений писателей-врачей конца XIX — первой четверти XX века (А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова) рассматриваются в сопоставлении с речевыми жанрами, присутствующими в произведениях писателей-врачей советской эпохи (Ю. З. Крелин, Н. М. Амосов, Ф. Г. Углова).

Общеизвестно, что для успешного осуществления интерактивной деятельности адресант выстраивает свое высказывание с учётом общего стратегического замысла, при этом иногда прибегая к всевозможным переплетениям тактик и их вербальных и невербальных воплощений. Стратегия речевого поведения при нормальном диалоговом общении предполагает соблюдение так называемого «коммуникативного кодекса», который представляет собой систему принципов кооперации (солидарности) и этикетности (вежливости), регулирующих речевое поведение говорящих.

В анализируемых разновременных речевых жанрах, организующих высказывание *пациента* (*жалоба, мольба, просьба, отказ, благодарность*) основной стратегической задачей является получение квалифицированной медицинской помощи и избавление от физических недугов. При этом речевые жанры, присутствующие в произведениях писателей-врачей конца XIX — первой четверти XX века, демонстрируют расширение стратегической задачи за счёт желания пациента получить душевную,

психологическую поддержку. Например: — *Часто это с вами бывает? — спросил он. Она пошевелила губами и ответила: — Часто. Мне почти каждую ночь тяжело... — Я хочу сказать вам свое мнение. Мне кажется, что у меня не болезнь, а беспокоюсь я и мне страшно, потому что так должно быть и иначе быть не может* (Чехов, Случай из практики).

Фрагменты речевых жанров, извлечённых из произведений авторов советского времени, показывают, что в них подобная тенденция отсутствует, так как в данный исторический период уже существовала отдельная психотерапевтическая отрасль медицины, и пациент для стабилизации или улучшения своего психоэмоционального состояния мог напрямую обратиться к специалисту соответствующего направления.

Речевая стратегия тесно связана с речевыми тактиками, которые рассматриваются как «совокупность практических ходов, линий речевого поведения в реальном процессе речевого взаимодействия» [2, с.108]. Однако в нашем материале, а именно в речевых жанрах, выбранных из рассказов писателей-врачей конца XIX — первой четверти XX века, выявленная стратегическая задача не дробится на тактики. Это обусловлено определенными факторами внеязыковой действительности, к которым в первую очередь следует отнести заведомо низкую социально-статусную позицию пациента, находящегося в зависимом положении от врача. Во-вторых, наивные представления о медицине, а также «обожествление» образа врача.

Отношения зависимости, подчинённости следует рассматривать не как социальные, а как сакральные, поскольку образ врача в данный исторический период воспринимался языковой личностью как образ Бога-Вседержителя — вершителя человеческих судеб. В древних культурах — египетской, иудейской, греческой, византийской — способность врачевать свидетельствовала о «божественной» избранности человека и определяла его элитное, как правило, жреческое положение в обществе. Православная христианская религия, заимствованная из Византии в X веке, повлияла на развитие древнерусской медицины. По примеру Византии в монастырях и церквях Киевской Руси монахи занимались лечением больных. Некоторые из монахов были причислены к лику святых. Поэтому в русской христианской традиции в безнадежных, трагических ситуациях принято приходить в Храм и просить помощи у Спасителя, ибо жизнь и смерть человека зависит от воли Господа. Обращаясь к врачу и доверяя ему свою жизнь, пациент как от Бога ждёт от доктора проявления безграничных возможностей и сотворения чуда.

Вековые традиции врачевания предусматривают наличие специфических отношений врача и пациента. Являясь представителем общественного института медицины, врач придерживается конвенциональных приоритетов. В процессе речевого взаимодействия с пациентом он выстраивает стратегии общения на основе тактических ходов, которые дифференцируются в зависимости от многочисленных немедицинских факторов. Так, репер-

туар жанров, организующих речевое общение врача (*постановка диагноза, отказ, утешение, убеждение, совет, обвинение*), характеризуется наличием основной стратегической задачи — оказание квалифицированной медицинской помощи заболевшему человеку, то есть, определение заболевания, проведение курса лечения, а также рекомендация определённой линии поведения.

Анализ особенностей речевого взаимодействия в сфере общения «врач — пациент» позволил отметить, что чёткое и однозначное выделение конкретной речевой стратегии не всегда представляется возможным. Более того, стратегические задачи и речевые тактики врача в речевых жанрах анализируемых разновременных источников могут различаться и зависеть от различных экстралингвистических обстоятельств. Заметим, что в речевых жанрах, извлечённых из произведений писателей-врачей конца XIX — первой четверти XX века, отмечается наличие расширенной стратегической задачи — оказание бескорыстной медицинской и психологической помощи, причём указанная стратегическая задача редко подразделяется на речевые тактики.

Представленное наблюдение подкреплено данными культурно-исторической реальности, которая свидетельствует о том, что Россия в конце XIX — первой четверти XX века продолжала оставаться экономически, аграрно и культурно отсталой страной. Хозяйственная и политическая нестабильность, военные интервенции способствовали развитию многочисленных инфекционных заболеваний (дифтерии, скарлатины, холеры, тифа, сифилиса и др.), которые приобретали масштаб эпидемии и квалифицировались как смертельно опасные. В это время медицинская помощь была особо востребована. Поэтому в сельскую местность на борьбу с эпидемиями и санитарным неустройством были направлены группы земских врачей, которые вели бесплатную медицинскую помощь.

Недостаток врачебного опыта у земских докторов иногда отрицательно сказывался на их профессиональной деятельности. Из-за ошибочно поставленного диагноза или некорректных хирургических манипуляций наблюдались случаи гибели пациента. В связи с этим у врачей появлялось чувство страха и неуверенности в собственных силах. Поэтому в период речевого взаимодействия с пациентом или его родственниками, чтобы скрыть волнение или ощущение некомпетентности, говорящий (доктор) намеренно пытался оптимизировать речевой контакт и прибегал к многочисленным тактическим ходам. Например, к тактике «сближения с пациентом». *Лидку вынесли в простыне, и сразу же в дверях показала мать. Глаза у неё были как у дикого зверя. Она спросила у меня: — Что? Когда я услышал звук её голоса, пот потёк у меня по спине, я только тогда сообразил, что было бы, если бы Лидка умерла на столе. Но голосом очень спокойным я ей ответил: — Будь поспокойнее. Жива. Будет, надеюсь, жива. Только, пока трубку не вынем, ни слова не будет говорить, так не бойтесь* (Булгаков, Стальное горло). В данном случае маркерами «сближения» выступают: 1) форма императива единственного числа (*будь*

поспокойнее); 2) формы выражения субъективной модальности (глагол *надеяться* и его производные); 3) императивная форма глаголов со значением ‘эмоционального состояния человека’ *бояться, волноваться*; 4) паралингвистические средства.

Ограниченное количество речевых тактик или их отсутствие в стратегической организации речевого общения врача обусловлено также социальной культурой доктора. К ценностным постулатам и нормам медицинской деятельности конца XIX — первой четверти XX века причислялись образованность, религиозность, бескорыстность, эмпатия (способность сопереживать), самоотверженность, правдивость и гуманизм.

В речевых жанрах, присутствующих в произведениях писателей советского периода, наоборот, наблюдается расширение тактико-стратегической составляющей. Наличие разветвлённого набора речевых тактик также определено рядом обстоятельств нелингвистического плана. Так, при изменившемся общественно-экономическом строе, основанном на иной идеологии, произошло смещение ценностных ориентиров. Нивелирование религиозных устоев способствовало тому, что в данную историческую эпоху доктора перестали воспринимать как спасителя, наделив его качествами «обычного» человека, грамотно выполняющего свои профессиональные обязанности.

Эпоха социализма, пропагандирующая общественный контроль на средства производства, провозгласила принцип планирования, который распространялся на все сферы человеческой жизни. В медицинской отрасли осуществлялся плановый лечебно-диагностический процесс: фиксированное количество койко-мест в больницах; строгая очередность в условиях поликлинического обследо-

вания; нормированное количество пациентов в день и т.д. Такой подход провоцировал распространение тех же практик, в результате которых врач посредством данной ему коммуникативной власти осуществлял организованное вербальное воздействие на личность пациента. Например, *отказ* выражался в основном косвенным образом, что продиктовано стремлением говорящего сохранить заданные в процессе общения конвенциональные отношения. *Старушка осталась в комнате, а они вышли разговаривать в коридор. — Вы поймите, что класть в больницу бессмысленно. Единственно возможное лечение — операция. А оперировать её нельзя. Что ж класть — место только занимать. Нам же не разрешат* (Крелин, От мира сего).

Административные методы организации медицинской сферы способствовали укреплению стандартизации процедуры общения, клишированности речи, соблюдению строгой коммуникативной дистанции между участниками общения.

Несмотря на некоторые негативные социальные обстоятельства, врач все же оставался специалистом, профессиональная деятельность которого обусловлена как постулатами медицинской этики — деонтологии, так и личностными его качествами: добропорядочностью, самоотверженностью, гуманизмом.

Таким образом, в ходе исследования нами установлено, что в речевых жанрах, организующих речевое общение *врача и пациента*, выделяются стратегические задачи, особенности которых зависят от многочисленных факторов внеязыковой действительности. Перспективным представляется изучение речевых жанров в динамическом аспекте с учетом культурно обусловленных языковых и коммуникативных тенденций.

Литература:

1. Иссерс, О. С. Когнитивные и речевые стратегии в аспекте их функционирования в различных типах дискурса / Русский язык: исторические судьбы и современность. — М.: ИС РАН, 2007. — 430 с.
2. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. Пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 152 с.

Особенности фонетических процессов ассимиляции на материале французского и русского языков

Пятых Ксения Николаевна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: фонетические процессы, французский язык, русский язык, ассимиляция, фонетический строй языка.

В данном исследовании представлен сравнительный анализ фонетических процессов ассимиляции во французском и русском языках. В основе сравнения лежит

классификация механизмов изменений, которым подвергаются артикуляции звуков в потоке речи. Между тем номенклатура этих изменений в ряде случаев не установ-

лена окончательно ни для французского, ни для русского языка. Например, ведется полемика по вопросам о наличии или отсутствии палатализации в русском языке, об уместности применения термина «редукция» к согласным звукам.

Целью исследования является изучение фонетических процессов ассимиляции и их влияния на фонетический строй каждого из языков, выявление наиболее характерных тенденций в позиционных (в широком смысле) изменениях в каждом из языков и их сопоставление.

Научный материал отражает взгляд наиболее авторитетных ученых в области фонетики и фонологии, как теоретиков, так и практиков, по данной теме. Он излагается по соответствующим разделам совместно с практическим материалом, который, в свою очередь, тщательно продуман. Исходные нормативные понятия базируются на теоретических положениях, разработанных российскими лингвистами, занимающимися проблемами фонетических процессов в языке (А.Н. Рапанович, В.Г. Гак, Л.Р. Зиндер, Ю.С. Маслов и др.). При изложении практического материала использованы как сведения, имеющиеся в лингвистической литературе (отечественной и зарубежной), так и собственные наблюдения автора за речью информантов — носителей языка. Приводятся примеры, как из литературного языка, так и из разговорной речи и даже просторечия, что помогает наиболее полно проиллюстрировать процессы и явления, которые актуальны на современном этапе развития рассматриваемых языков.

Одним из важнейших фонетических процессов является ассимиляция. При полной ассимиляции оба согласных звука становятся совершенно одинаковыми. Первая согласная принимает все характеристики следующей за ней фонемы [2, с. 42]. В качестве примеров можно привести слова «сшить», «сшибить» [ʃ ʃ ɪtʲ], [ʃ ʃ ɪbitʲ], в которых переднеязычный согласный однофокусный [s] уподобляется переднеязычному двухфокусному согласному [ʃ] и становится тоже двухфокусным согласным [ʃ] [7, с. 147].

На стыке слов отмечается процесс частичной ассимиляции. Перед начальной глухой-сильной согласной второго слова, конечная звонкая—слабая согласная предыдущего слова становится глухой, оставаясь при этом слабой, например, франц.:

une robe simple «простое платье»;

je viens d (e) partir «я только что ушел».

Перед начальной звонкой—слабой согласной, последняя глухая—сильная согласная предыдущего слова становится звонкой, но продолжает быть сильной, например, франц.:

un lac grand «большое озеро»;

une faute dangereuse «опасная ошибка».

Такая особенность ассимиляции во французском языке объясняется важной ролью, которую играет мускульное напряжение во французской артикуляции [7, с. 146].

В русском языке также существует правило ассимиляции по звонкости/глухости, согласно которому при-

мыкающие звуковые сегменты разделяют одни и те же звуковые характеристики. Эта ассимиляция обычно регрессивная с озвончением или оглушением шумного звукосочетания, обусловленного конечным звуком. Обычно это явление встречается внутри слова, а также на стыке предлога со словом. При этом конечные шумные предлогов бывают глухими, в случае когда они сочетаются с лексемами, имеющими начальные глухие согласные, и звонкими, когда примыкают к лексемам с начальными звонкими согласными [4, с. 41].

Рассмотрим следующие примеры:

1) от соли /тс/> [тс] 3) от золота /тз/> [дз]

2) под солью /дс/> [тс] 4) под золотом /дз/> [дз]

Видно, что когда шумный согласный в начальной позиции звукосочетания предшествует глухому шумному звуку, и поэтому должен произноситься как глухой, в то время как в случае предшествования в звукосочетании начального шумного звонкому шумному первый должен произноситься как звонкий.

В зависимости от того, «который из двух рядом стоящих звуков подвергается изменению, различают типы регрессивной и прогрессивной ассимиляции. Если изменяется предшествующий звук, то ассимиляция называется регрессивной. Этот тип является наиболее распространенным в обоих языках» [6, с. 223].

Уподобление идет, обычно, по звонкости и глухости согласных, но не затрагивает напряженности их произношения. Согласные ассимилируются лишь в том случае, если между ними нет непроемного гласного. Ассимиляция происходит на стыке двух слов, например, франц.:

une tête blanche [yn-tet-ˈblɑːʃ] «седая голова»;

une robe pâle [yn-rob-ˈpaːl] «бледное платье».

Внутри слова ассимиляция полнее, чем на стыке слов, особенно если это парные согласные: в транскрипции можно встретить слова «obstacle» [ps-ˈtakl] «препятствие»; «abstenir (s')» [(s) apst-ˈniːr] «воздерживаться» с [p] вместо [b], но никогда не встречается: «une robe pour vous» «платье для вас», как [yn-r p-pur-ˈvu] вместо [yn-r b-pur-ˈvu].

Следует также упомянуть о тенденции к произношению суффикса —isme как [izm], например, франц.: modernisme [m-dɛr-ˈnizm] «модернизм». Такое произношение ранее было характерно только для юга Франции, где носовой согласный [m] позволяет ассимиляцию, что ведет к озвончению [s] [6, с. 39].

Большое количество ассимиляций возникает, главным образом, в связи с частым выпадением ([]) беглого в разговорной речи: появляются новые группы согласных, в которых наблюдаются ассимилятивные процессы, например, франц.:

dans c (e) genre d (e) situation [dɑ-z-zaːr-t-si-tʲɑ-ˈsj] «в подобной ситуации»;

j (e) (ne) sais pas [ʃ (s) e-pa] «я не знаю».

Рассмотрим теперь фразу «pas de chance» «никаких шансов». Звонкий согласный [d] в слабой позиции испы-

тывает влияние глухого [ʃ] в сильной позиции. Но, так как новое звуко сочетание [tʃ] схоже с аффрикатой, оно не обязательно реализуется в речи, например, франц.: [pa (d) — 'ʃɑ: (s)] > [pa (t) — 'ʃɑ: (s)] > [pa- 'tʃɑ: (s)].

Помимо этого, можно привести еще несколько подобных новых групп согласных: [dz], [ts], [gz], например: un jus de citron [ɛ-zy (t) -si- 'tr] или [ɛ-zy-tsi- 'tr] «лимонный сок». Кроме того, возможна ассимиляция по признаку назальности, например, франц.: rapid (e) ment [ra-pi-p- 'mɑ] «быстро»; une heure et d (e) mie [y-nœg-e- 'nmi] «полчаса».

Явлением прогрессивной ассимиляции «называется изменение последующего звука в зависимости от предыдущего. Заключается она в том, что в результате задержки нервного импульса, либо недостаточно быстрого его выполнения органами речи, происходит удерживание того или иного признака артикуляции предшествующего звука и распространение его, таким образом, на последующий звук, следствием чего и является изменение, уподобление этого последнего предыдущему» [3, с. 88]. Встречается она гораздо реже регрессивной.

По мнению ряда специалистов (А. Н. Рапанович, М. В. Гордина) прогрессивная ассимиляция чрезвычайно редка во французском литературном языке. Единственным примером в современном французском является слово «subsister» [syb-zis- 'te] «существовать». Так, «действие голосовых связей при [b] задержалось и распространилось на артикуляцию следующего согласного, который также стал звонким, сохранив при этом свои остальные артикуляционные признаки (остался зубным и фрикативным)» [1, с. 141].

Однако, зарубежные авторы (Виолан, Пикош) отмечают, что на конце слова оглушение сонантов в группах типа tr, pl, pr (muta cum liquida) происходит именно благодаря прогрессивной ассимиляции, например, франц.: quatre ['katr] «четыре»; peuple ['rœpl] «народ».

Возможно, что подобные процессы затрагивали сначала только группы «глухая согласная + г (l)». Но в настоящее время, конечные сонанты оглушаются также и после звонких согласных, например, франц.: pauvre ['po- vr] «бедный»; ongle [' : gl] «ноготь».

В этом случае речь идет, скорее всего, об оглушении по аналогии, а в сочетании согласных bl, cl, dr, fl, gr, pr, tr, vr представляют собой очень устойчивые соединения. Таким образом, сонанты, оглушавшиеся после k, f, p, t, качественно изменяются и после g, v, b, d.

Кроме этого, можно заметить, что в разговорном стиле прогрессивная ассимиляция имеет место всякий раз, когда вторая согласная группы является сонантом [7, с. 145]. Следовательно, [j] в слове “piéd” оглушается при взаимодействии с начальной [p]: ['pje] «ступня».

Другой пример — звонкий согласный [v]. Являясь по происхождению сонантом, он тоже подвергается оглушению в группе [ʃ], например, франц.: cheval ['ʃval] «лошадь».

В русском нормативном литературном языке явление прогрессивной ассимиляции не встречается. Пример можно привести лишь из русских диалектов, например: «дядька», «Ванька» с мягким [k']. Здесь имеем дело с ассимиляцией по мягкости-инерции «поднятого положения средней части спинки языка в момент произнесения последующего согласного» [5, с. 224].

Таким образом, на современном этапе во французском языке явление ассимиляции развивается интенсивнее, чем в русском. Отметим, что теоретическое значение изучения фонетических процессов в речи достаточно велико, сравнение этих процессов в разных языках позволяет определить условия тех или иных изменений, и установить причины их возникновения. Практическое значение проблемы еще важнее. Ознакомление с изменениями звуков речи, сопоставление их произношения помогают лучше понять фонетические явления во французском языке, а значит и полнее овладеть им.

Литература:

1. Вводно-коррективный фонетический курс французского языка / Баранникова К. К., Колтыпина В. Я., Михеева В. Т. и др. — 2 изд., исправ. и допол. — М.: Высшая школа, 1980. — 230 с.
2. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание. — 3 изд., исправ. — М.: Высшая школа, 1998. — с. 41–44.
3. Рапанович, А. Н. Фонетика французского языка. 3-е изд., испр. — М.: Высшая школа, 1980. — с. 32–36, 86–90, 145–149.
4. Роббли, К., Буртон М. (Филадельфия, США). Ассимиляция по звонкости / глухости в русском языке: Фонетические и перцептивные свойства // Проблемы фонетики. III. Сборник статей / Отв. ред. Касаткина Р. Ф. — М.: Наука, 1999. — с. 38–48.
5. Сенцов, А. Э., Коваленко А. М. Основные фонетические процессы и их проявление на примере французского и русского языков // Молодой ученый. — 2011. — № 2. Т. 1. — с. 223–225.
6. Соколова, В. С., Портнова Н. И. Фонетика французской разговорной речи. — М.: Высшая школа, 1990. — 167 с.
7. Шигаревская, Н. А. Теоретическая фонетика французского языка. — М.: Высшая школа, 1973. — с. 142–151.

Топонимы Ишимского района, возникшие в результате трансонимизации

Ракитина Елена Васильевна, кандидат филологических наук, доцент;

Шевелёва Елена Олеговна, студент

Тюменский государственный университет, филиал в г. Ишиме

Топонимические исследования являются одним из перспективных направлений современной лингвистики, потому что они ориентированы на изучение и сохранение региональной топонимии как памятника истории и культуры народа.

В этом отношении большой интерес представляет регион российского Приишимья: «Богатство и разнообразие топонимических типов, преемственность и сохранность в русской среде региона фактов, относящихся к исчезнувшим ныне языкам, делают в целом топонимию российского Приишимья ценнейшим источником изучения». [1, с.3]

В данной работе проводится семантико-словообразовательный анализ топонимов Ишимского района с целью выявления группы тех наименований, которые возникли в результате трансонимизации.

По утверждению Н.В. Подольской, трансонимизация представляет собой «переход онима одного разряда в другой» [3, с.138].

«В русской топонимии довольно часто встречаем переход онима одного разряда в другой, например: г. Калуга — река Калуга, г. Самара — фамилия Самара, фамилия Суворов — г. Суворов. [2, с.9] Трансонимизация была предметом исследования в работах А.В. Суперанской, В.Н. Топорова, Е.С. Отина, Ю.А. Гурской.

Вопрос о взаимодействии онимов, представленных на карте Ишимского района, остается малоизученным, это и объясняет его актуальность

Представим имена населённых пунктов, получивших своё название по наименованию рек: река Ишим — город Ишим, река Карасуль — село Карасуль, река Черемшанка — деревня Черемшанка, река Камышка — деревня Камышка, река Таловка — деревня Таловка, река Лариха — село Лариха, река Опёновка — деревня Опёновка, река Ик — деревня Иковка.

Прежде всего рассмотрим семантико-словообразовательное своеобразие топонима Ишим — административного центра Ишимского района.

Ишим — город на юге Тюменской области. Расположен на левом берегу реки Ишим. Население составляет около 65 тысяч человек. Основан в 1687 году под именем Коркиной слободы ровно через 100 лет после закладки Тобольска.

В 1782 году по указу императрицы Екатерины II Коркина слобода была переименована в город Ишим, получивший своё название по имени протекающей рядом реки Ишим. [4]

Река Ишим — река в Казахстане и России, левый приток Иртыша. Длина реки составляет 2450 км. Это

самый длинный в мире приток второго порядка; в пределах Ишимского района расположен участок реки длиной в 102 км, а протяжённость реки в пределах городской черты составляет 15 км.

В данном случае наименование реки мотивирует и предопределяет имя крупного населённого пункта — города: река Ишим — город Ишим. При этом топоним образуется от гидронима без специальных словообразовательных суффиксов, «переход онима одного разряда в другой происходит без формальных изменений его структуры». Это явление принято называть семантической онимизацией. В то время как грамматическая трансонимизация — это образование на базе онима других онимов с помощью словообразовательных средств». [3, с.138]

Гидроним Ишим в переводе с тюркского обозначает «река с крутыми изгибами русла». [4] Действительно, русло реки очень извилисто, на своём протяжении оно образует множество петель.

Особенностью собственного имени Ишим, является то, что оно является субстратом. Данное слово вошло в топонимическую систему данного этноса на данной территории из топонимии предшествующего этноса. Известно, что в IX веке на территорию Приишимья пришли племена тюркского происхождения. В XV веке на юге Западной Сибири уже существовали многочисленные татарские княжества. Они были объединены ханом Едигером в единое сибирское ханство. В 1563 году власть захватил хан Кучум, он и стал царём Сибирским. [11]

«Народное предание рассказывает, что река Ишим получила свое название от имени сына татарского хана Кучума Ишима, который в далёкие годы Сибирского ханства утонул в многоводной безымянной реке. И стали с тех пор называть реку его именем». По этой легенде гидроним Ишим является результатом процесса трансонимизации по модели: антропоним — гидроним.

Село Карасуль

↑

Река Карасуль

Селение основано в 1765 году и названо по гидрониму Карасуль.

И в данном случае первичным онимом является гидроним, использующийся в качестве мотивирующего для вторичного онима-топонима Карасуль. И в этом случае наблюдается явление семантической онимизации, так как переход онима одного разряда в другой происходит без формальных изменений его структуры. Особенностью собственного имени Карасуль, как и имени Ишим, является то, что рассматриваемое имя тоже является субстратом.

«Название реки — тюркского происхождения: Карасуль — «тёмная вода». Это точный перевод названия реки Карасуль: тюрк. «кара» — тёмный, «суль» — вода. Важно отметить, что в тюркских языках понятие «тёмная вода» означает ещё и «вода, вытекающая из земли». И действительно, река Карасуль берёт своё начало в болотистой местности на границе Голышмановского и Ишимского районов». [5]

В Карасуль впадает 5 рек: Мергенька, Черемшанка, Камышка, Таловка, Лекан. На базе наименований трёх притоков: Черемшанка, Камышка, Таловка — были произведены топонимы.

Это подтверждает продуктивность модели гидроним — топоним.

Деревня Черемшанка

↑

Река Черемшанка

Черемшанка — село, расположенное на территории Ишимского района. Связь топонима с гидронимом Черемшанка очевидна: река протекает рядом с населённым пунктом. Деревня Черемшанка расположена по обоим берегам реки.

В данном случае интересно представить материал из «Топонимического словаря Первоуральска» о происхождении топонима Черемшанка:

«Название речки Черемшанка дано из-за обильно прорастания в долине реки дикорастущего чеснока — черемши. Русский крестьянин, приходя на Уральскую землю, сразу обратил внимание на обилие дикого чеснока на лугах, по которым протекала речка и присвоил ей ёмкое имя Черемша, в последствии к названию был добавлен суффикс -нк-, что типично для топонимов русского происхождения» [6]

Деревня Камышка

↑

Река Камышка

Гидроним Камышка становится производящей базой для топонима Камышка.

Деревня Таловка

↑

Река Таловка

«25.02.1994 года решением Тюменского областного совета народных депутатов в составе Ишимского района была образована деревня Таловка на территории Дымковского сельского совета. В результате территориально-административного преобразования по распоряжению главы администрации района В.Ф. Ведерникова было присвоено название Таловка двум населённым пунктам: разъезду № 38 и Дому инвалидов, слившимся фактически в один населённый пункт, который разделяет лишь полотно железной дороги». [7]

Село Лариха

↑

Река Лариха

Древний гидроним становится производящей базой для топонима. «Можно отметить версию, согласно которой

название реки Лариха произошло от татарского глагола **елгалар** «разливаться, разбредаться». Такое толкование убедительно, так как оно верно отражает характер реки, её нрав» [8]

По другой версии топоним Лариха связан с финно-угорскими языками, где лар — озеро, пойма, низко заболоченное пространство, заливаемое внешними водами». [8]

Деревня Опёновка

↑

Река Опёновка

В данном случае наблюдается процесс семантической омизации, то есть переход гидронима в топоним без использования специальных словообразовательных средств.

Деревня Иковка

↑

Река Ик

В Ишимском районе, как отмечает Т. Бабыкина в статье «Печальная участь деревень, происходит вымирание некоторых малонаселённых пунктов или заброшенных вообще таких как Иковка, Сибиряки, Марковка, Новоказанка» [9]

Иковка — это исчезнувшая на территории Ишимского района деревня.

Топоним Иковка — это результат уже грамматической омизации, так как наименование Иковка создано на базе гидронима Ик с использованием словообразовательного форманта «овк» [2, с. 138]. «Название реки Ик, связано со старотюркским словом «ик», которое переводится как «текущая вода». [10]

Таким образом, проанализированный материал убеждает нас в том, что для топонимической системы Ишимского района характерно развитие модели: гидроним-топоним. В настоящее время по Ишимскому району протекает 26 рек. 8 наименований рек мотивируют и определяют выбор имени населённого пункта: река Ишим — город Ишим, река Карасуль — село Карасуль, река Черемшанка — деревня Черемшанка, река Камышка — деревня Камышка, река Таловка — деревня Таловка, река Лариха — село Лариха, река Опёновка — деревня Опёновка, река Ик — деревня Иковка. Это объясняется прежде всего особой значимостью воды, без которой само существование человека немислимо.

Большая часть топонимов образуется от гидронимов без каких либо специальных словообразовательных формантов — в результате семантической омизации. И только единственный топоним Иковка — это результат грамматической омизации, так как наименование Иковка создано на базе гидронима Ик с использованием словообразовательного форманта «овк».

В работе установлено, что русские гидронимы тюркского происхождения — явление не редкое: Ишим, Карасуль, Лариха, Ик. Их наличие объясняется тем, что территория Ишимского района находится в ареале исторического проживания тюрков.

Литература:

1. Карабулатова, И. С. Гидронимы российского Приишимья: автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ишимский гос. пед. ин-т. — Екатеринбург, 1996.
2. Мынбаев, Н. Ж., Жамагулова Ж. Ж., Кемалова Ж. Б. Процесс трансонимизации в ономастике. — Современные проблемы науки и образования № 6, 2013.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская Словарь русской ономастической терминологии: изд. «Наука» Москва, 1978
4. [Электронный ресурс] // URL <http://sdelanounas.ru/blogs/23095/> (дата обращения: 15.03.2015).
5. [Электронный ресурс] // URL <https://vk.com/club5786073> (дата обращения: 15.03.2015).
6. [Электронный ресурс] // URL http://prvregion.narod.ru/data/hstpm/cherem_r.htm (дата обращения: 15.03.2015).
7. [Электронный ресурс] // URL <http://law.admtyum.ru/law/view.htm?id=202054> (дата обращения: 15.03.2015).
8. [Электронный ресурс] // URL <http://www.ishim-news.ru/news/2011/09/28/selo-lariha-ot-osnovaniya-donashih-dnej/> (дата обращения: 15.03.2015).
9. [Электронный ресурс] // URL <http://www.ishim-news.ru/news/2011/12/28/ischeznuvshie-derevni-ishimskogo-rajona/> (дата обращения: 15.03.2015).
10. [Электронный ресурс] // URL <http://bizhbulyak.ru/index.php/bizhbulyak-ru/dostoprimechatelnosti/64-reka-ik> (дата обращения: 15.03.2015).
11. [Электронный ресурс] // URL <http://do.gendocs.ru/docs/index-262244.html?page=5> (дата обращения: 15.03.2015).

Абсолютное употребление временных форм конъюнктива

Рахимова Юлдуз Ганиевна, преподаватель;
Ашурова Шахноза Шавкатовна, преподаватель;
Ёвкочдиев Яхё Нормурод угли, студент
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Временные формы конъюнктива в самостоятельном предложении выражают действия, время совершения которых определяется по отношению к моменту речи. Действие, которое совпадает с моментом речи, имеет значение настоящего времени, действие предшествующее моменту речи, — значение прошедшего времени и предстоящее действие или следующее за моментом речи, — значение будущего времени. Подобное употребление временных форм конъюнктива принято называть абсолютным. Значения временных форм конъюнктива в подобном виде употребления называются абсолютными временными значениями. Например:

1. Nie hätten wir uns sehen sollen, memols!
(F. Schiller, Maria Stuart, 5 Band, s. 78).
2. Wenn wir unsere Missionäre nicht hätten!
(Martin Selber, Krieg unter Palmen; s.226).
3. Bald würde sie (die Sonne) wieder die Wolken emporziehen
wie an jedem Tage vor der Regenzeit.
(Martin Selber, E b e n d a, S.102.).

В первом предложении действие предшествует моменту речи, имеет значение прошедшего времени, во втором предложении действие совпадает с моментом речи, имеет

значение настоящего времени; в третьем предложении действие является предстоящим моменту речи и обладает значением будущего времени. Для выражения значения прошедшего времени в первом предложении служит плюсквамперфект конъюнктива — «hätten... schon sollen», для выражения значения настоящего времени / во втором предложении / — претерит конъюнктива — «hätten» и для выражения значения будущего времени / в третьем предложении / — кондиционалис I — «würde emporziehen» в сопровождении с лексической единицей «bald» [4].

В абсолютном временном значении в самостоятельном предложении употребляются: I. плюсквамперфект конъюнктива и кондиционалис II / как парные синонимичные формы/; 2. претерит конъюнктива и кондиционалис I / как парные синонимичные формы/.

Презенс конъюнктива, в сравнении с другими временными формами, употреблялись в самостоятельном предложении, имеет своеобразный характер в отношении временного значения.

Абсолютное временное значение указанных конъюнктивных форм анализируется с учетом поступательности и совершения действия в плоскости времени.

Рассмотрим примеры:

1. Ich würde mich von einem anderen Chirurgen operieren lassen als von Mamlock, als von meinem alten Schulkameraden Kans Mamlock?

(F. Wolf, Professor Mamlock, s. 11).

2. Könnte sich vielleicht schnell sein Grab graben!

(A. Zweig, Der Streit um den Sergeanten Grischa, s. 287).

3. Wäre nur das dumme Glühen und Knistern und der bei Bende Qûalm neben ihm niecht gewesen!

(Arnold Zweig, E b e n d a, s. 43).

4. Wenn Sie heute nachmittag den Jammer geschen hätten!

(H. Mann Untertan, s. 89).

Из приведенных выше примеров явствует, что кондиционалис I и претерит конъюнктива в первых двух предложениях — «würde... operieren lassen», «könnte... graben» — выражают значения будущего и настоящего времени; поступательность действия в плоскости времени является предстоящей по отношению к моменту речи и совпадающей с ним, то есть рассматриваемые формы выражают будущее и настоящее времена. Поступательность кондиционалис I — «würde... operieren lassen» в плоскости времени по отношению к моменту речи — предстоящая, т.е. действие еще не поступило, оно впереди, в будущем [2].

Поступательность претерита конъюнктива — «könnte... graben» — в плоскости времени по отношению к моменту речи — совпадение, т.е. действие совпадает с моментом речи, оно совершается в момент речи, следовательно, имеет значение настоящего времени.

В последних двух примерах плюсквамперфект конъюнктива — «Wäre ... gewesen» и «gesehen hätten» выражают значение прошедшего времени. Поступательность в плоскости времени — предшествование по отношению к моменту речи, совершение действия во временной плоскости — прошедшее. Поступательность в плоскости времени плюсквамперфекта конъюнктива — «Wäre ... Gesehen» и «gesehen hätten» — по отношению к моменту речи объясняется тем, что действие уже прошло до момента речи, действие во временной плоскости совершилось в прошедшем.

Литература:

1. Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. Изд-во литератур на иностранных языках. М., 1955.
2. Admoni, W. Der deutsche Sprachbau, Учпедгиз, М., 1960/1972.
3. Гулыга, Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке Изд-во «Высшая школа», М., 1971.
4. Москальская, О. И. Грамматика немецкого языка. Изд-во литературы на иностранных языках, М., 1958.

Своеобразный характер презенса конъюнктива состоит в том, что в предложениях типа: «Es lebe...», «Man nehme...», «Es sei...» — употребляется во вневременном, в общем временном значении, то есть действие, выражаемое презенсом конъюнктивом, не ограничено во времени.

Временное значение презенса конъюнктива в этом случае возможно отнести к настоящему или будущему временам и даже к прошедшему времени, если имеется пояснительная ситуация.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем возможным установить следующие общие закономерности употребления временных форм конъюнктива в самостоятельном предложении в абсолютном употреблении:

Правило I. Если совершение действия в отношении к моменту речи предшествует ему и находится в плоскости прошедшего времени, то в самостоятельном предложении употребляется плюсквамперфект конъюнктива или кондиционалис II [1].

Примеры: 1. Ich wäre am liebsten ganz dabei geblieben sagte Diedrich

(H. Mann, Untertan, s. 55).

2. Diedrich würde ... das Mittagessen Verschlafen haben aber die Rechnung vom Ratskeller kam, ... (H. Mann, Untertan, s. 145).

3. Amalia: Wenn Sie ihn gekannt hätten. (F. Schiller, Die Räuber, s. 116).

Правило 2. Если действие совершается или последует после момента речи, то есть находится в плоскости будущего времени, то в самостоятельном предложении употребляется претерит конъюнктива и кондиционалис I.

Примеры: I. Sie (die Leiterin) Schüttelt den Kopf: Das ware nicht so schlimm. (Erich Kästner. Das doppelte Lottchen. s. 24).

2. Das Kind würde die Reise nicht vertragen, Hyota».

(Martin Selber, Krieg unter Palmen, s. 146).

Правило 3. Если совершение действие в отношении к моменту речи совпадает с моментом речи, то есть находится в плоскости настоящего времени, то в самостоятельном предложении употребляется претерит конъюнктива и кондиционалис I [3].

Пример: Wenn sie nur aufmerksame Diener hätte. Paulet! Aufmerksame! (F. Schiller, Maria Stuart, s. 39).

Ассимиляция новейших заимствований денотативной сферы «образование» в русском языке

Рыбушкина Светлана Владимировна, ведущий эксперт, преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В последние десятилетия наблюдается значительное число заимствований англицизмов в русский язык. При этом в результате общего ускорения темпа жизни и широкого распространения иностранных языков этапы ассимиляции заимствованных слов протекают крайне стремительно. Другим немаловажным условием успешного включения иноязычного слова в систему языка-реципиента является также личность адресанта, его авторитетность. Наложение разных языковых систем провоцирует все большую активность на синтаксическом уровне русского языка, все чаще встречаются примеры семантического заимствования.

Ключевые слова: заимствование, ассимиляция, вариативность.

Интенсивность процесса заимствования в разные исторические периоды различается. В силу всевозможных исторических обстоятельств приток иноязычной лексики, адаптируемой языком-реципиентом, то усиливается, то ослабевает. В последние десятилетия наблюдается значительное число заимствований англицизмов (американизмов) во многие языки мира, в том числе в русский язык. В первую очередь этот процесс обусловлен положением, которое занимает английский язык в мировом сообществе. Англоговорящие страны удерживают неоспоримое лидерство на фоне развития мирового рынка, экономики, информационных технологий, появления сети Интернет и т.д. После второй мировой войны английский язык не только стал международным языком общения, но и активно проникает во все мировые языки в виде заимствований [1, с. 35].

Помимо очевидных внешних (экстралингвистических) причин этого явления лингвистами, занимающимися исследованием заимствований (М.А. Брейтер, А.Ю. Епимахова, Н.Г. Комлев, Л.П. Крысин, Е.В. Маринова, О.Г. Щитова и др.), называются и внутренние (лингвистические) причины, такие как отсутствие соответствующего понятия в языке-реципиенте; необходимость уточнения понятия, существующего в языке-реципиенте; конкретизации многозначных понятий; замена описательных оборотов отдельными словами; обеспечение эмфатического эффекта; необходимость изменения коннотативного значения существующего понятия и др.

Независимо от причин, позволивших иностранному слову проникнуть в язык-реципиент, заимствованный элемент должен пройти несколько этапов ассимиляции, т.е. приспособления к системе нового языка, для того, чтобы войти в его состав и в нем укрепиться. Процесс ассимиляции протекает на всех уровнях языка и затрагивает как фонетические / графические, грамматические, семантические, так и функциональные свойства заимствованного слова [2, с. 142–161].

Степень ассимиляции иноязычных элементов в системе языка-реципиента зависит от многих причин, в том числе от степени близости языка источника и языка-ре-

ципиента, от времени, прошедшего с момента заимствования, от уровня активности заимствованного слова, от актуальности лексической подсистемы, в которую заимствуется иноязычное слово, в системе языка-реципиента на момент заимствования, от пути попадания иностранного слова в язык-реципиент через письменные или устные тексты и т.д.

Выделяют несколько условий, соблюдение которых может говорить о степени ассимиляции иноязычного слова:

- фонетическое и графическое оформление иноязычного слова средствами языка-реципиента;
- определенность грамматических категорий слова;
- фонетическое освоение иноязычного слова;
- словообразовательная активность слова;
- определенная семантическая интерпретация, отличная от значений других существующих в языке слов;
- регулярная употребляемость в речи [3, с. 44–45].

В последние десятилетия общее ускорение темпа жизни, ежедневное появление новых реалий привело к активизации всех процессов, в том числе языковых. В цепочке этапов, которые проходит заимствованное слово в процессе ассимиляции, несколько могут протекать одновременно и настолько стремительно, что становятся неотделимыми от других. Часто слово сразу включается в систему русского языка как на фонологическом, морфологическом, так и на лексическом уровне. При проникновении в язык-реципиент иноязычное слово одновременно наделяется и грамматическими категориями. Из-за стремительности процесса также динамично возникают различные варианты слова, наличие которых считается характерным признаком новизны слова.

Увеличению количества заимствований и ускорению процесса ассимиляции иностранного слова способствует также все большее распространение иностранных языков. Сегодня людей, которые помимо родного языка в той или иной степени владеют также как минимум одним иностранным языком (билингвов), больше, чем монолингвов. Известно, что билингвизм охватывает около 70% мирового населения. По данным ряда исследователей, тен-

денция к увеличению количества билингвов в мире сохранится.

Поскольку разные языковые системы у билингва находятся в постоянном взаимодействии, происходит их частичное наложение. В результате в зависимости от уровня владения иностранным языком разные языковые системы оказываются в большей или меньшей степени взаимозаменяемы в сознании человека, языковые границы стираются, иноязычные слова перестают восприниматься такими и смешиваются в речевой деятельности.

Общий высокий уровень владения иностранными языками также способствует появлению ситуации, когда в коммуникативном акте не возникает конфликта и достигается коммуникативная цель, т.е. адресат понимает обращенную к нему речь, не замечая принадлежности использованных элементов к чуждой языковой системе. Такая ситуация также способствует укреплению иноязычного слова в системе языка-реципиента.

Наиболее часто заимствование нового слова в язык-реципиент происходит в устном речевом акте. Устная речь, особенно неподготовленная, создает условия для проникновения иностранных слов. В письменной речи процесс заимствования происходит значительно медленнее, поскольку она требует более тщательной подготовки и обдумывания, часто направлена на широкую публику и скрупулезно, в несколько итераций, редактируется. В силу вариативности языка, мысль формулируется таким образом, чтобы избежать ненужных элементов. В этих условиях включается внутренний пуризм, при котором использование иностранного слова возможно только в силу веских причин. Приведем несколько примеров:

— необходимость наименования нового, ранее не существовавшего понятия:

кейс (-) стади / case study (от англ. case study ‘метод конкретных ситуаций’). Детальное исследование частного случая, относящегося к определенному классу феноменов. [4]. «Имитационные технологии, включающие кейс-стади, характеризуются интерактивной технологией на основе реальных или вымышленных ситуаций» [5];

вебинар (от англ. webinar ‘Интернет-конференция’). Особый вид семинара, который проводится через Интернет в режиме реального времени. «Основная цель ВМЛ (виртуального медиа лектория) — предоставить студентам и преподавателям возможность знакомиться с материалами очных/реальных семинаров, конференций, лекций ведущих преподавателей университета, а также с материалами вебинаров» [6];

воркшоп / workshop / work shop / уоркшоп (от англ. workshop ‘семинар’) Краткая интенсивная образовательная программа для небольшого числа участников, четко ориентированная по тематике и времени проведения, в которой обучение основано на выполнении ее участниками реального задания. «Они <участники> полагают, что знают все теории, пробовали все стратегии и воркшоп не даст им ничего нового» [7, с. 114];

— необходимость уточнения существующего понятия:

диссеминация (от англ. dissemination ‘распространение’). Спланированное распространение положительного опыта. «И здесь есть разные варианты: диссеминация своего опыта или чужого, в системе или элементами, через разные формы, средства и уровни. <...> Хорошо, если диссеминация происходит целенаправленно, системно, опыт попадает в свою целевую аудиторию» [8]. **Диссеминатор, диссеминируемый, диссеминировать;**

аппликант (от англ. applicant ‘заявитель’). Заявитель, претендент, лицо, подающее заявку, например, на грант. «В соответствии с изменениями, внесенными в правила участия в программе на уровне магистратуры полного цикла, аппликант может получить поддержку проекта лишь в том случае, если он получил подтверждение от принимающего университета о готовности принять участника в магистратуру (в большинстве университетов данное правило означает зачисление на магистерскую программу в регулярном порядке)» [9];

— замена описательного оборота отдельным словом:

кампус (от англ. campus ‘студенческий городок’). Студенческий городок. «Для каждого университета отдельный хороший кампус сегодня не построишь, а четыре вуза, которые расположены рядом друг с другом, должны объединить усилия и реализовать совместно такой проект — минимум на 10 тысяч студентов, где были бы места и для проживания, и для занятий спортом, и для досуга» [Цит. по: 10];

транскрипт (от англ. transcript ‘репродукция записи’). Выписка из зачетно-экзаменационной ведомости, содержащая информацию о прослушанных курсах, сданных экзаменах и зачетах и полученных оценках. «Стандартный пакет необходимых документов включает в себя <...> транскрипт-перечень всех пройденных учебных курсов, переведенный на английский язык и заверенный вузом» [11];

— изменение коннотативного значения:

транслейтинг (от англ. translate ‘переводить’). Перевод, переводческие услуги. «На фоне крайне неудовлетворительного состояния российского переводческого рынка союз бюро переводов в Москве стремится придать транслейтингу максимально профессиональный профиль» [12];

Помимо активного распространения иностранных языков, условием успешного включения иноязычного слова в систему языка-реципиента является также личность адресанта, его авторитетность. Чем выше авторитет автора текста, тем больше шансов у слова укрепиться в языке в силу цитируемости. В то же время, используя заимствование, адресант еще больше утверждает свой авторитет, заявляет о своем профессиональном и культурном превосходстве. Все чаще необходимость утверждения авторитета адресанта становится основной причиной использования в тексте иностранного слова:

трансфер (от англ. transfer ‘перенос’). Перенос умения (опыта) из одного типа ситуаций в другой либо знаний из одной области науки в другую [13]. «Ос-

новой целью комплексного проекта является формирование открытой сети системообразующих инновационных вузов, обеспечивающей массовое распространение в системе высшего профессионального образования лучших практик и трансфер инновационных результатов, полученных образовательными учреждениями, внедряющими инновационные образовательные программы» [14].

Следует отметить, что общая тенденция к ускорению процесса заимствования не обязательно ведет к потере языкового многообразия. Наоборот, в процессе заимствования иноязычные слова адаптируются к системе языка-реципиента за счет его средств, вливаясь в него и обогащая его. Также сложно предположить и влияние этой тенденции на продолжительность жизни заимствованных слов в системе языка-реципиента. Изначально вновь заимствованное слово находится в выгодной позиции в силу различных причин:

- 1) иностранные слова вообще воспринимаются как более престижные, поднимающие авторитет говорящего;
- 2) зачастую новые слова возникают одновременно с новыми реалиями в связи с необходимостью их номинации;
- 3) для обеспечения возможности заимствования необходима ситуация внутреннего напряжения в языке-реципиенте, наличие лакуны.

Высокий уровень владения иностранными языками в обществе привел к еще одному последствию. Будучи наиболее подвижным уровнем языка, лексическая система является и наиболее проницаемой для появления в ней иноязычных элементов. Именно в силу подвижности лексического уровня лексическое заимствование,

как правило, превосходит заимствования на других языковых уровнях (фонологическом, морфемном и синтаксическом). Однако наложение разных языковых систем провоцирует все большую активность на синтаксическом уровне:

Приложенными вы найдете материалы конференции.

Помимо этого, все чаще встречаются примеры семантического заимствования:

модуль (от англ. module 'раздел образовательной программы, посвященный одному вопросу (тематике), изучаемому в ограниченный период времени'). Единица образовательной программы, формирующая одну или несколько определенных профессиональных компетенций. «Специализированный модуль «Разработка тестовых материалов» позволяет углубить подготовку слушателей в области создания тестовых материалов, их оценки и использования в образовательном процессе» [15].

Таким образом, в ситуации билингвизма и размытой языковой границы в сознании адресанта и адресата проникновение иноязычных элементов становится закономерным явлением и более активно протекает в устных жанрах. Ускорение процесса заимствования в последние десятилетия также спровоцировали более энергичный процесс ассимиляции иноязычного слова в русском языке. В этой связи языковые процессы проходят в согласии с общемировой тенденцией к глобализации и интернационализации. Границы стираются не только между национальностями, полами, государствами, но и, как следствие, между языками.

Литература:

1. Кристал, Д. Английский язык как глобальный. — М.: Весь мир, 2001. — 240 с.
2. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык к XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е. А. Земской. — М.: Языки русской культуры, 1996. — с. 142–161.
3. Крысин, Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
4. Социологический словарь. — М.: Экономика. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://sociological_dictionary.academic.ru/ (дата обращения 24.03.2015).
5. Язиков, Е. Г., Соловьев М. А. Проблемы и задачи использования в учебном процессе Томского политехнического университета инновационных образовательных технологий // Совершенствование содержания и технологии учебного процесса: материалы университетской конференции [Электронный ресурс]. URL: <http://step.tpu.ru/Frame.html> (дата обращения 24.03.2015).
6. Виртуальный медиа лекторий Национального исследовательского Томского политехнического университета [Электронный ресурс]. URL: http://oap.lcg.tpu.ru/portal/page/portal/dite_media (дата обращения: 24.03.2015).
7. Фопель, К., Эффективный воркшоп. Динамическое обучение. — М.: Генезис, 2003. — 368 с.
8. Подшивалова, Н. П. Сообщение на сетевом семинаре «Диссеминация педагогического опыта Оренбуржья» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openclass.ru/> (дата обращения 24.03.2015).
9. Официальный сайт проекта международной академической мобильности «Интеграция, интеракция, институты» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/org/hse/international/iii/who%20can%20apply> (дата обращения: 24.03.2015).
10. Михайлов, В. Вузовский блицкриг // Эксперт Сибирь. — 2011. — № 17–19 (294) [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/siberia/2011/19/vuzovskij-blitskrig/> (дата обращения 24.03.2015).

11. Официальный сайт Удмуртского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: http://v4.udsu.ru/inter/erasmus_mundus_program (дата обращения: 24.03.2015).
12. Бюро переводов «Eurogroup». — 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eugroup.ru/> (дата обращения: 24.03.2015).
13. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов. — М., 2006 // Словари и энциклопедии на Академике. — 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения 24.03.2015).
14. Официальный сайт проекта «Формирование на базе вузов, внедряющих инновационные образовательные программы сетевой распределенной структуры повышения квалификации преподавателей и научных сотрудников вузов по внедрению результатов инновационных образовательных программ и применению новых образовательных технологий» Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://ppk.tsu.ru/index.php?page=text&text=about> (дата обращения 24.03.2015).
15. Сафьянников, И. А., Беломестнова Э. Н., Соловьев М. А. Образовательные программы нового поколения: опыт проектирования и реализации // Совершенствование содержания и технологии учебного процесса: материалы университетской конференции [Электронный ресурс]. URL: <http://ctep.tpu.ru/Frame.html> (дата обращения 24.03.2015).

Метафорические концепты как источники фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе

Сергеева Анастасия Александровна, студент
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (г. Саранск)

В статье рассматриваются метафорические концепты, обуславливающие употребление фразеологических единиц в современном англоязычном политическом дискурсе. Исследуются текстовые концепты и политические процессы, в описании которых участвуют фразеологизмы, связанные с определёнными метафорическими концептами.

Ключевые слова: *текстовый концепт, метафорический концепт, концептуальное основание семантики текста, фразеологическая единица, политический дискурс.*

Современная политическая лингвистика активно пропагандирует дискурсивный подход к изучению особенностей политической коммуникации. Очевидно, что именно данное методологическое решение реализует идею междисциплинарности, поскольку дискурс эксплицирует текст в совокупности целого ряда признаков, как порождающая его социально-политическая ситуация, личные политические воззрения его автора, интенциональная направленность и связь данного текста с другими текстами, и, наконец, особенности его восприятия адресатом. [1, с. 52]

Под политическим дискурсом понимается особая знаковая система какого-либо языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмоционального воздействия на граждан и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений. [5, с. 6] Прагматический потенциал политического дискурса раскрывает его целевая направленность, которая предполагает со стороны говорящего (политического деятеля) донесение и разъяснение определённой информации, затрагивающей общественные интересы и ценности. Языковой знак в по-

литическом дискурсе обладает не только семантикой (отношением к обозначаемому) и синтактикой (отношением к другим знакам), но и прагматикой (отношением к пользователям языка). При построении высказываний говорящий подбирает языковые средства в соответствии со своим намерением произвести определённое впечатление, оказать воздействие, манипулируя сознанием, вызвать ту или иную реакцию реципиента. [3, с. 39]

Прагматические установки политического дискурса обуславливают частое употребление фразеологических единиц (ФЕ), которые идеально подходят для реализации таких важных системообразующих признаков политического дискурса, как манипулятивность, смысловая неопределённость, оценочность, образность, экономия речевых усилий. Широкое использование ФЕ в политическом дискурсе объясняется их способностью участвовать в косвенной оценочной номинации и отражать субъективную модальность продуцента дискурса.

Выбор и закономерности реализации ФЕ в англоязычном политическом дискурсе тесно связаны с метафорическими концептами (МК), функционирующими в сфере политики, изучение которых может служить инструментом прогнозирования принятия политических

решений, выявления персуазивных и манипулятивных параметров СМИ, стратегий и тактик легитимизации и делегитимизации власти, а также определения степени влияния политических событий на функционирование языка. Кроме того, подробное изучение метафорических концептов, с их высоким прагматическим потенциалом и способностью структурировать тексты, может способствовать выявлению оснований выбора ФЕ при формировании текстов [4].

В газетных/журнальных статьях функционируют языковые единицы, тематические и ассоциативные связи между которыми дают возможность объединять их в тематические и ассоциативные блоки. Эти блоки указывают, в свою очередь, на смысловые «узлы», которые можно считать реализациями концептов, лежащих в основе смыслового содержания текста, формирующих концептуальное основание его семантики и активирующих концептуально-метафорическую репрезентацию.

В качестве наиболее активных, часто употребляющихся смысловых блоков, формирующих концептуальное основание семантики текстов англоязычного политического дискурса и обеспечивающих реализацию метафорических концептов, выступают следующие тематические блоки:

«Выборы/Власть» (progress since our first election victory; one of the most satisfying things about the election...; people voted freely to decide their own future; parliamentary elections... to disqualify candidates...; the elections' outcome);

«Скорость/Движение» (... in a world fast forwarding to the future at unprecedented speed; pick up the pace; we'll get the best super-fast broadband network; the French and German economies have slowed to a standstill...; one thing people want is speedy justice);

«Проблемы/Трудности» (the problems that remain; the system itself is the problem; I know how tough things are...; times get tough; despite all our difficulties; the problems go deeper);

«Риск/Опасность» (the danger of government is fatigue; to ignore its danger; dangerous parallels; a dangerous slippery slope);

«Борьба/Соперничество» (let us fight for reform in Europe; to fight a pre-medieval religious war; let's show the world some fight; we are fighting back);

«Будущее» (the battle is not yet won to secure the future; but with eyes fixed on the future; unless we «own» the future);

«Успех» (but success will come; turn brilliant inventions into successful products).

Как правило, в текстах политического дискурса все эти ассоциативные блоки тесно связаны между собой, они образуют единое концептуальное представление о ситуации в определённый период времени.

К наиболее употребительным метафорическим концептам англоязычного политического дискурса, которые являются источниками фразеологизмов, можно отнести

следующие МК: «Путешествие», «Власть», «Скорость/Движение», «Проблемы/Трудности», «Борьба/Соперничество», «Спорт», «Азартные игры», «Театр», «Музыка», «Деньги/Бизнес», «Брак/Союз».

Таким образом, МК «Путешествие» с помощью принадлежащих ему концептуальных составляющих наиболее часто реализует такие элементы концептуального основания семантики текста, как «Успех», «Власть», «Проблемы/Трудности». Например, концепт «Власть», как правило, способствует выбору ФЕ, связанных с концептуальными элементами МК «Путь» — *to lead the way* (вести за собой, возглавлять), *to show way* (быть первым, показать пример), *to be on target* (быть на правильном пути), *to open the way for* (открывать возможности для). Концептуальная составляющая «Скорость/Движение» способствует реализации таких ФЕ как: *to pick up the pace* (ускориться), *to get this show on the road* (осуществить намеченное, приступить к делу), *to be on track* (быть на правильном пути, добиваться успеха). Текстовый концепт «Проблемы/Трудности» может определять выбор ФЕ, связанных с направлением движения — *to take a turn for the worse* (измениться к худшему), расстоянием — *to go too far* (перегибать палку), или с прекращением движения — *to reach a dead end* (зайти в тупик, попасть в безвыходное положение), *to come unstuck* (оказаться в затруднительном положении), *to reach an impasse* (зайти в тупик).

МК «Борьба/Соперничество» обуславливает появление таких ФЕ как: *to fight to the bitter end* (сражаться не на жизнь, а на смерть), *red in tooth and claw* (ожесточенно (биться)), *down to the wire* (до последнего).

Количество фразеологических реализаций метафорических концептов «Война» и «Спорт» резко увеличивается в период избирательной кампании; самыми активными элементами концептуального основания семантики текста, связанных с этими МК, являются «Борьба/Соперничество»: *to fight with the gloves off* (вести ожесточенную борьбу), *to be at daggers drawn* (быть готовым к драке), *to cross swords* (вступить в спор), *to lock horns* (вступить в борьбу), *to go toe-to-toe with someone* (сойтись один на один), *to take off the gloves* (приготовиться к бою, проявить решительность), *neck and neck* (тесное соперничество), а также «Критика»: *to suffer the slings and arrows* (страдать от проблем или критики), *to open fire on smb.* (выступить против кого-то), *to take the flak* (подвергнуться острой критике), *to be in the firing line* (попасть под удар), *to roll with punches* (держаться удар, противостоять), *a punching bag* (груша для битья).

Наиболее распространенными текстовыми концептами, которые активизируют МК «Азартные игры» и способствуют выбору фразеологических средств, являются концепты «Преимущество»: *to have an ace up one's*

sleeve (иметь козырь про запас), to hold all the cards/aces (быть хозяином положения), to play the part (играть роль, иметь значение), «Обман»: to stack the cards/deck against smb. (подтасовывать карты / факты), который часто способствует реализации МК «Театр»: behind the scenes (скрытый), to pull a trick (обманывать), smoke and mirrors (для отвода глаз, пускать пыль в глаза).

При описании политической коммуникации реализуется МК «Музыка», который часто представляет концепты «Воздействие»: *to strike/hit the right note (взять верный тон, заинтересовать), to strike a chord/ tone/note (задеть за живое), to be whistling Dixie (высказывать легкомысленные предположения, строить нереальные планы), «Похвала»: to blow/toot one's own horn (хвастаться, нахваливать себя), to blow one's own trumpet (кричать на весь свет о своих успехах), «Успех»: to bring the house down (иметь успех перед публикой), «Критика»: to face the music (безбоязненно встретить критику), и «Будущее»: to look to the future (смотреть в будущее), to hope for the best (рассчитывать на благоприятный исход).*

При описании политической действительности посредством МК «Деньги/Бизнес» в концептуальном основании текста присутствует концепт «Проблемы/Трудности»: *to cost smb. dear (дорого стоить), to come at the expense of smth. (наносить ущерб).*

МК «Брак/Союз» реализуется с помощью фразеологических средств при описании политических ситуаций, в которых стороны действуют сообща для достижения общих целей. Следовательно, самым распространённым элементом концептуального основания семантики текста, соотносимым с данным МК, является концепт «Сотрудничество»: *a match made in heaven (успешный союз), to plight one's troth (дать слово), a shotgun marriage (вынужденный союз).*

Литература:

1. Бабенкова, Е. А. Семантические трансформации в политической коммуникации // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет», Тверь, 2011. — С.52–57.
2. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь. / Лит. ред. М. Д. Литвинова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1984. — 994 с.
3. Степанов, Ю. В. Проблема автора в интерпретации языковой личности / Ю. В. Степанов. — М.: РГТУ, 1994. — 54 с.
4. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. — 248 с.
5. Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие / Отв. Ред. А. П. Чудинов / — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2009. — 292 с.

Кроме перечисленных метафорических концептов в качестве источников фразеологизмов в англоязычном политическом дискурсе могут выступать следующие МК: «Климат/Природа», «Преступление», «Религиозные убеждения/разногласия», «Охота», «Магия», «Строительство», «Здоровье/Болезнь», «Растения», «Животные». Однако перечисленные метафорические концепты характеризуются низкой фразеологической активностью в политическом дискурсе.

Выбор ФЕ в англоязычном политическом дискурсе не во всех случаях зависит от метафорической картины, соотносимой с определённым МК. Во многих случаях концепт основывается на своих концептуальных компонентах, которые становятся источниками фразеологизмов. Например, множество концептуальных составляющих можно выделить у МК «Движение» (начало движения, направление, скорость, остановка движения, расстояние), МК «Путешествие» (путь, пешее путешествие, путешествие на транспортных средствах) и у МК «Война» (тактика, стратегии, виды военных действий, наступление, оборона, оружие).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализация ФЕ в англоязычном политическом дискурсе обусловлена той системой концептов, которая составляет концептуальное основание семантики текста. В качестве элементов концептуальных структур выступают неметафорические концепты, которые могут самостоятельно стать источниками ФЕ или же могут участвовать в концептуально-метафорической репрезентации. Неметафорические концепты, выступая в качестве целевых доменов, активизируют метафорические концепты. Выбор ФЕ в текстах-реализациях англоязычного политического дискурса может быть обусловлен: отдельными метафорическими концептами; конфигурациями метафорических концептов и конфигурациями, состоящими из метафорических и неметафорических концептов

Потенциальные слова, образованные на базе междометий

Тарелкина Татьяна Игоревна, студент
Московский педагогический государственный университет

Статья посвящена образованию потенциальных слов на базе междометий. В ней представлены наиболее распространённые типы потенциально возможных междометных словообразовательных пар и словообразовательных цепочек, а также учтены факторы, влияющие на способность междометий к образованию слов подобного типа.

Ключевые слова: потенциальное слово, междометие, словообразовательный тип, словообразовательная модель, производное слово.

«Потенциальными» в дериватологии называют «слова, которые произведены, но ещё не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по образцу слов высокопродуктивных типов». Эти слова «заклучены в словообразовательных возможностях языка, но реально могут и не появляться, если в них нет нужды». По сути, потенциальные слова представляют собой «чистую реализацию возможностей словообразовательного типа» [5, с. 228; см. также: 2, с. 82; 6, с. 123; 8, с. 347; 14, с. 248].

Семантике потенциальных слов не присуща фразеологичность; их значение полностью складывается из частей, их образующих, и не обладает индивидуальным компонентом значения, присущим только ему [5, с. 228; см. также: 3, с. 57; 4, с. 55; 6, с. 124; 8, с. 347]. Отметим также, что потенциальные слова, отсутствующие в языке, при их употреблении в контексте или устной речи становятся вполне реальными [9, с. 70].

Рассмотрим потенциальные слова, которые гипотетически могут образоваться на базе междометий.

Непосредственно от междометий часто образуются глаголы при помощи суффикса *-а/-ка-*: *увы* → *увыкать*, *мерси* → *мерсикать* и под. Это наиболее продуктивная словообразовательная модель. Е. Н. Лагутова считает, что образование подобных глаголов свидетельствует «о потенциальной возможности их существования почти у всех междометий» [7, с. 296–297].

О продуктивности данного словообразовательного типа свидетельствует также образование глаголов этой структуры от экспрессивных дериватов с суффиксом *-оньк (и) /-еньк (и)* [12, с. 116]. Приведём в качестве иллюстрации следующие примеры: *агуконьки* → *агуконьк-а-ть*, *хихиканьки* → *хихиканьк-а-ть*, *агушеньки* → *агушеньк-а-ть*, *гуленьки* → *гуленьк-а-ть*. Во всех представленных глаголах наблюдается усечение финали основы *и*.

Среди глаголов, образованных на базе междометий, интересно рассмотреть происхождение слов типа *чертыхать* и *божить*. И. С. Улуханов считает, что глагол *чертыхать* образован от глагола *чертыхаться* при помощи т.н. «обратного словообразования» (он образуется по модели возвратный глагол — невозвратный глагол, хотя обычно возвратные глаголы образуются от невоз-

вратных при помощи постфикса */-ся*). В данном случае «отсечение постфикса добавляет значение ‘воздействовать на кого-либо’» [13, с. 80–81].

Однако нам представляется возможным и несколько иной подход. Постфиксальные глаголы часто образованы от соответствующих им глаголов без постфиксов: *обувать* → *обувать/-ся*, *бацнуть* → *бацнуть/-ся*, *расчёсывать* → *расчёсывать/-ся*. Можно предположить, что глагол *чертыхаться* образован от междометия *чёрт* не напрямую, а опосредованно. В словообразовательной цепочке пропущено потенциально возможное слово *чертыхать*. Таким образом, цепочка выглядит следующим образом: *чёрт* (межд.) → *черт (ых) -а-ть* (потенц.) → *чертыхать/-ся*. Так как в языке слова *чертыхать* не существует, то считается, что глагол *чертыхаться* образован от междометия *чёрт* суффиксально-постфиксальным способом: *чёрт* (межд.) → *черт (ых) -а-ть/-ся*.

Аналогично можно представить словообразовательную цепочку междометия *боже*, где слово *божить* также будет потенциально возможным: *боже* (межд.) → *бож-и-ть* (потенц.) → *божить/-ся*.

На базе иноязычных междометий *о'кей* и *чао* потенциально возможно экспрессивное образование с суффиксом *-шки/-ушки-*: *о'кей* → *о'кей-ушки*, *чао* → *чао-шки*, *ча-ушки*.

Среди производных слов, образованных от междометия *салют*, также можно обнаружить потенциальные слова, к примеру, экспрессивные междометные дериваты с суффиксами *-ик-* и *-ец-*: *салют-ик*, *салют-ец* (ср. с реально существующими *привет-ик* и *привет-ец*).

Кроме того, от каждого из приведённых междометий возможны потенциальные префиксальные образования на базе глагола. Так, отмеждометный глагол *салютовать* потенциально может присоединить к себе приставку *по-*, обладающую значением ‘совершать действие, мотивированное производящим глаголом, некоторое время (обычно непродолжительное)’: *салютовать* → *по-салютовать* (ср. с *приветствовать* → *по-приветствовать*).

Среди глаголов, образованных на базе междометий, можно выделить такие потенциальные словообразовательные пары:

1) глагол + от- → финитивное образование: *божиться* → *от-божиться*, *чертышаться* → *от-чертышаться*, *чураться* → *от-чураться*;

2) глагол + /-ся: *агукать* → *агукать/-ся*, *бисировать* → *бисировать/-ся*, *гулить* → *гулить/-ся*, *ошикивать* → *ошикивать/-ся*;

3) глагол + суфф. — н'ј-/ -ниј-/ -ениј- → сущ.: *бабахать* → *бабаха-н'ј-е*, *бубнить* → *бубн-ениј-е*, *гулить* → *гул-ениј-е*, *подхихикивать* → *подхихикива-н'ј-е*;

4) глагол + -ыва-/ -ива- → имперфективные образования: *прицукнуть* → *прицук-ива-ть*, *поайкать* → *поайк-ива-ть*, *поохать* → *поох-ива-ть*, *проойкать* → *проойк-ива-ть*;

5) глагол → глагол, образованный приставочно-постфиксальным способом. Здесь можно выделить две словообразовательные модели:

а) вз- + /-ся с общим значением 'постепенное нарастание или усиление действия, названного производящим глаголом'¹: *ойкать* → *вз-ойкать/-ся*, *ахать* → *вз-ахать/-ся* и под.;

б) на- + /-ся со значением 'вдоволь, до иступления совершать действие, названное мотивирующим глаголом': *агукать* → *на-агукать/-ся*, *айкать* → *на-айкать/-ся*, *ахать* → *на-ахать/-ся*, *баюкать* → *на-баюкать/-ся*.

На базе междометий возможны и потенциальные словообразовательные цепочки:

1) междометие + -ка- → глагол + за- → глагол начинательного действия: *го-го* → *гого-ка-ть* → *за-гогокать*, *мерси* → *мерси-ка-ть* → *за-мерсикаать*, *спасибо* → *спасиб-ка-ть* → *за-спасибкаать*;

2) междометие + -ка- → глагол + -н'ј-/ -ниј- → сущ.: *гуль-гуль* → *гуль-ка-ть* → *гулька-н'ј-е*;

3) междометие + -ка- → глагол + -ну- → однократный глагол: *ха* → *ха-ка-ть* → *хакну-ть*, *хе* → *хе-ка-ть* → *хек-ну-ть*;

4) междометие + -ка- → глагол + /-ся → возвр. глг. + -ну- → однокр. глг.: *бя* → *бя-ка-ть* → *бякать/-ся* → *бяк-ну-ться*;

5) междометие + -ск- → прил. + -иче- → прил. + -и- → нареч.: *супер* → *супер-ск-ий* (реальн.) → *супер-иче-ский* → *суперическ-и*;

6) междометие + шки-/ -ушки- → экспрессивн. межд. + -ка- → глг.: *о'кей* → *океј-ушки* → *океюш-ка-ть*, *чао* → *чао-шки/ча-ушки* → *чаош-ка-ть/чауш-ка-ть*.

Отдельно рассмотрим потенциальную возможность образования имён существительных на базе междометных глаголов со значением лица мужского и женского пола.

Существительные мужского рода, обладающие значением 'лицо, совершающее действие, мотивированное производящим глаголом'² могут строиться по следующим словообразовательным моделям:

1) основа + -ун-: *хохотать* → *хохот-ун* (реальн.), *фыркать* → *фырк-ун* (потенц.);

2) основа + (ль) щик-: *стукать* → *стука (ль) -щик*, *тпрукать* → *тпрука (ль) -щик* (ср. с реальными: *угонять* → *угон-щик*, *лудить* → *луди (ль) -щик*, *перебегать* → *перебеж-чик* и под.);

3) основа + -тель-: *аукать* → *аука-тель*, *охать* → *оха-тель* (ср. с реальными: *учить* → *учи-тель*, *водить* → *води-тель*);

4) основа + -ач-³: *стучать* → *стук-ач* (реальн.); *тпрукать* → *тпрук-ач*, *понукать* → *понука-ач* (окказион.).

Представим наши наблюдения в виде таблицы 1.

Таблица 1. Образование имён существительных со значением мужского лица

Производящий глагол	-ун-	- (ль) щик-	-тель-	-ач-
агукать		агукальщик	агукатель	
аукать		аукальщик	аукатель	
баюкать		баюкальщик	баюкатель	баюкач
фырчать	фыркун			фыркач

Ещё Г. О. Винокур заметил, что «всякое суффиксальное образование с значением мужского лица предполагает параллельное образование с значением женского лица» [1, с. 439]. Следовательно, от приведённых выше существительных, обозначающих лицо мужского пола, можно образовать имена существительные

с общим значением 'лицо женского пола', которые могут быть построены по следующим словообразовательным моделям:

1) основа + -иц-/ -ниц-: *лев* → *лев-иц-а* (реальн.); *ухальщик* → *ухальщ-иц-а*, *ухал-иц-а*; *аллилуйщик* → *аллилуйщ-иц-а*; *айкатель* → *айкатель-ниц-а* (потенц.);

¹ Данное словообразовательное значение встречается и среди реально существующих глаголов, образованных по модели рас-/раз- + /-ся: *разыхаться*, *разохаться*, *расхохотаться* и под.

² Схематично это значение можно представить следующим образом: 'тот, кто <мотивирующий глагол>'. Например, *хохотун* — это 'тот, кто (любит) хохотать' [11, с. 1454].

³ Данная словообразовательная модель является малопродуктивной. Поэтому здесь возможны различные окказионализмы со сниженной стилистической окраской.

2) основа + -j-: *хохотун* → *хохотун'-j-а* (реальн.); *фыркун* → *фыркун'-j-а*, *гоготун* → *гоготун'-j-а* (потенц.);
3) основа + -к-: *хохотун* → *хохотуш-к-а*, *стукач* → *стукач-к-а* (реальн.); *фукач* → *фукач-к-а*, *нукач* → *нукач-к-а* (оказиональные);

4) основа + -ø-: *хохотун* → *хохотуш-ø-а*, *фыркун* → *фыркуш-ø-а*.
Обобщим полученные данные, заполнив таблицу 2.

Таблица 2. Образование имён существительных со значением женского лица

Существительное со значением мужского лица	-иц-/ -ниц-	-j-	-к-	-ø-
агукальщик	агукальщица			
агукатель	агукательница			
аукальщик	аукальщица			
аукатель	аукательница			
баюкальщик	баюкальщица			
баюкатель	баюкательница			
баюкач			баюкачка	
тпрукальщик	тпрукальщица			
тпрукач			тпрукачка	
фыркальщик	фыркальщица			
фыркач			фыркачка	
фыркун		фыркунья		фыркуша

Из приведённых данных можно выявить следующие закономерности в образовании существительных со значением женского лица:

1) субстантивные дериваты-существительные с суффиксами *-иц-*, *-ниц-* образованы от существительных с суффиксами *-(ль) щик-* и *-тель-* соответственно;

2) производные с суффиксами *-j-* и *-ø-* образованы от существительных с суффиксом *-ун-*;

3) слова с суффиксом *-к-* образованы от существительных с суффиксом *-ач-*. Заметим здесь, что дериваты, обозначающие женское лицо, образованы при помощи нулевой суффиксации, также могут образовывать дублетные языковые явления (термин И. Г. Милославского) при помощи суффикса *-к-*: *гоготуша* → *гоготуш-к-а*, *фыркуша* → *фыркуш-к-а*, *уськуша* → *уськуш-к-а*.

Наиболее часто потенциальные междометные дериваты образуются от глагола. В сравнительно редких случаях производное междометие является производящей основой для некоторых потенциально возможных глаголов, впоследствии образующих свои подгнёзда. В основном это касается экспрессивных образований, например: *агушеньки* → *агушеньк-а-ть*, *гуленьки* → *гуленьк-а-ть* и т. п.

Литература:

1. Винокур, Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — с. 419–442.
2. Гимпелевич, В. С. Заметки об окказиональном и потенциальном словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1975. — с. 79–84.
3. Ермакова, О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1975. — с. 57–63.

Однако отметим, что не все междометия способны к образованию потенциальных слов. Это обусловлено следующими факторами:

1) Происхождением: заимствованные междометия не всегда «деривационно активны», т. к. их значения недостаточно освоены носителями русского языка. Например: *амба*, *атанде*, *виват*, *эврика* и т. п.

2) Фонетическими условиями: от некоторых междометий гипотетически можно было бы образовать производные, но у говорящих при произнесении этих слов возникали бы определённые трудности. Это такие междометия, как: *псст*, *чи-ш*, *кхм*, *тсс* и др.

3) Малоупотребительностью в речи наряду с однозначностью. Приведём в качестве примера такие междометия: *аминь*, *баста*, *люлю* и т. п.

4) Фактом производности: на базе многих производных междометий образование дериватов невозможно.

В результате исследования междометных потенциальных слов мы установили, что среди них встречаются словообразовательные пары и словообразовательные цепочки, образованные по наиболее продуктивным образцам. На базе междометных глаголов возможно также образование имён существительных со значением лица. Таким образом, междометия обладают достаточно богатым словообразовательным потенциалом.

4. Земская, Е. А. Как делаются слова. — М., 1963.
5. Земская, Е. А. Об одной модели в русском словообразовании (может ли приставка подчинять себе аффиксы?) // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. — М.: Языки славянских культур, 2008. — с. 348–351.
6. Қалниязов, М. У. Членимость окказиональных и потенциальных слов // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1975. — с. 118–125.
7. Лагутова, Е. Н. Словообразование на базе междометий и звукоподражаний в современном русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1976. — с. 293–297.
8. Лопатин, В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык: Теоретический курс (Словообразование. Морфология). — М.: Русский язык, 1989.
9. Лопатин, В. В. Рождение слова. неологизмы и окказиональные образования. — М.: Наука, 1973.
10. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. — М.: Изд-во Московского университета, 1980.
11. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008.
12. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы и их лексическая реализация. — М., 1996.
13. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» / URSS, 2012.
14. Ханпира Эр. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования на материале современного русского языка: Сб. статей. — М.: Наука, 1972. — с. 245–317.

Детский научно-познавательный журнал как социально значимый государственный проект

Теплицкая Анна Аркадьевна, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Детский журнал, являясь социально значимым проектом, должен быть частью государственной программы. В данной статье исследуются проблемы существования и развития некоммерческих детских изданий.

Ключевые слова: детская журналистика, детский журнал, научно-популярный журнал.

Popular science magazine for children as a socially important government project

A. A. Teplitskaya
Saint-Petersburg state university

Popular science magazine for children is socially important project. In some countries, it becomes a significant part of the state program. The article investigates the problem of the existence and development of non-profit children's magazines.

Keywords: children's journalism, children's magazines, popular-science.

Современная фаза развития человеческой цивилизации, определяемая как «постиндустриальное общество», отмечена необходимостью постоянного воспитания молодого поколения. Начальник главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов России МВД РФ Ю. Демидов отметил, что «на учете в органах внутренних дел сейчас стоит 175 тысяч несовершеннолетних, склонных к совершению престу-

плений» [1]. Вандализм, воровство, распространение наркотиков, грабеж — по статистике, каждое двадцать третье расследованное преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии.

В связи с этими данными появление детей с активным, позитивным, гармоничным, иерархически выстроенным отношением к социальному миру и окружающей среде, со сформированным гражданским самосознанием, любовью к Родине и своему народу, обладающим крепким физиче-

ским здоровьем, раскрытой духовной одаренностью и высоким уровнем самосознания, представляется нам решением всех глобальных социальных проблем. Таким образом, среди приоритетных задач, стоящих перед правительством, выделяется воспитание гармонично-развитой личности как необходимого звена для организации современного демократического государства. Научно-популярный детский журнал представляет собой социально значимый проект, который, для получения необходимой поддержки, должен быть частью государственной программы.

В общечеловеческой культуре детская субкультура занимает достойное место, как и детская журналистика в системе массмедиа, поскольку она обладает относительной автономией. Характеристикой этого могут стать следующие факторы: особые формы взаимодействия детей, уникальный язык, собственные регуляторы поведения и многие другие. Дети представляют собой особую, достаточно большую социальную группу, характеризующуюся собственным групповым сознанием, в то время как детская журналистика является равноправным сегментом журналистики и обладает особыми чертами.

Как взаимодействует институт детской прессы с органами государственного управления? Рассмотрим существующую практику в России, США и Канаде. Характерной особенностью современного периода развития медийного рынка России является диверсификация медийных активов в рамках крупных компаний, преследующая цели постепенного перехода на мультимедийные платформы развития издательского бизнеса. Общая благоприятная экономическая ситуация в стране до середины 2014 года способствовала организации широкой линейки СМИ путем взаимодействия с иностранными стратегическими партнерами, а также использования кредитных ресурсов. Однако несмотря на это, в России детские просветительские издания, даже признанные городской администрацией общественно-значимыми, не получают достаточного количества государственных дотаций. Детский журнал «Сибирячок» выходит при поддержке Иркутской областной организации, журнал «Спасайкин» выпускается благодаря официальной поддержке Национального антитеррористического комитета. Некоторые негосударственные учреждения культуры и детские общественные объединения поддерживают выпуск журналов («Свирелька», «Костер», «Мурзилка», «Клепа»). Кроме того, в 2011 году ассоциация детской и педагогической прессы Санкт-Петербурга объединила некоторые издания: «Костер», «Автобус», «На путях к новой школе», газеты «Пять углов», «Твоя семья» и «Детский сад со всех сторон». Все перечисленные издания получают регулярные, но негарантированные государственные дотации, а гранты выдаются по определенным статьям. По этой причине, средний тираж некоммерческого, качественного детского издания — 15–25 тысяч экземпляров, а штат составляют не более 18–20 сотрудников. Некоммерческие издания распространяются, в основном, по под-

писке; из-за недостатка финансирования в розницу поступает очень мало журналов.

Интересно, что, несмотря на довольно высокий интерес российского издательского сообщества к новым каналам коммуникации, у многих детских изданий отсутствует электронный аналог, а некоторые из них не представлены в Интернете даже официальным сайтом. Все же, не менее тридцати пяти российских детских изданий разместили свои он-лайн версии в Интернете, в том числе журналы «Мурзилка», «Пин-код», «Юный техник», «Костер», «Клепа» и некоторые другие. Однако оформление и контент данных ресурсов, даже которые были созданы при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, сильно отличается от западных аналогов что тоже можно объяснить недостатком финансирования.

Дефицит дотаций интерпретируется по-разному. Например, депутат Госдумы от Новосибирской области А. Насташевский уверен, «если мы называем себя демократической страной со свободной рыночной экономикой, то детский рынок должен существовать в рамках свободной конкуренции без целенаправленного вмешательства государства, которое, поддерживая одни издания, ставит их в неравные условия с другими» [2]. А Т. Андроменко, главный редактор уважаемого детского журнала «Мурзилка» просто отмечает отсутствие государственной поддержки и утверждает, что современная российская периодика вынуждена жить сама по себе.

К сожалению, проблема упадка качественной российской научно-популярной детской прессы кроется не только в недостатке государственной поддержки. Несмотря на распространенное мнение о малочисленности журналов для детей, рынок федеральной детской периодики состоит из более чем 80 наименований. Однако монопольное положение на российском рынке занимает европейский издательский концерн «Эгмонт» («Egmont International Holding»), которому, по разным оценкам, принадлежит более 72% от всего объема детской периодики. В связи с этим, достаточно сложно говорить о национальной специфике журнала и полноценном нравственном воспитании.

Недостаточное понимание новых рыночных условий и отсутствие гибкой модели издания для своевременной адаптации на современном медиа рынке приводит к снижению популярности российских некоммерческих детских журналов среди молодежи. В результате, российские издания не имеют возможности конкурировать с западными, что, несомненно, сказывается на духовной культуре современного ребенка.

«Мы издаем не коммерческие издания, а издания воспитывающие, просвещающие» — отмечает И.Э. Воеводский, главный редактор Петербургского детского исторического журнала «Автобус» [3]. Значит ли это, что детский журнал должен выглядеть невзрачным и анахроничным? В чем кроется отсутствие возможности совмещения богатого внутреннего содержания и качественного

внешнего оформления? «Журнал Автобус по-своему элитарен. Элитарен, в смысле рассчитан на тех читателей, которые ищут в журнале не развлечения, но пищу для ума». Это утверждение Воеводского противоречит самой сути научной популяризации. Задача продвижения науки представляет собой важнейшую социальную миссию современной журналистики, ведь приоритетными задачи научной популяризации являются: формирование комплексного знания у широкой аудитории, побуждение массовой аудитории к обсуждению событий научного мира, своевременное информирование аудитории о появлении новых продуктов и открытий, повышение культурного уровня населения, а также стимуляция читателя к поиску знаний. Разве не этого хотят добиться редактора научно-популярных детских изданий?

Обратимся к существующей практике выпуска детских научно-популярных журналов в таких странах, как Канада и США. Социально значимые детские журналы, имеющие целью воспитание подрастающего поколения, поддерживаются государственными и благотворительными организациями.

Ярким примером может служить детская версия популярного журнала «National Geographic» — «National Geographic Kids», которая издается с 1975 года Национальным географическим обществом, а тираж издания на 2014 год составляет 1,4 миллиона. Официально заявлено 18 изданий данного журнала в Болгарии, Хорватии, Египте, Греции, Венгрии, Индонезии, Израиле, Латинской Америке, Нидерландах/Бельгии, Румынии, России, Сербии, Словении, Южной Африке (2 издания), Турции и Великобритании. Огромная популярность журнала обуславливается постоянной рекламой на разных медийных платформах географического национального общества: реклама «National Geographic Kids» на сайтах <http://www.nationalgeographic.com/> и <http://natgeotv.com/ru>, а также на ТВ каналах «National Geographic Channel HD», «Nat Geo Music», «Nat Geo Junior», «Nat Geo Wild», «Adventure». Отдельно стоит упомянуть акции, конкурсы и розыгрыши призов, направленные на поддержание экологии планеты и спасение дикой природы. Издательство «National Geographic» также выпускает книги, альманахи, бюллетени и справочную литературы, в том числе и детскую. В качестве примера можно отметить «Puppy Love» («Щенячья любовь»), «How to speak cat» («Как говорить по-кошачьи»), «1,000 facts about the Bible» («1000 фактов о Библии»), «National Geographic Little Kids First Big Book of Bugs» («Первая большая книга про жуков»), «National Geographic Little Kids First Big Book of Who» («Кто есть кто»), «National Geographic Kids Cookbook» («Кулинарная книга») и многие другие. В связи со всем вышеперечисленным, можно обозначить «National Geographic» как гигантский медиахолдинг, обладающий возможностью непрерывной взаиморекламы собственных продуктов на различных площадках, поддерживаемый различными коммерческими и государственными организациями.

В качестве не столь известного примера можно привести ежеквартальный детский исторический журнал «Кауак», выпускаемый Национальным историческим канадским обществом, частично финансируется правительством Канады через департамент по вопросам национального наследия. Признан авторитетной ассоциацией Parents' Choice («Выбор родителей») одним из лучших исторических детских журналов мира и выпускается тиражом в 95,000 экземпляров. Издание «Кауак» не обладает столь высоким тиражом как «National Geographic Kids», что в том числе объясняется национальным своеобразием журнала, его локальностью, однако пользуется большой популярностью на территории страны и существует не только благодаря средствам подписчиков и рекламным площадкам, но и за счет государственных грантов, премий и постоянной поддержке правительства Канады.

Журнал «WILD», финансирующийся благотворительной некоммерческой организацией — Канадской федерацией охраны дикой природы, которая распространяя знания о воздействии человека на окружающую среду, спонсирует исследования, содействует устойчивому использованию природных ресурсов и призывает жить в гармонии с природой — выпускается тиражом 314,000 копий.

В США одно из старейших детских американских изданий — «Ranger Rick» — издается Национальной Федерацией дикой природы — в 2015 году имеет тираж 525,000 экземпляров. Не раз отмечался престижными премиями такими как «Parent's Choice» и «Association of Educational Publishers Distinguished Achievement Award» в номинациях «Лучшее детское издание», «Лучшая история», «Лучший фотограф», «Лучший дизайн статьи», «Лучшая журнальная иллюстрация», «Лучшее руководство для учителя», «Лучший образовательный веб-ресурс».

Можно подвести итог, что практика западных стран, таких как США и Канада показывает, что детский научно-популярный журнал, имеющий достаточную государственную поддержку и получающий дополнительное финансирование от частного сектора экономики может стать успешным коммерческим проектом, приносящим практическую пользу населению страны. Никто не станет отрицать, что появление качественного познавательного российского детского журнала, содержащего материалы, в том числе, о национальном своеобразии и культурном наследии страны, будет активно способствовать повышению нравственного, интеллектуального, духовного и культурного уровня молодого поколения.

Модель детского научно-популярного журнала трансформируется, подчиняясь правилам медиа-рынка — это основной фактор развития конкурентоспособного издания в современных условиях. К удивлению западных руководителей медиа-холдингов, многие редакторы детских изданий в России изначально позиционируют детские издания как социальное предпринимательство, предполагая, что журнал приносит прибыль, но не является источником доходов. Если рассматривать федеральную статистику распределения населения России по

возрастным группам на январь 2014 года, то количество детей младше 19 лет включительно составляет 30,340 тысяч человек, людей от 20 лет до 50 лет — 63,706 тысяч человек, от 50 и более — 49,622 тысячи человек. Несмотря на то, что возрастная группа, охватывающее население, проживающее на территории Российской Фе-

дерации по достижению 19-летнего возраста, уступает остальным возрастным группам, все же потенциальная аудитория составляет 30,3% от всеобщего населения страны. В связи с этим детская журналистика открывает дополнительную аудиторию с огромными перспективами для развития сфере медиабизнеса в России.

Литература:

1. Информационное агентство «РИА Новости». Режим доступа: <http://ria.ru/incidents/20140210/994074948.html> (дата обращения: 13.02.2015).
2. Сергеева, В. Детские журналы в ожидании чуда // Честное слово. № 31. Режим доступа: <http://www.chslovo.com/articles/6115984/> (дата обращения 14.02.2015).
3. Воеводский, И. Э., Что волнует главного редактора детского журнала // Современная детская пресса: векторы развития. 2005. С.39.

Философская категория отрицания и его особенности в английском языке

Тухтахуджаева Мадина Улугбек кизи

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Все языки мира отличаются присущими им культурными и национальными особенностями. При анализе языка для полноты исследований нужно обратить внимание на различные его аспекты с философской позиции, поскольку философия является истоком всех наук и исследований.

Философская категория отрицания проявляется в одном из законов диалектики отрицания отрицания и выражает определенное отношение между двумя последовательно развивающимися стадиями, состояниями развивающегося объекта, процесса. Например объект может быть установлен с различных позиций отрицания таких как юность отрицает детство, и сама, в свою очередь отрицается зрелостью, а последняя — старостью.

Сущность отрицания как философской категории заключается в том, что утверждение последующей стадии развития предполагает в качестве своего условия преобразование в качественно новый объект либо исчезновение, разрушение предыдущей с сохранением некоторых ее существенных составляющих элементов и/или свойств.

Выделяя отрицание как философскую категорию в контексте английского языка, следует отметить, что в этом языке имеются жесткие ограничения в отрицании.

Так, специфичность отрицания в английском языке в сравнении с другими языками наблюдается при рассмотрении обычных вопросов и ответов на них: «Do you want anything?» или «Would you like anything?». Конечно, при ответе можно спокойно ограничиться ответом «yes» или «no», но подобный ответ считается недопустимым с позиций литературы и культуры. Такой ответ будет казаться знаком плохого настроения или даже плохого отношения,

неуважения к человеку. Для того что бы избежать недопонимания принято давать полные ответы, таких как «no, I don't; no, I would not».

Следовательно, отрицание как философская категория может одновременно нести как отрицательный, так и положительный смысловой контекст. В связи с этим, при определении этого контекста нужно обращать внимание на многочисленные факторы. При этом для точного понимания смыслового контекста отрицания необходимо глубоко изучить его различные аспекты.

Отрицание есть элемент значения предложения (лингвистическая позиция). В данном контексте элемент отрицания указывает что связь между элементами предложения, не существует или же — соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное.

Из данного определения вытекает, что грамматическое значение негации определяется в содержании негативной синтаксической связи между членами предложения при отсутствии между ними положительной смысловой связи. Формой отрицания является отрицательная частица, которая образует отрицательную форму глагола и отрицательное предложение.

В противовес отрицанию утверждение является не отрицанием. Отрицание и утверждение — определены как взаимосвязанные явления, служащие в языке для выражения таких противоположных значений, как «действие — не действие», «наличие — отсутствие», «существование — не существование».

Констатацию отсутствия предмета, признака, явления в языке, выраженную языковыми средствами, определяют как отрицание, и наоборот констатацию наличия

предмета, признака, явления, выраженную языковыми средствами определяют как утверждение.

Основным содержанием языкового отрицания являются формально-логические отрицательные значения — значения неприсущности, непринадлежности предмету какого-либо признака, несуществования, отсутствия предмета. Отношения между логическим и языковым отрицанием можно охарактеризовать как отношения семантического тождества, поскольку логическая категория отрицания, составляя основное содержание языковой категории отрицания, не заполняет ее целиком. Языковая категория утверждения и отрицания выполняет еще и другие функции, обладает относительной самостоятельностью и имеет свой объем значений, неадекватный логической категории.

Категориальным значением языкового отрицания является выражение отсутствия предмета или его признака. К ним относятся свойства, качества, связи, отношения, действия, состояния. Для анализа соотношения языкового отрицания следует рассмотреть соотношение отрицания и модальности. В узком понимании отрицание и модальность имеет объективную и субъективную разновидности. Эти разновидности представляют собой самостоятельные категории, способные функционировать параллельно. Через понятие предикативности соотносятся отрицание и модальность в широком понимании.

Необходимость усиления или ослабления значения отрицания в содержательном плане обуславливает вариативность отрицательной синтаксической конструкции. Усиление и ослабление отрицания проявляется в виде интенсификации — деинтенсификации отрицательных значений. Интенсификация — деинтенсификация отрицания трактуется как взаимодействие отрицания с категорией интенсивности, отражающей все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы. Интенсивность проявления действия состояния или качества обычно выражается усилительными частицами или сочетаниями с ними: *too much, too, too far, altogether too*.

— He was altogether too excited too sleep (Wells).

— Old Jayden was too much of a Forsyte to praise anything freely (Galsworthy).

— He had drawn too far to draw back (Cronin).

— My child, you are too young to think of falling in love (Wild).

— Abbreviated negation (сокращенное отрицание)

В обстоятельствах, где вполне допустимо сокращать подлежащее использованием кратких форм, обычно пользуются подобным способом. Как правило, это разговорная форма:

— He isnt coming — hes not coming

— We arent ready — were not ready

— They havent caught him — theyve caught him

— She wont miss us — shell not miss us

К примеру, форма *I'm not coming* не имеет альтернативны в левой колонке. Логично предположить, что в предложениях и вопросах должна быть конструкция типа

am I not correct? Но эта форма используется лишь в некоторых формальных случаях. На смену её в разговорной речи появилась *aren't I correct?* С течением времени *aren't* постепенно стала трансформироваться в более легкую и универсальную *aint*. Сейчас же *aint* завоевала всеобщее признание: *aint* как универсально замещающая форма используется вместо *haven't, isn't, aren't*, и т.д.

Наиболее специфично отрицание представляется в различных предложениях и словосочетаниях.

Иногда слово *not* прикреплено не к глагольной части предложения, а к другому элементу предложения — именной части, и ставится впереди слова или словосочетания, которое оно отрицает. Когда отрицаемая именная часть является подлежащим, инверсия не происходит:

— Not all the passengers escaped unhurt. (Leech)

— Not a single word did he utter. (Leech)

— No nation can afford to offend its allies — not even the USA. (Leech)

Для отрицания безличного предложения мы помещаем отрицательную единицу перед глагольной группой:

— Not having read the book I cant tell you whether it is worth buying. (Leech)

— I asked her not to interfere. (Leech)

— Transferred negation (перенос отрицания)

После некоторых глаголов, таких как *believe, suppose, think* частица *not*, которая принадлежит придаточному предложению с союзом *that*, переносится к главному предложению:

— I dont believe that you two have met, havent you? (Leech) = (I believe you two havent met)

— I dont suppose that anyone will object to my sentence. (Leech) = (I suppose anyone (no one) wont object to my sentence)

— I dont think you need worry. (Leech) = (I think you neednt worry).

Лексические средства негации наряду с отрицательными частицами, являющимися грамматическими средствами выражения отрицания, так же участвуют при образовании сферы действия отрицания. К лексическим средствам отрицания обычно относят отрицательные глаголы, существительные, наречия, местоимения.

Собственно лексическим способом выражения отрицания является способ выражения при помощи глаголов с отрицательным значением, к таким глаголам относятся:

— to deny (не сделать, не решить)

He denied breaking into the shop (Murthy).

— to doubt (сомневаться)

I doubt whether he was really able to do that (Christie).

— to fail (не суметь, не справиться)

I waved to Katherine, but failed to attract her attention (Christie).

Также этот способ отрицания относится и к некоторым существительным:

— failure (провал, крах)

Bobby had a sort of failure (Christie).

— lack (недостаток, нехватка)

He used to have a lack of money (Wells).

Отрицательные наречия:

— hardly (едва ли)

We could hardly understand him (Christie)

— scarcely (едва)

She scarcely seems to care, does she? (Murthy)

Данный способ выражения отрицания частями речи есть собственно лексический способ выражения отрицания. Сами слова, используемые в речи, несут в себе отрицательную семантику. Это довольно распространенный метод. Отрицание при этом может свободно перемещаться из одной части речи в другую. Так, например, глагол — to fail (потерпеть неудачу) при помощи суффикса -lure образует существительное failure (провал), или -to doubt (сомневаться) при помощи суффикса -ful — doubtful (сомнительный).

Итак, можно сделать следующие выводы: при наличии отрицательных суффиксов и префиксов значительное большинство отрицательных аффиксов составляют префиксы. Многие исследователи отмечают, что сочетаемость отрицательных аффиксов с основами различных частей речи варьируется как от языка к языку, так и в рамках одного и того же языка.

При именах прилагательных и (реже) существительных чаще всего употребляются префиксы un- (омоним глагольному un-), non-, in- (im-, il-, ir-, dis-, mis-. Наиболее

близкими по значению являются префиксы un-, non-, in-, о чем свидетельствует существование слов-дублетов, мало отличающихся друг от друга своими значениями: nonprofessional — unprofessional непрофессиональный; unacceptable — unacceptible неприемлемый.

Таким образом, отрицательные аффиксы в английском языке присоединяются только к именным основам. Глагольные же основы с отрицательными аффиксами не сочетаются, ибо глагольное отрицание передается в этом языке аналитической формой глагола с частицей not.

В стилистике понятие отрицания тесно связано с такими понятиями как эмоциональности, экспрессивности и оценочности. Отрицание в отличие от утверждения более эмоциональное и экспрессивное, чем. В отношении отрицательной оценочности, следует отметить два основных обуславливающих его фактора. Во-первых, морально-этические, эстетические, социальные и другие нормы исходят из положительной оценочности. В то время как нарушение нормы обращает на себя повышенное внимание и находит свое отражение в речи. Второй фактор обуславливающий преобладание отрицательной оценочности, исходит из критического восприятия действительности. Оценка и эмоция неразрывно связаны с мировоззрением говорящего, введение их в текст является сигналом открытого включения автора в повествование и его эксплицитного указания на распределение симпатий или антипатий.

Литература:

1. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. — М., Наука, 1983. — 211 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. — М., 1990. — 300 с.
3. Айзенштадт, Э. И. Место отрицания в строе современного английского языка // Учен. зап. МОИП, 1959. Т. 73, вып. 5. — С. 21–41.

Анализ перевода многозначных слов с китайского на русский язык с точки зрения контекста

У Лижу, магистр, старший преподаватель
Чанчуньский университет (Китай)

С когнитивной точки зрения анализируют причину возникновения русских и китайских многозначных слов на примере китайских слов “打” и “意思”, отмечают, что во время перевода многозначных слов с китайского на русский язык необходимо учитывать такие контекстуальные факторы, как семантика, сочетание, культурный фон и контекст, чтобы учащиеся избежали китайзации русских слов, чтобы играть роль для повышения языковых способностей, для улучшения обучения и составления пособий.

Ключевые слова: когнитивный аспект многозначные слова контекст перевод

The paper analyses the origin of Russian and Chinese polysemous words from cognitive approach, and explains the factors of meaning and collocation, cultural background and context in the translation of Chinese polysemous words into Russian with “da” and “yisi”. This study is of great help to the learner in the avoidance of Russian translation according to the Chinese structure and culture, and in the improvement of their performance in Russian. It is also enlightening to the foreign language teaching and the compilation of dictionaries.

Keywords: cognition and culture polysemy words context translation

В большинстве языков существует явление — одно слово со многими значениями. Причина возникновения многозначного явления состоит в том, что когнитивная модель изменяется и концепция расширяется, посредством метафоры, метонимии, перифраза и других форм, общеупотребительные слова отражены от конкретного до абстрактного в других концептуальных конструкциях. Многозначное явление не только отражает общую сущность языка и мышления, но и отражает категорию национальных языковых особенностей. Когнитивная лингвистика подчеркивает роль опыта и когнитивных способностей человека в процессе семантического формирования. А к разной нации и стране относится человек, у которого культурный фон, вероисповедание, обычаи, привычки, концепция о ценностях также неодинаковые. Этими различными социально-культурными фонами обусловлены когнитивные способности человека, так что у него быкает различный опыт и различная когнитивная конструкция, тем самым семантика приобретает национальность. В различных языках центральное значение эквивалентного слова излучается кнаружи неполноэквивалентным словом. Чем чаще употребляются слова, тем больше их значение, тем больше изменяются их мысли. Данное многозначное явление, по существу, также определённое отражение языковой экономичности и ловкости. Многозначный результат слов представляет собой конструкцию радиального типа с центром первообраза, такая радиация может быть однонаправленной радиацией, т.е., конструкцией цепного типа. А в то же время может быть многонаправленной радиацией, и может быть конструкцией смешанного типа. Между китайским и русским языками возникают многие эквивалентные слова с основным значением, но с различным производным смыслом — многозначные слова.

Когда наши китайские учащиеся изучают русский язык, особенно изучают лексику, преподаватели и учебники обычно дают одно или несколько эквивалентных слов. А учащиеся также привыкли к такому способу обучения — взаимно-однозначному соответствию лексических значений. В результате чего учащиеся не в состоянии глубоко понять и освоить точное значение и культурное содержание русских слов, и ошибочно считают, что другие значения эквивалентных слов также являются "эквивалентным отношением", во время взаимного перевода, особенно во время перевода с китайского на русский язык, возникает много ошибок. Например, "看报" (читать газету) переведены как "видеть / смотреть газету", "做梦" (видеть сон / сниться) переведены как "делать сон".

На самом деле, значения русско-китайских эквивалентных слов имеют перекрёстные эквиваленты и неполноэквиваленты, кроме некоторых специальных терминов и научно-технических лексик, редко существуют полноэквиваленты. Так что большая часть значений некоторых китайских слов требует дополнительных других русских слов для их выражения. Это большая проблема, на которую не могут не обратить внимание в ходе изучения русского языка.

Кроме этого, семантика решает сочетание, в противном случае, сочетание также решает семантику, оба они тесно связаны и обусловлены. Когда русские и китайские эквиваленты употребляются в сочетании с другими словами, их значение ловкое и неясное. Во время перевода, учащиеся привыкают переводить словосочетание согласно привычке сочетания в китайском языке. Такая речевая индукция в другом языке приведёт к интеркультурному коммуникационному препятствию. Например, "走" (идти) в русском и китайском языках имеет одинаковое основное значение, однако производное значение у слова "走" различное: в китайском языке можно сказать "走味", "走风" и "走调", а в русском языке не могут выразить такие значения с помощью "идти", должны выразить с помощью других слов: потерять вид, выдать секрет, детонировать; а "идти" в русском языке можно сказать "Этот товар идёт хорошо", "Окна идут на солнце", "Шёл снег", "Идёт собрание" и "Юбка тебе идёт", таких значений в китайском языке нет и не могут сочетаться, их переводы отдельно таковы: "这种商品销路很好", "窗户朝阳", "下雪了", "正在开会", "裙子你穿合适". Так как точка зрения и наблюдения у русской и китайской нации на одно и то же явление и ситуацию различается, их выбор проявляет сложность и разнотипность, к тому же различный социально-культурный фон, проицирование от источника до цели проявляет национальность, тем самым возникают различные концепция и семантика. "走" и "идти" сформулировали собственные значения с национальными культурными особенностями. Так что, во время перевода, следует учитывать разнотипность в выражении между двумя языками, обращая внимания на сочетание и культурный смысл словосочетаний, чтобы определить их значение.

В результате сильных способностей китайских иероглифов к сочетанию, они могут образовать отношение перечного сочетания со многими словами, а также их значения имеют определённую абстракцию и нечеткость, а в русском языке не могут образовать данное отношение сочетания. Во время перевода необходимо обратить особое внимание на то, что многозначное явление может быть отражено короткими и общеупотребительными словами. По длине слов, чем короче слова, тем больше значения. В данной статье мы анализируем перевод многозначных слов с китайского на русский язык на примере китайских слов "打" и "意思".

I. Первоначальный смысл китайского слова "打" — "ударить" и "бить". Например, "打人" (ударить / бить кого), "打钟" (ударить / бить в колокол) и т.д.; а большинство переносных смыслов и производных значений китайского слова "打" связано с действием рук, например "打水", "打针", "打鱼", "打行李" и др., затем по привычке имеют в виду условное название разных действий. Например, "打中锋", "打杂", "打官司", "打比方" и др., а в русском языке слова "ударить / бить" не имеют такого производного значения, во время их перевода надо выразиться отдельно различными русскими словами. Мы пробуем переводить словосочетания с китайским словом "打":

打杯子 разбивать стакан
 打鼓 ударять / бить в барабан
 打针 делать укол
 打柴 рубить дрова
 打行李 собирать вещи / упаковать багаж
 打酒 купить вино
 打鱼 ловить рыбу
 打中锋 играть в центре
 打井 рыть колодец
 打水 идти за водой / черпать воду
 打领带 завязать галстук
 打草稿 составить черновик
 打灯笼 поднимать / нести фонарь
 打扑克 играть в карты
 打粮食 убирать хлеб
 打问号 поставить вопросительный знак
 打靶 стрелять в цель
 打比方 проводить пример
 打官腔 говорить официальным тоном
 打拳 упражняться в боксе / заниматься боксом
 打手势 показывать жестами / делать жест руками
 打杂儿 исполнять подручные работы
 打刀 ковать нож
 打伞 раскрывать зонтик
 打折扣 делать скидку
 打电报 посылать телеграмму
 打官司 вести судебное дело / судиться с кем
 打毛衣 вязать свитер

Вышеприведенные примеры выражают “нанести удар кому-нибудь, произвести удар обо что-нибудь; пресечь что-нибудь отрицательное, чьи-нибудь отрицательные действия; сильным движением, сразу начать делать что-нибудь”

Интересно, что слово “打” в китайском языке также употребляется как предлог (такие, как предлоги “с”, “от” или “из”). Например, “打明儿起” (начиная с завтра), “打这儿往东走” (идти отсюда на восток), но в китайском словаре считают его омонимом. Время и пространство практически являются продолжением без начала и без конца, любой временный участок является результатом искусственного разделения.

II. Китайское слово “意思” в различном контексте имеет различное значение. Во время его перевода на русский язык, должны в соответствии с конкретным контекстом определить его смысл.

他要出国学习，你是不是也有这个意思？

Литература:

1. Чэнь Цзяин. Языковая философия [М] Пекин: Издательство Пекинского университета. 2003
2. Лю Цзюань. Анализ многозначного явления с когнитивной точки зрения [J] Исследование иностранных языков. 2002 (5)
3. Ни Бо, Гу Байлинь. Русская семантика [М] Шанхай: Шанхайское издательство обучения иностранным языкам. 1995
4. Су Динфан. Современная семантика [М] Шанхай: Шанхайское издательство обучения иностранным языкам. 2000
5. Чжао Яньфан. Введение в когнитивную лингвистику [М] Шанхай: Шанхайское издательство обучения иностранным языкам. 2001
6. Ван Инь. Семантическая теория и языковое обучение [М] Шанхай: Шанхайское издательство обучения иностранным языкам. 2000

Он поедет за границу на учёбу, у тебя есть такое же желание / такой план?

这符合总统的意思。

Это соответствует планам президента.

他的话虽短，但很有意思。

Его слова краткие, но многозначительные.

你对她是不是有意思？

У тебя есть виды на неё? Она тебе нравится?

说这些话有什么意思？

Что толку говорить об этом?

你去求他，得意思意思。

Если ты будешь обращаться к нему с просьбой, нужно дать ему взятку.

这点小意思，收下吧。

Это мой скромный подарок, возьмите.

小姑娘一人呆在家里没意思，就出去了。

Девочке одной дома было скучно, и она вышла.

我和你的意思一样。

Мы с тобой одного мнения.

已经四月了，但一点春天的意思也没有。

Уже апрель, но весной и не пахнет.

“谢谢您的帮助。”

“小意思，不用谢。”

— Спасибо вам за помощь.

— Мелочи. / Пустяки. Не стоит благодарности.

Заключение

Семантика обусловлена контекстом и зависит от контекста. Слова войдут в конкретную языковую ситуацию, в полной мере проявят семантическое обилие. Определение многозначных слов опирается на контекст. Как правило, люди на одинаковом культурном фоне могут правильно определить семантику в определённой ситуации, а люди на различном культурном фоне общаются друг с другом, на их семантическое определение и понимание часто влияет культурная модель. Для наших китайцев, во время изучения русских слов, особенно многозначных слов, необходимо понять их культурный смысл, обращая внимание уменьшение, расширение или возникновение отклонения их значений, уделяя большое внимание отношению сочетания. Таким образом, во время перевода можно избежать китаизации. В то же время, это также задаёт нашим преподавателям и составителям пособий актуальный и срочный вопрос для разрешения.

Национально-культурные особенности юридического текста в английском языке

Халилова Гузал Абдупаттаховна, соискатель, старший преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Главной особенностью любого национального языка права является его органическая связь с соответствующей правовой системой конкретного государства. Большая часть права, которым занимается подавляющее большинство юристов, относится к соответствующему национальному праву. Исключение составляет международное право и европейское право. Несмотря на некоторое сходство правовых систем, прежде всего континентальной Европы, каждое государство имеет свой собственный правовой порядок свои специфические правовые нормы, свои традиционные формы и процедуры судопроизводства и собственный язык права с соответствующей понятийно-терминологической системой.

В юридической терминологии также присутствует национально-культурный компонент, поскольку юриспруденция как общественно-политическая наука тесно связана с уровнем социально-экономического развития общества и его культурно-историческими традициями.

Юридическая понятийно-терминологическая система отражает политика — правовую культуру общества, его идеологию нравственные и религиозно-духовные ценности.

Часть юридических терминов относится к безэквивалентной лексике, образуя интеркультурные лакуны. Интеркультурные лакуны являются результатом расхождения локальных культур. Чем разнообразнее культурные системы, тем больше интеркультурных лакунов. Для понимания такой лексики необходимы фоновые знания коммуникантов, поскольку культурно маркированная лексика служит важным источником социокультурной информации о стране. Напоминание значения ключевых понятий в сознании носителей языка, а также перенос сведений из родной культуры на понятия чужой культуры могут привести к недоразумениям в общении и культуроведческим ошибкам.

Научным путем доказано, что те или иные фрагменты реальности, связи и отношения находят свое отражение в английском и русском языке как общественном явлении. Примером тому может служить судебная речь, которая является различающим фактором между национальными культурами. Так, в США судебно-юридическая тематика является базовой составной частью массовой культуры этой страны.

Американский гражданин на подсознательном уровне верит в справедливость и стабильность своей правоохранительной системы. Нам же, для достижения максимально приближенного и адекватного восприятия чужой лингвокультурной общности, необходимо стать участником коммуникативного процесса, посредством текстов-переводов соответствующей юридической тематике. Именно перевод является одной из форм взаимодействия культур, он даёт известное представление о чужой культуре.

Разные страны имеют свои различные юридические системы. Язык каждой нации содержит собственные юри-

дические термины. К примеру, английский язык обслуживает юридические системы США, Великобритании, а немецкий язык — ФРГ, Швейцарии, Австрии. На сегодняшний день для европейцев унифицирована «Хартия о правах человека, а для государств-членов Европейского сообщества — документы, положения и решения этой международной организации. Вследствие чего, в языках существует ряд приблизительных эквивалентов.

Например:

Article 3.

Everyone has the right to life, liberty and security of person.

Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность.

Article 17. Everyone has the right to own property alone as well as in association with other. No one shall be arbitrarily deprived of his property.

Каждый человек имеет право как на единоличное владение собственностью, так и в компании с другими. Никто не может быть произвольно лишен его собственности.

Юридический язык-это, государственный язык. Данное правило является очень важным, его нельзя нарушать. Самая большая проблема в этом случае — невозможность в некоторых случаях найти точный, адекватный перевод с одного языка на другой. Это затрудняет работу переводчика, создает определенные препятствия в использовании иноязычного юридического документа. Различные виды паратермической деятельности в неодинаковой степени сохраняют близость к переводу и, соответственно, воспроизводят оригинал с большей или меньшей полнотой. Так как достижение идеального перевода является не совсем возможным, то переводчику приходится идти на разного рода компромиссы. Осуществляя перевод юридического текста, переводчик намеренно отступает от структурного и смыслового соответствия между двумя сторонами коммуникации в пользу их равноценности в плане воздействия.

Юридический документ, иной письменный носитель переводной юридической информации, имеет текстовые особенности, своеобразные языковые выражения.

Нет сомнения, что юридические тексты в переводе с иностранного языка на язык перевода независимо от их функционального назначения и прагматической роли имеют такие же основы. Уместно напомнить, что право представляет собой совокупность правил поведения индивидов и групп в обществе, предписывающих каждому определенную форму действий и формирующих принципы разрешения спорных вопросов.

Поэтому язык перевода юридического документа должен в целом отвечать трем условиям: быть точным, ясным и достоверным. Текст большинства документов должен иметь

ровный и спокойный стиль, не вызывающий дополнительных ассоциаций и не отвлекающей от сути документа.

В большинстве случаев проблемы перевода, связанные с трансформацией возникают вследствие лингвокультурных различий двух народов. В разных этнических общностях наблюдаются абсолютно разные, иногда несовпадающие подходы к явлениям и предметам. Например:

What will be held to be just and reasonable must depend upon the particular facts of each case.

Что суд признает справедливым и разумным, должно зависеть от конкретных фактов каждого дела.

Например, в Узбекистане не известны такие явления, как **primaries**-предварительные выборы, определяющие кандидатов в президенты от двух политических партий в США;

Before voting every citizen must register in accordance with the laws of his state. This gives him the right of participating in primaries.

Перед голосованием каждый гражданин должен зарегистрироваться в соответствии с законами своего штата. Это даёт ему право принять участие в предварительных выборах.

Venire-категория лиц, могущих исполнять функции присяжных;

The juries are selected from a larger panel of citizens, commonly known as the venire.

Литература:

1. Андрухина.Т., В. Стилистические возможности сложного слова и способы их реализации в тексте: Дисс... канд. филол.наук. — М.,1987,229 с.
2. Сахнюк, О.В. Семантико-функциональные связи слов общего словообразовательного гнезда в тексте: Автореф. дисс... канд.филол.наук. — Киев.1984.с24.
3. Клеменцова.Н., Н. Создание, восприятие и использование производного слова в тексте: Дисс... канд.филол. наук. — М.,1986.с 220

Особенности профессионально-ориентированного текста по экономической проблематике в системе СМИ (на примере английского печатного издания **International Gerald Tribune** за 2012–2013 годы)

Храмушина Людмила Максимовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Московского городского педагогического университета

Данная статья посвящена анализу языковых и структурных особенностей профессионально-ориентированных текстов по экономическим проблемам на материале англоязычного издания «International Gerald Tribune» (из раздела «Finance and Economics» за 2012–2013 годы.)

Ключевые слова: диктема, диктемный (заголовочный) комплекс, креолизованные тексты.

The article below is devoted to the analysis of linguistic and structural peculiarities of professionally-oriented texts on the problems of finance and economics (on the material of the English newspaper «International Gerald Tribune» 2012–2013 years.)

Key words: dicteme, dictemic (Headline) complex.

Необходимость изучения современных англоязычных профессионально-ориентированных текстов эконо-

Судебные присяжные выбираются из более широкого круга граждан, обычно известного как категория лиц, могущих исполнять функции присяжных.

Из данных примеров можно увидеть, что способы перевода юридических документов могут варьироваться и комбинироваться, в зависимости от присутствия в тексте языка перевода юридической терминологии, строения предложения, наличия союзов и вводных слов, лингвокультурологической особенности иноязычного текста и т.п. Также следует помнить, что существует масса документов, которые предназначены не для юристов, а для людей, которые могут не понять юридическую терминологию и лексику. Само понятие взаимодействия культур подразумевает наличие общих/частных элементов, и несовпадений/совпадений, которые позволяет отличить одну лингвокультурную общность от другой. Любой переводчик, работая над юридическим тестом, должен учитывать требования узуса — языковые привычки носителей языка перевода не нарушая привычное восприятие правового документа.

Таким образом, адекватный перевод юридических текстов возможен при условии выявления и тщательного анализа особенностей политики правовых систем различных стран мира и соответствующей.

мической направленности обусловлена как лингвистическими факторами — в частности, бурно развивающимся

жанрово-стилистическим расслоением английского языка — так и некоторыми обстоятельствами экстралингвистического характера.

Осмысление англоязычных текстов по экономической тематике отличается особой актуальностью в связи с расширением англоязычного массмедийного пространства в эпоху глобализации и интеграции каждого отдельного государства в мировые процессы.

Изучение профессионально ориентированных текстов экономического, как, впрочем, и политического содержания, продиктовано возросшей заинтересованностью широких масс населения к вопросам экономики и финансов, что связано с отсутствием стабильности на современном этапе развития экономики и финансов.

Объектом исследования настоящей статьи является профессионально ориентированные тексты по проблемам экономики и финансов из англоязычного печатного издания «International Herald Tribune» из раздела «Finance and Economics» за 2012–2013 годы.

Предметом исследования являются языковые и структурные особенности изучаемых текстов.

Это предполагает систематизацию вербальных и невербальных маркеров, участвующих в текстообразовании.

Мы разделяем точку зрения многих исследователей, что профессионально ориентированные англоязычные медиатексты представляют собой промежуточный жанр, возникающий на стыке научного и публицистического стили в современном языке.

Традиционно массмедийные профессионально ориентированные тексты строятся по следующим композиционным образцам: заголовок, лид, который содержит краткое изложение материала статьи, и сам текст. Следует, однако, заметить, что нередко в сфере массмедийных экономических текстов допускается некоторая вариативность построения.

Проанализированный нами фактический материал показал, что в современных профессионально ориентированных текстах по экономико-финансовой тематике заголовочный комплекс, а не отдельный заголовок является концентрированным выразителем смысла текста, так как именно этот комплекс ориентирован на заинтересованность читателя и вовлечение его в процесс общения. В дальнейшем мы будем называть заголовочный комплекс как диктемный комплекс.

Понятие диктемы было введено в лингвистический обиход М. Я. Блохом (Блох 2000). Это понятие развивает понятие сверхфразового единства (СФЕ). Принципиальное различие между понятиями диктемы и СФЕ состоит в том, что СФЕ, по мнению Блоха, не имеет уровнево-структурного определения. Оно представлено просто как текстовое объединение предложений, непосредственно связанных единством выражаемой мысли или микротемой.

Диктема же, напротив, раскрывает свои свойства как тематически и стилистически оформленная единица языка. Через диктему осуществляется раскрытие текстовой presupпозиции, обеспечивающей необходимое раскрытие всех имплицитивно передаваемых смыслов сообщения.

Однако, функционально-уровневая характеристика диктемы не исчерпывается тематической функцией. Другой, не менее важный аспект диктемы заключается в ее стилистической охарактеризованности. Стилистическая характеристика, как и тематическая, аккумулируется от диктемы к диктеме и отображается в целом тексте. Вне стилистической характеристики, воплощающей в себе различные стороны выразительной речи, существование текста невозможно.

Выявление в диктеме, а через нее в целом тексте необходимой суммы стилистических показателей М. Я. Блох называет «стилизацией».

По характеру семантических средств выражения Блох различает стилизацию фактуальную и стилизацию образную.

Сопоставление диктемы как универсальной единицы текста с абзацем подтверждает тезис о том, что в равномерно разворачивающемся письменном монологическом тексте диктема, как правило, представлена абзацем (Блох 2000). Границы между различными диктемами четко обозначаются сменами тем.

Этот тезис вполне подтверждается иллюстрацией количественных данных об организации исследованных нами текстов. В рассматриваемом нами материале в публикациях 2012–2013 гг. минимальное количество абзацев в статьях по экономической проблематике — 4, максимальное — 20.

Рассматривая информационный комплекс, содержащийся в диктеме, на первый план выходит три типа информации: фактуальный, коммуникативно-установочный и импрессивный типы информации. Диктемный (заголовочный) комплекс, являясь неотъемлемой частью текстов, не только участвует в создании лексико-семантического поля статьи, предопределяя ее тематику, но и создает объективные условия для актуализации аксиологической составляющей текстового пространства.

В условиях жесткой конкуренции перед авторами профессионально — ориентированного текста встает задача создания легко воспринимаемого читателем текста. Данная задача решается, во-первых, посредством креолизации текстового пространства, т.е. включения рисунков, графиков, фотографий, таблиц, которые не просто иллюстрируют информацию, представленную языковыми средствами, но и дополняют образ описываемого понятия.

Следовательно, вариантность структурных параметров анализируемых нами текстов экономической ориентации обнаруживается при сочетании трех компонентов текста, а именно: заголовочного (диктемного) комплекса, лида и самого корпуса текста.

Отличительной чертой проанализированного нами материала является наличие двух-, трех-, а иногда и более линий предтекстовых сообщений, которые обеспечиваются заголовочным комплексом, приведем следующий пример:

New rival for U. S. in Caribbean: China.

The Caribbean.

If China continues to invent the way it is doing in the Caribbean, the U. S. is almost making itself irrelevant (NGT, April 12, 2013)

Первая линия вводится стандартным заголовком:

New rival for U. S. in Caribbean: China.

Новый соперник США на Карибских островах — Китай.

Вторая линия представлена индикатором места действия. А третья линия представляет собой точку зрения автора: все более широкое проникновение Китая на Карибские острова (строительство мостов, дорог, отелей, магазинов и пр.), что может привести к тому, что присутствие США на островах будет совсем неуместным.

Наличие в данном тексте также трех невербальных элементов — фотографий — способствует предоставлению читателю дополнительной информации о китайском присутствии в этом уголке мира.

Кроме того, троекратное повторение *U. S., China, the Caribbean* создают эффект рекламного объявления: предложенный в тексте анализ референтной ситуации воспринимается с большей степенью доверия.

Среди стилистических приемов, наряду с простым или расширенным повтором, нередко используется риторический вопрос или императивное предложение. Приведем следующий трехлинейный заголовочный комплекс:

Blocking a rival? Go to Germany.

Berlin.

Patent lawyers thrive in a country where suits interrupt sales quickly. (IGT, April 9, 2013)

В данном заголовочном диктемном комплексе непосредственно заголовок (первая линия) содержит интеллективно — эмотивную и импрессиивную информацию, именно он задает интригу: закрыть доступ сопернику (конкуренту)? Поезжайте в Германию. Стилизация данного диктемного комплекса сильная, что достигается использованием данных синтаксических средств. Лид (третья линия) содержит краткое содержание статьи о том, что патентные законодатели преуспевают там, где «suits» (метафорическое название старших менеджеров) могут быстро блокировать торговлю, т.е. устранить конкурента.

Обращает на себя внимание тот факт, что в популярных экономических статьях широко используются коннотативные слова и словосочетания, которые косвенно отражают оценку описываемого явления, служат средством экспрессивного выражения и эмоционального воздействия на читателя. Это может быть экспрессивно или оценочно окрашенная лексика, когда в контексте статьи определительные существительные или прилагательные параллельно или одновременно с реализацией прямых значений реализуют окказиональные смыслы, которые в своей совокупности создают эмоционально окрашенный подтекст письменного текста, коммуникативно значимый для адекватного восприятия смысла. Приведем следующий диктемный (заголовочный) комплекс:

The Federal Reserve. The hedge Funds.

Can China save GM?

A new rival for U. S. in the world: China if you do not adjust for rise, the Fed is making good money for Uncle Sam. (NGT, April 20, 2013)

Заголовок «Can China save GM?» призван заинтересовать читателя, спровоцировать его на общение.

Лид «Новый соперник для США в мире — Китай» содержит фактуальную информацию сообщает о все возрастающей роли Китая в мировой экономике. Вообще в статье речь идет об астрономических убытках автогиганта General Motors, снижением производства в США и о значительных инвестициях в Китай (в качестве спасительных мер), где General Motors расширяет свои производственные базы. Благодаря сотрудничеству с мировыми автогигантами промышленность Китая значительно повысила уровень производства. В статье с помощью слов с дополнительным экспрессивно-эмоционально-оценочным значением четко выражается противопоставление умиряющего производства General Motors в США и бурно развивающейся китайской национальной промышленности. Например, США: a dying company, decline, losses, death knell, dramatic reduction, bankruptsy, trouble, poor, etc. Китай: world's second largest car market, expand, success, push, rise, profits, to go harder and harder, prestigious, to explode in China, etc.

В приведенном выше примере термины в качестве ключевых маркеров англоязычных профессиональных медиатекстов по экономической проблематике приобретают способность расширять свой семантический объем за счет коннотаций: в составе данного диктемного (заголовочного) комплекса входят, наряду с терминологическим словосочетанием hedge fund, прецедентные имена: The Federal Reserve (the Fed), Uncle Sam, Foggy Bottom. Последнее является сленговым наименованием госдепартамента США. Поскольку под хеджевыми фондами подразумеваются спекулятивные фонды, целью которых является получение максимальной прибыли в любых условиях, то данный диктемный комплекс, как нам представляется, привносит в текст некоторый оттенок иронии. Риторический вопрос «Can China save GM?» также способствует созданию эффекта интриги, напряженного ожидания.

Иногда авторы информационно-аналитических статей по экономической проблематике допускают, что не всегда читатели обладают необходимым багажом профессиональных знаний.

В этих случаях авторы часто используют прием прямого толкования термина или понятия в тексте, справедливо полагая, что это самый надежный способ объяснить его значение.

При этом нередко используются ссылки на имена известных экономистов, компаний, банков, экономических мероприятий, бизнесменов.

Они, как правило, располагаются сразу же за заголовочными комплексами. Например:

«It seemed market forces should have put downward pressure on the dollar», says Jared Bernstein, an economist at the Economic Policy Institute.

(IGT, may 12, 2013)

Last month, Ben S. Bernanke, the U.S. Federal Reserve chairman, and Timothy F. Geithner, the U.S. Treasury secretary, told Congress that the European economies at the centre of the crisis had made significant progress; many companies survived the shock.

(IGT, April 10, 2013)

В последнем предложении присутствует также прием олицетворения, которое реализуется использованием глагола действия, присущего человеку.

Весьма распространены случаи развернутой или расширенной метафоры, когда образность создается целым рядом дополняющих друг друга простых метафор, усиливающих мотивированность образа путем его дальнейшего развития. В приводимом ниже примере:

Obama urges better oil oversight

Washington, the White House Rose Garden

Isn't Obama's proposal a pretty huge fail?

(NGT, September, 2013)

Речь идет о стремлении Обамы убедить республиканцев принять его план обуздания спекулятивных цен на нефть, когда «speculators reap millions». В тексте широко используются метафорические сравнения, например: *Obama's victory would make him the flag bearer of the Democrats' new populism, Mitt Romney took an evident swipe at the Democrats, Obama is working against the clock, today's Rose Garden event is just another gimmy — a shiny object... etc.* Приведенные выше метафоры в сочетании с лидами «Isn't Obama's proposal a pretty huge fail?» придают ироничный оттенок данному тексту.

В заключение следует сказать, что англоязычные профессионально ориентированные тексты, занимая промежуточные положения между профессиональными текстами и текстами средств массовой информации, направлены на оказание определенного воздействия на аудиторию. Максимальное воздействие на адресата достигается многоплановым характером текста и, прежде всего, комбинацией рационального и эмоционального компонентов. Авторы широко используют как лингвистические, так и экстралингвистические приемы, к по-

следним относятся фотографии, таблицы, рисунки, графики. Среди языковых приемов конденсации информации можно выделить: употребление терминов, аббревиатур, элементов устной речи, риторических вопросов, императива, цитат.

Проанализированный нами материал позволяет сделать вывод о том, что инвариантная модель макроструктурных текстов состоит из диктемного (заголовочного) комплекса, информационно-аналитического блока и иллюстративного компонента. Диктемный комплекс включает два обязательных и два факультативных компонента. К обязательным мы относим диктемное имя статьи и лид (основную составляющую информации), к факультативным — обобщающий элемент, относящий конкретный материал к определенной экономической тематике, и географический указатель места события.

Стилизация, которая реализуется в диктете и через диктему (или диктемный комплекс) относит профессионально-ориентированный текст к обработанным медийным специальным текстам. Если классический профессиональный текст по экономической проблематике характеризуется фактуальной стилизацией, то в случае профессиональных медиатекстов по экономической проблематике мы отмечаем присутствие в них образной стилизации. Экспрессивная (сильная) стилизация достигается рядом лексико-грамматических средств.

Сочетание экспрессии и стандарта достигается за счет экономических и финансовых терминов, а также значительного количества лексики, относящейся к официальному стилю. Эмоциональную тональность задают термины, приобретающие некоторое коннотативное значение, а также другие лексико-грамматические средства, такие как риторический вопрос, повелительное предложение, оценочная лексика, аббревиатура, цитирование.

Литература:

1. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2000, — 340 с.
2. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре текста [Текст] / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. — 2000 — № 4. — с. 56–57
3. Петушинская, Е. Г. Язык популярного экономического дискурса. Автореф. дис. ... канд. филол. Наук. — М. 2008. — 16 с.
4. Федосеева, М. Ю. Цифровые обозначения в англоязычном профессиональном тексте по экономической проблематике / М. Ю. Федосеева // Семантика и прагматика дискурса: межвузовый сб. науч. ст. — Самара: Издательство «Самарский университет». 2010. — с. 153–161.
5. [IGT] International Gerald Tribune. NY. 2012–2013.

Специфика восприятия И. А. Буниным арабского Востока

Шагаева Зарина Абаевна, магистрант

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Тематика Востока пыталась проникнуть в массовое сознание через импрессионизм и постимпрессионизм, наполняя своим колоритом не только литературу, театр, музыку, но и формируя ряд положений, вызвавших полемику в кругах творческой интеллигенции начала XX века.

Бунин, как поэт и прозаик второй половины 19 века, питавший интерес к различным культурам, смотрит по — другому относительно других авторов, духовное стремление которых было направлено к миру Востока. На сегодняшний день И. А. Бунин — христианин от рождения, «последователе Будды» [1,16], «передающем его идеи доносящем благородные истины до всех «братьев» в реальной жизни» (Т.Г. Марулло) [1,49], а также «главный мусульманин» русской поэзии (В. Пруссак) [2,11]. Однако, данные формулировки свидетельствуют о недостаточном знакомстве с биографическими данными, идеями творчества, религиозно — философскими предпочтениями писателя; просто исследуя которые невозможно проникнуть в глубину творческого наследия Бунина, понять его мироощущение, выраженное в художественных текстах.

Обращение Бунина к теме Востока связано с проявившейся уже в его раннем творчестве тенденцией к постановке вопросов существования человека, его пребывание в мире, как хрупкой духовной материи, что способствовало переосмыслению духовного опыта посредством проникновения в восточную культуру.

Склонность к философскому осмыслению окружающей его действительности, а именно страсть к познанию неизвестного и загадочного, что таит в себе мир Востока со своим фатализмом и созерцанием, стремление найти ответы на самые важные вопросы — человеческого бытия, соотношения судьбы отдельного человека, как личности с окружающим миром и судьбами всего человечества, — все это предопределило обращение писателя к философско-этическим системам стран Востока в разные исторические эпохи.

Интерес И. А. Бунина к культуре Востока был довольно глубоким, это связывалось, в первую очередь, не с данью моде, не со стремлением постичь экзотическое, а с нравственно-философским поиском истины, с желанием постичь тайны развития мировых цивилизаций. Определяющее значение для формирования взглядов писателя имели его многочисленные путешествия.

Информацию о мусульманской религии Бунин впервые почерпнул из чтения Корана. Это был Коран в переводе на русский язык К. Николаева (1864) [3]. После посещения писателем Турции, по утверждению В. Н. Муромцевой-Буниной, «ислам вошел глубоко в его душу» [4, 222]. Тематика Востока не только смогла найти отра-

жение в творчестве Бунина, она способствовало возможности писателя абстрагироваться от действительности, направив сознание на путь духовного равновесия, по мере постижения той или иной категории бытия, что способствовало обретению автором неизведанных ранее творческих сил и возможностей. Это и позволило осветить религиозные мотивы максимально приближенно к толкованию понятий священной книги мусульман. Импульсом вдохновения для Бунина послужила кладезь истин мусульманской религии, где поэт смог найти ответы, поиск которых был для Бунина длиною в жизнь. Нельзя категорично судить о том, что ислам стал конечной станцией духовного и творческого поиска поэта, но безусловно стремление Бунина вернуться в мир востока вновь и вновь, является показателем значимости для автора той неподдельной устремленности мусульманского народа к обретению духовной чистоты. Таким образом, он подкрепляет свое отношение к духовному, как бы присоединяет свою гражданскую позицию к высшей этической, к Господней, воспроизводя свои замыслы в художественном слове.

Произведения И. А. Бунина могут быть с полным правом признаны информационным материалом о религиозной культуре Востока. Следует подчеркнуть, что интерес поэта к Востоку не был религиозным самоопределением, этот интерес скорее носил эстетический и одновременно глубоко этический характер. Отсюда не правы те учёные, которые без достаточных доказательств и оснований причисляли Бунина к адептам той или иной религиозной системы. Бунин не пытался предпринимать решительных шагов к сближению с какой-либо восточной мировоззренческой концепции вероисповедания. Веря в заповеди Библии, уважая мудрость Корана, он, тем не менее, относился к религии — христианской ли, буддийской, мусульманской — как к общей для всего человечества идее, способствующей воспитанию всех людей в духе братства. Поэт чувствует нечто единое, лежащее в основе всего мира и человечества — именно эту мысль Бунин отстаивает на протяжении своих духовных и творческих исканий. Поэт рассматривал любые религии как ценности, являющиеся достоянием всей человеческой истории. Обращаясь в своих философских поисках к Востоку, он видит в нём саму суть общечеловеческих духовных устремлений.

В исследовании творчества Бунина, восточной тематики, недостаточно литературоведческого анализа художественных текстов, необходимо провести глубокий анализ составляющих религиозных символов, религиозных терминов, переданных Буниным при помощи приема транслитерации с тех или иных восточных языков. Это позволяет глубже проникнуть в содержание произведений автора на восточную тематику, а также оценить

подлинное знание автором тех традиций, которые обнаруживают себя в его поэтическом и прозаическом творчестве. Бунин не только передал духовную культуру Востока через художественное слово, он погружал свое сознание в новую религиозную среду и посредством этого смог создать уникальные по своему содержанию поэтические и прозаические произведения, художественного и в некоторой степени исследовательского характера.

В 1902—1909 гг. в издательстве «Знание» вышло первое собрание сочинений Бунина. В третьем томе, озаглавленном «Стихотворения 1903—1906», отдельный раздел отведен стихотворениям, связанным с притчами и сентенциями Корана, с легендами арабского Востока. Раздел получил название «Ислам» и включал девятнадцать стихотворений. Специфичность этого цикла заключается прежде всего в том, что автор использует реминисценции из Корана, что заставляет прибегнуть не только к анализу художественного текста, но провести исследование на уровне этимологии составляющих понятий. Иностранные слова в «восточных» произведениях Бунина — ключевые понятия, с помощью которых становится ясно не только основная тема произведения, но и делается видимым его подтекст. Автор по-своему переосмысливает темы притч и легенд Востока, даёт им новое символическое значение. Но одновременно он опирается на собственные впечатления от встречи с современным Востоком.

Становится очевидным необходимость совокупного анализа основного сюжета, подтекста, посредством истолкования сочетаний, носящих Коранический смысл, а также интерпретации терминологии и символики с точки зрения религиозного значения. Посредством тонкостей изучения мусульманской культуры и полного погружения в восточную среду Бунину удастся заключить в основной сюжет важные религиозные моменты жизни мусульман, и посредством использования тех или иных арабских слов не столько создать поэтические иллюстрации к главной священной книге мусульман, сколько следовать импульсу воздействия религиозной культуры на творческое вдохновение — сознание автора. Сильная жажда познания практически не исследованного на тот момент, духовной культуры Востока, предопределяла уникальность творческих результатов. В условиях противоречивого отношения общества, в частности интеллигенции, к мусульманам становится знаковым принятие 17 апреля 1905 года «Закона о веротерпимости» в России, как резонанса, вследствие борьбы европейцев за утверждение принципов свободы совести. Российская империя начинает строительство роскошной мечети «а ля Самарканд» в Петербурге [5]. В этот период достоянием творческой интеллигенции впервые становится уникальный поэтический материал на мусульманскую тематику, в которых находят свою интерпретацию неосвещенные ранее аспекты этой тематики. Бунин не был «первопроходцем» в загадочный для России «исламский Восток» — а последовал туда вслед за автором «Подражаний Корану», за Пушкиным. Однако, если бы Бунин лишь зафиксировал давно всем известный образ «сонного униженного Востока», он бы не был оригинален и тем более не издал бы — первый и единственный

в истории русской поэзии, на тот момент, поэтический сборник «Ислам». Он долго копил впечатления, публиковал отдельные стихи, но лишь после принятия Закона о веротерпимости осмелился выпустить сборник со столь вызывающим (для того времени и русской литературной традиции) названием. Соратники-литераторы встретили его с изумлением, но в целом доброжелательно. Это была непровольная попытка оттолкнуть свое сознание от уже воссозданных стереотипов о культуре и духовной жизни восточных народов. Стало очевидным, что в центре внимания Бунина — не тот ложный «покой» и не восточная экзотика, которые были известны миру, а то, что ему удалось увидеть своими глазами. Ему искренне нравилось погружаться мысленно в мир знаков, смыслов и символов Священной Книги. Лучшие его «восточные стихи» — своего рода продолжение пушкинской попытки «подражания Корану», но Бунин осознает внелитературный источник происхождения Книги и принимает знание о том, что Коран — принадлежит Великому и Таинственному Автору, Творцу мира. Пророк Мухаммад — вовсе не «автор», как казалось (и кажется сейчас) многим европейцам. Он — слушатель и передатчик Слов, пришедших к нему свыше. Бунин вряд ли исследовал эти филологические, а по сути богословские проблемы, но явно это чувствовал, что нашло отражение в его произведениях.

Нравственно — философские искания автора отражают особенности его художественного мышления и восприятия внешнего мира, для которого является характерным синтез различных категорий. За художественными образами в произведениях проступает та мировоззренческая составляющая, некая природная предрасположенность, которая и сбивает исследователей с верной траектории анализа творчества и личности писателя, где преобладание символов и образов той или иной религиозной мысли берет верх, тем самым заслоняя возможность анализировать личность поэта с точки зрения того или иного принципа. Именно поэтому нельзя оставлять без внимания те стороны духовного самосознания художника, которые на первый взгляд не выступают в роли основополагающих, что является основанием тщательного исследования художественных текстов автора, с необходимостью прибегнуть к изучению и толкованию основных символов, образов и фактов, использованных им.

Восток был для Бунина колыбелью всего человечества, своеобразным доисторическим местом, в котором он искал истоки жизни человека, культуры, общества в целом. Пытаясь впитать в себя иную культуру, погружаясь в религию, быт восточных людей, стремясь ощутить Восток даже на чувственном уровне поэт становится столь совершенен в отражении воспринятой материи, что ему удается блестяще отразить свой духовный мир на страницах поэтических и прозаических произведений.

Мир Востока, отраженный в произведениях Бунина, позволяет сформировать картину жизни мусульманского народа, таинство которого на протяжении долгого времени находилось под взорами исследователей, но создать «поэтический Восток» с такой точностью передаваемых понятий и символов удается только И. А. Бунину.

Он пытался постичь истоки восточной мудрости не только как писатель, но и как человек, сумев построить совершенную модель существования человеческого общества и бытия.

Литература:

1. Минаев И. 77 Очерки Цейлона и Индии из путевых заметок русского ч. Ч. 1—2—СПб Л. Ф. Пантелеев, 1878
2. Русские поэты «серебряного века»: Сб. стихотворений: В 2т./ Сост., авт. вступ. Статьи и коммент. Н. Ю. Грыкалова — Л.: Издательство Ленингр. Ун-та, 1991
3. Коран Магомеда / Пер. с араб. на фр. А. Б. Биберштейна-Казимирского. Пер. с фр. К. Николаева. М., 1864
4. Муромцева — Бунина В. Н. Жизнь Бунина, 1870—1906. Беседы с памятью / Сост., предисл. И примеч. А. К. Бабороенко. — М.: Советский писатель. 1989
5. Аминов, Д. А. Санкт-Петербургская соборная кафедральная мечеть: исторический очерк. — СПб., 1992.

Периодические обряды, посвященные духам-божествам в сказаниях эвенков рода Бута

Яковлева Маргарита Прокопьевна, аспирант

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН (г. Якутск)

Род Бута является одним из древних родов эвенков, расселен по большой территории Амурской области, юга Якутии, севера Хабаровского края и о. Сахалин. Впервые данный род упоминается в письменных источниках XVII в. на средней части реки Алдана. В середине XIX в. среди удских эвенков, по рекам Бурее и Селемдже, на Сахалине и около Аяна, а в 50-е гг. XX в. — по притокам Алдана (Учур, Алгома), по Алдану ниже Учюра, на р. Уде и в районе Аяна [4, с. 80]. Компактность проживания указанного рода позволяла им чаще поддерживать родственные отношения, тем самым сохраняя функции эвенкийского фольклора в своей среде. По традиции эвенков, при встречах даже двух-трех семей обязательно исполнялись песни, хороводы и героические нимнганканы.

От представителей рода Бута записаны произведения различных фольклорных жанров — мифы, сказки, песни, образцы запретов — *одё*, различных благопожеланий — *алга*, также записано немало количество героических сказаний эвенков. По устным сведениям многих эвенков, в роду Бута была сильна традиция исполнения героических сказаний, имелись известные сказители и певцы.

В текстах сказаний рода Бута обнаруживаются традиции и разнообразные черты обрядовой культуры эвенков, где они следуют эвенкийским традициям и обычаям. Особенно хорошо отражены взаимоотношения героев с духами-божествами природы.

Мировоззренческие представления эвенков о божествах, духах природы формировались, развивались и модифицировались на протяжении многих веков. В системе традиционных верований главное место занимают духи разных стихий и явлений природы, которые помогают эвенкам в жизни. Существуют разные категории пантеона

духов — божества земли и неба, духи-хозяева природы, духи стихий, планет и созвездий.

Взаимоотношения человека-эвенка с различными духами-хозяевами природы регулировались через обряды «дарения — *улганни*», «кормления огня — *имты*» и различных просьб, обращений — *алга*, *хира*.

Обряд дарения — *улганни* проводят в местах, где живут духи-хозяева природы: перевалы, хребты, трудные места пути, берег реки. В этих местах привязывают на деревья ленточки из ткани, подшейные волосы оленей или кладут в подарок различные мелкие предметы.

Обряд кормления огня — *имты*. Эвенки всегда кормят огонь, каждый охотник, рыболов и большинство мужчин и женщин в наиболее важные моменты жизни совершают угощение огня. Огонь кормят по всевозможным случаям и почти ежедневно, т.к. вся жизнь эвенка зависит от огня. В эвенкийском мировоззрении считается, что посредством огня человек может обратиться к различным духам и божествам. Огонь угощают с просьбой дать удачи в промысле, по поводу семейных праздников, испрашивая благополучия для семьи, рода.

Обряды *улганни* и *имты* в героических сказаниях рода Бута показаны по традициям эвенков. Герои эпоса в трудных обстоятельствах обращаются за помощью к различным духам-хозяевам природы. По сюжету в сказании «Дулин Буга Торгандунин», сын богатыря Торгандуна Ивулчэн берет в жены девушку из верхнего мира Гелтынгачан-красавицу. Богатырь Ивулчэн и девушка Гелтынгачан с приданым (стадом оленей, лошадей и коров) должны спуститься с верхнего мира в средний мир на родину Ивулчэна. Преодолеть границы верхнего и среднего миров очень трудно, т.к. в представлении эвенков горные хребты и неприступные скалы разделяют два мира. Гел-

тынгачан-красавица просит помощи у духа-хозяина гор и обращается к стоящей перед ними неприступной скале. Для того чтобы дух горы помог им, Гелтынгачан вначале совершает обряд *улганни*. Вынимает из кармана красный шелковый платок, половину платка вешает на растущую березу, другой половиной трижды взмахивает в сторону восхода солнца.

В этом же сказании «Дулин Буга Торгандунин» героиня Гахантыма девица при отъезде со своей родины на родину мужа совершает обряды *имты* и *улганни*. Она обращается к духам-хозяевам родной земли, которая представлена супружеской парой Эгдэр и Энгир энир. Героиня украшает растущую лиственницу, елочку и березу разноцветной подшейной шерстью оленей, волосами гривы лошадей, обрезками красного сукна, синего шелка, белого батиста, т.е. совершает обряд *улганни*. Затем она

кормит огонь-дедушку праздничным угощением, совершает обряд *имты*.

Обряды *улганни* и *имты* сопровождаются обязательно просьбами — *алга, хира*. В обыденной жизни тексты этих просьб-обращений (*алга, хира*) по-своему содержанию лаконичны, в сказаниях же обращения-просьбы по форме объемны, т.к. они отражают поэтику эвенкийского эпоса.

Структура *алга, хира* в героических сказаниях рода Буга выглядит следующим образом:

- 1) заповные слова;
- 2) обращение к духу;
- 3) представление себя духу (устная визитка);
- 4) пояснение причины обращения за помощью;
- 5) просьба к духу;
- 6) благодарность и прославление духа;
- 7) заканчивается заповными словами.

Таблица 1. Обращение-алга Гелтынгачан красавицы к духу горы

Заповные слова Гелтынгачан:	
Геро-геро героканин!	Геро-геро героканин!
Обращение к духу горы:	
1. Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл, 2. Дюр дёһун буга дёгдюрин 3. Дюгдюр амин бугав, би иччилэкмэ турэнмэв иргэлэви ивкэл, 4. Долави долдыкал, 5. Сендуви силдыкал! 6. Де эр би дялалкан мэнми дяларбудям, 7. Токсокилкан мэнми тоқкойдём, 8. Гэлэри бого гэлнэрэн, 9. Алтатты бого аңнаран,	1. Вот, вот, смотри, 2. Преграда двух миров хребет-батюшка, 3. Мои проникновенные слова пойми разумом, 4. Прочувствуй нутром, 5. Выслушай ушами! 6. Вот я, имеющая суставы, 7. Явилась перед тобой, низко кланяюсь, 8. У меня большая просьба, 9. Мольба к тебе.
Представление себя этому духу (устная визитка).	
1. Џи эма киливли оданды гунэкис, 2. Геван һунадин Гелтыңачан гунмури	1. Если спросишь, кто я, что за девушка, 2. То я дочь Гевана Гелтынгачан-красавица
Пояснение причины обращения за помощью:	
1. Дулин буга Торгандунин эһэв, 2. Угу буга Гаһантыма аһаканин эвэв 3. Дяпкун һунат оһилкан, 4. Йэгин унар саңнян оһолгилкан, 5. Кыре нюриктэлкэн, бурдян гургу того эһэкэвэтын 6. Омактат илари 7. Тыйис сэксэдук ийакилкан, 8. Алаһандя дюватын дюпты танды, 9. Одун сэксэдук оңорулкан 10. Угу аһи һунадин эмэм. 11. Дулин бугав бэгин иччидун 12. Дулин буга Ивулчэндун 13. Катун аһи ори ийакилкан одам. 14. Дулин бугаду котун иччи окса, 15. һутэвэ балдывукса, 16. Бэйэ тэкэнин омдак, тэриндем, 17. Орон соһувэ самңимдак, 18. Муриң соһувэ куремдэк, 19. Инак соһувэ иргимдэк, дюр эвэнкивэ иргимдэк, 20. Илан эвэнкивэ иливумдак мэнми туспа, буга	1. От суровой крови мне было предсказано 2. По-новому разжечь с седыми волосами, 3. С бурой бородой огонь-дедушку, 4. Имеющего восемь искр-девушек, 5. Девять стелящихся дымов-сыновей, 6. Огонь дедушки Торгандуна средней земли 7. И бабушки Гахантыма девушки верхней земли, 8. Пришла я, дочь верхних аи, 9. И мне всевышним властителем рока 10. Предсказано поддерживать домашний очаг их. 11. Мне суждено стать госпожой женой 12. Главного хозяина средней земли 13. Ивулчэна средней земли. 14. На средней земле, став госпожой хозяйкой, 15. Должна родить детей, 16. Чтобы продолжить человеческий род, 17. Развести дымокур для оленей, 18. Держать в изгороди лошадей, 19. Развести крупный рогатый скот, 20. Вскормить двух эвенков,

21. Котун иччин омдак эмэм. 22. Де тара су бэгин иччивэр дулин буга Ивулчэнин 23. Илан дэткэн дэлэмичэвэн ийақтақ, 24. Аналлак иргиври энин бугалавар 25. Исты ийакилкаһал биһиктын 26. Сандал самңинин, 27. Саргы богон эңэт самина биһикин,	21. Поставить на ноги трех эвенков [поставить на ноги поколения трех эвенков]. 22. И если суждено всем стадам 23. Хозяина вашего Ивулчэна средней земли 24. Благополучно добраться 25. До своей матушки-земли, 26. Если не суждено потухнуть его дымокурам 27. И не суждено развеяться его счастьем,
Просьба к духу:	
Би иччилэкмэ турэнмэв иргэлэви ивуксэ, Долави долдыкса, Эр бу илан дэткэн дэлэмичэвун Элэкинди батна эври артыкһа Укурат ова биракан окса, Артыкки ныксэ, букэл.	То проникновенные мои слова пойми разумом, Прочувствуй нутром И открой широкую дорогу, Подобную струящейся речке, Чтобы по ней смогли спуститься Все наши стада
Благодарность и прославление духа:	
Уруй-айкал огин!	Слава тебе, слава!
Заканчивается заповедными словами:	
Геро-геро героканин! [2, с. 292]	Геро-геро героканин! [2, с. 293].

Обрядность, связанная с представлениями о духах-хозяевах природы, была обусловлена моральными традициями *иты*, запретами — *одё*. Именно традиции *иты* и запреты *одё* регулировали этические и социальные нормы жизни эвенков.

У эвенков существовал и существует устный свод узаконенных правил, регламентирующий социальные, семейные и межродовые отношения. Он касался и отношений человека с окружающим миром. Это обозначалось словом *иты* (*итин*), имеющим значения «режим, закон, устав», а также обычай, традиция, порядок. По фольклорной версии мифов творения, *иты* оставил эвенкам творец *Сэвэки*, сотворивший среднюю землю и все прочее на земле. Как пишет знаток эвенкийского фольклора Г.И. Варламова, «*Иты* — это заповеди общечеловеческого содержания, по которым следует жить эвенку. *Иты* составляют общий свод положений и подобны библейским типа: не убий, люби ближнего своего» [1, с. 57]. Традиций *иты* придерживаются эвенки и в настоящей жизни. Например, соблюдают обычай *нимат*: «*Буга бунэвэн бэеду эври мулан, борилдыври, нимадыври. А адьяканма карай-чадук мун-да эчэ абулла. Буга буми буди эн; —* Делись безвозмездно, соблюдая обычай *нимат*. Еще ни один человек не умер от того, что накормил сироту, поэтому небо-родитель Буга, благословляя, даст пищу и тебе» [1, с. 57.]

Литература:

1. Варламова, Г.И. 2004 Варламова Г.И. Мироззрение эвенков. Отражение в фольклоре — Новосибирск: «Наука», 2004.
2. Дулин буга Торгандунин — Торгандун среднего мира / Сост. А.Н. Мыреева. — Новосибирск: Наука, 2013. — 856с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 31).

Другое положение *иты* касается бережного отношения к природе: «*Бутуннувэ дуннэ иргивки, бэе нян дуннэ токтан; —* Всех и все земля растит, человек тоже ее соринка» [1, с. 57].

Одё — это свод конкретных правил, запретов-табу для повседневной жизни человека. Они являлись правилами для мужчин в охоте, для женщин и детей в быту. К примеру, мужчины не должны разбрасывать кости зверя, а сложить их на специально построенный лабаз (если зверь схоронен по всем традициям, то его душа вновь возродится и зверь не исчезнет в тайге). Многие *одё* относимые к женщинам оберегают рожениц: нельзя ходить в гости, поднимать тяжелые вещи, есть несвежую еду. Многие конкретные *одё* являются наставлениями для родителей — детей нельзя ругать, нужно спокойно объяснять последствия их поступков, маленьким детям нельзя позволять играть в шумные игры (если ребенок постоянно играет в шумные игры, впоследствии не будет уметь сосредотачиваться умственно) и т.д.

Эвенки и в настоящей жизни соблюдают указанные традиции — *иты*, *одё*, также совершают периодические обряды *улганни* и *имты*. Духи-хозяева местностей на хорошее отношение к ним человека всегда отвечают добром. Когда эвенки преодолевали реки, горы и другие трудные места благополучно, считали, что им помогли в этом духи-божества. Также поступают и персонажи в героических сказаниях рода Бута.

3. Типы героических сказаний эвенков / сост. Г. И. Варламова, А. Н. Мыреева. — Новосибирск: Наука, 2008. — 228с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 20).
4. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 392с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 7 (87) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
E-mail: info@moluch.ru
<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4